ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 33 АВГУСТ 1987

ЮРИЙ ЧЕРНИЧЕНКО: СУДЬБА ВИНОГРАДАРЯ

ЧУДО В АБАСТУМАНИ

К ТАЙНАМ ВЕТРЕНОГО ПОЯСА

ДАЙ ЛАПУ, ДРУГ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (3134)

15—22 АВГУСТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Писатель Василий Песков в Московском зоопарке (См. в номере материал «Поможем братьям меньшим».)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

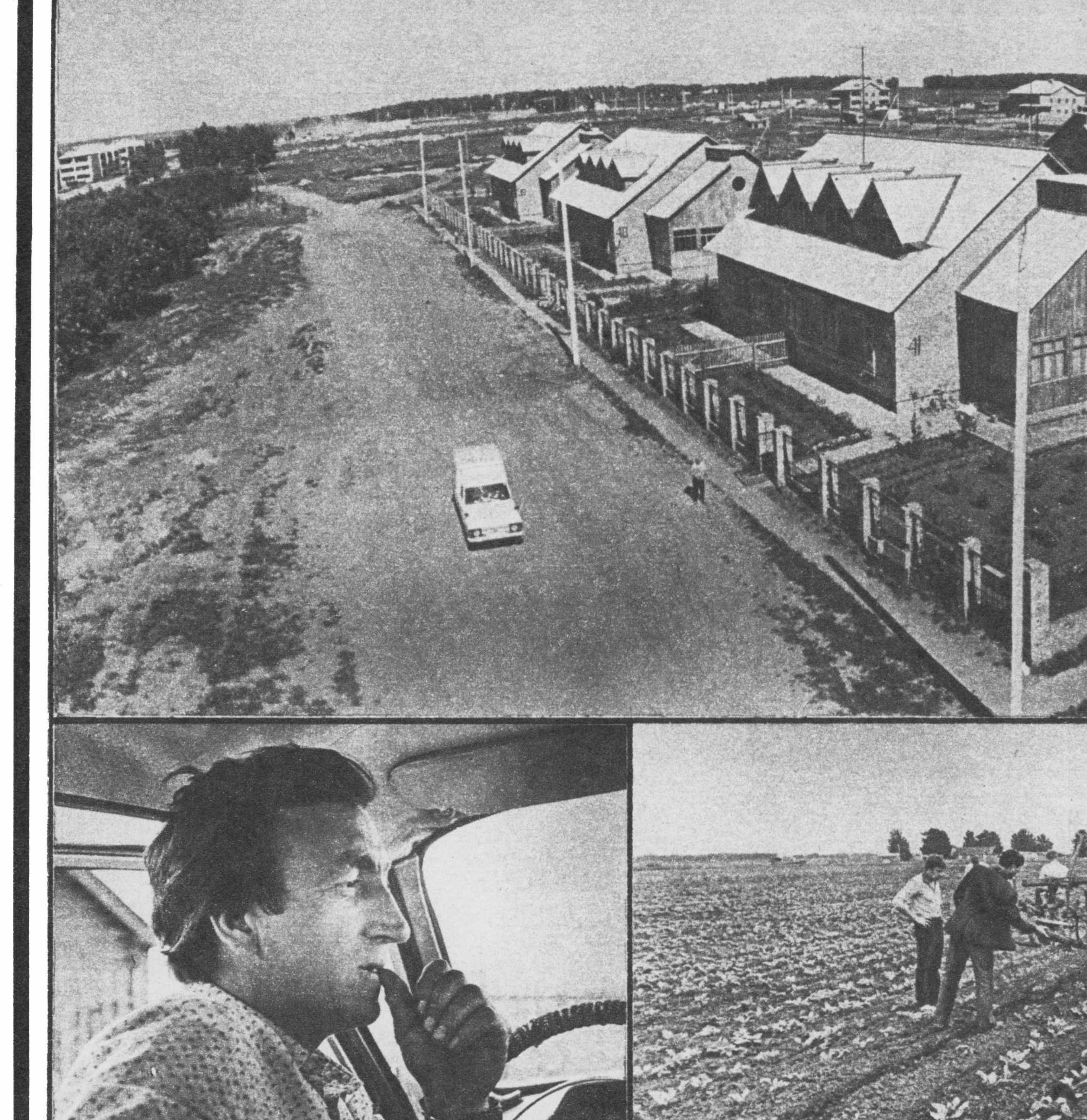
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 251-89-83; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 24.07.87. Подписано к печати 11.08.87. А 00415. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1801. Заказ № 1016.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

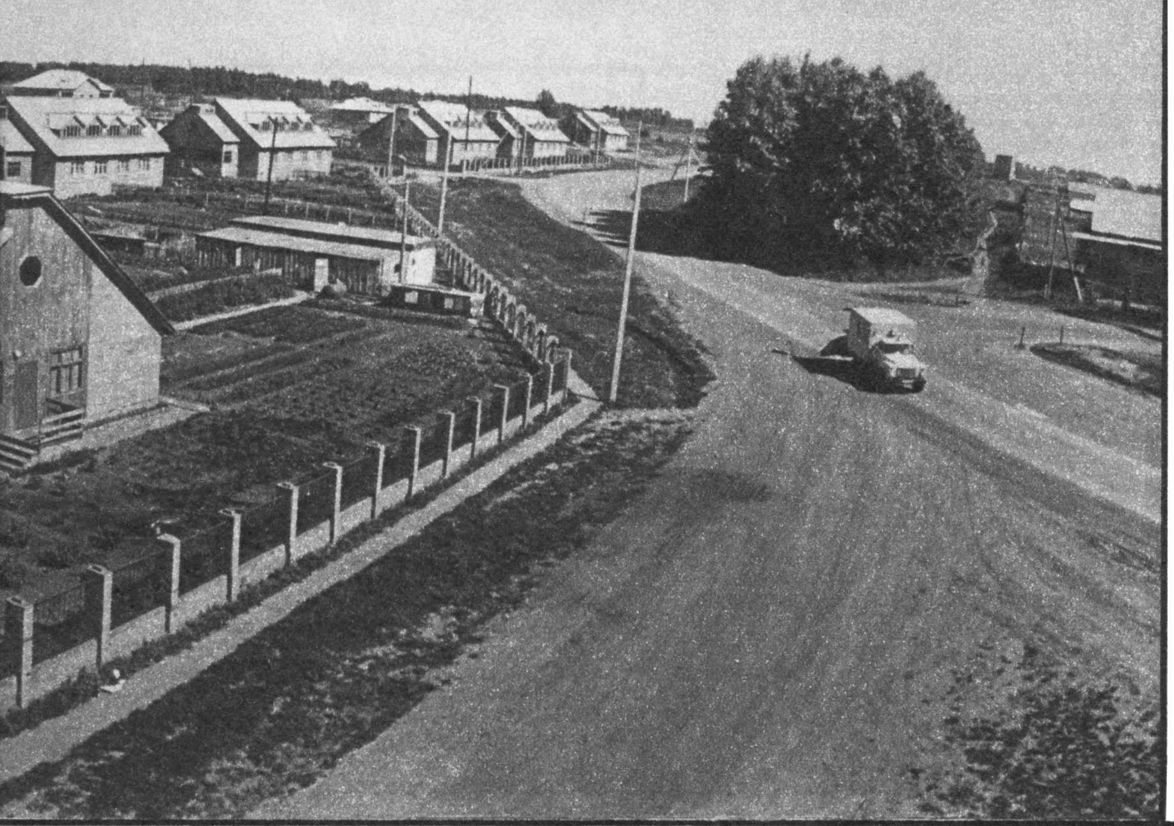
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

НЕ С КОЛЕСА,

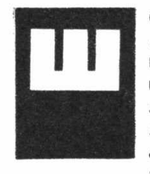
КИТы — КОЛЛЕКТИВЫ ИНТЕНСИВНОГО ТРУДА НА СЕЛЕ. ДАЖЕ ТОТ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕБОЛЬШОЙ ОПЫТ, КОТОРЫЙ НАКОПИЛИ ОНИ, УБЕЖДАЕТ В ИХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ.

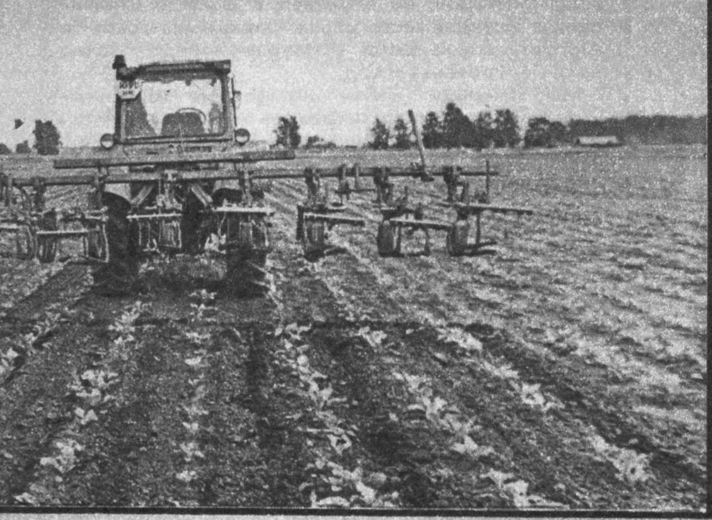

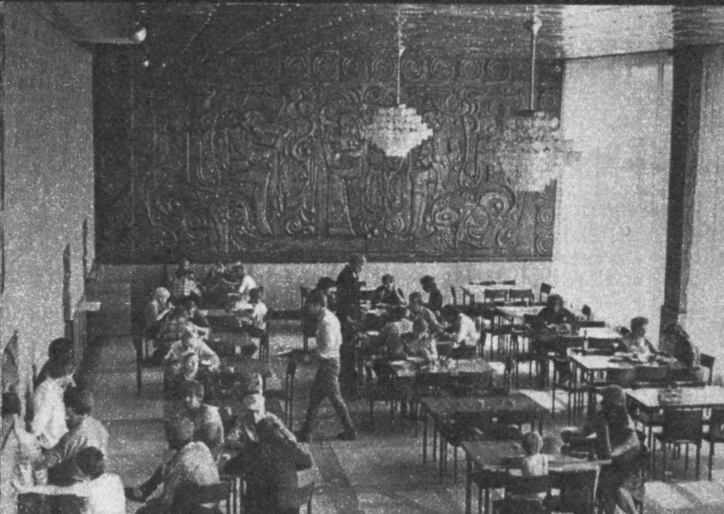
Юрий ЛУШИН,
специальный корреспондент «Огонька»
(фото автора)

Шел третий час ночи, но большой семейный совет продолжался. Вновь и вновь братья вместе с отцом вчитывались в строки документа, составленного учеными Сибирского отделения ВАСХНИЛ под руководством академика Николая Васильевича Краснощекова. Документ назывался буднично — «Проект производства зерна», однако содержал не виданные дотоле вещи. В нем утверждалось и обосновывалось точными расчетами: два механизатора способны полностью обрабатывать тысячу гектаров земли (обычно на такой площади заняты 9—10 человек) и выращивать на ней урожай не менее 20 центнеров зерна на круг. Для достижения цели предполагалось на основе хозрасчета ввести интенсивную технологию производства зерна, закрепить за звеном землю на пять лет, а также и технику. Оплата — за конечный результат. При этом стратегию обработки полей, сева или жатвы определяешь сам — полная тебе воля. Заманчивый проект!

А С КОЛОСА!

Разумеется, создавался он не специально для Кожуховых, но почему-то именно им первым предложил осуществить эту идею председатель колхоза «Большевик» Юрий Федорович Булгаков. Владимир Кожухов работал тогда механиком на ферме, а Леонид — механизатором. И вдруг — выращивание зерна, в котором столько тонкостей... И председатель колхоза, и ученый понимали, что от успеха эксперимента зависит судьба самой идеи. Поэтому искали оптимальный вариант звена. Причем психологическую совместимость они ставили выше профессионального мастерства.

Братьев Кожуховых тоже тревожили сомнения. Они, примеряя себя к той тысяче гектаров, рассуждали:

— Это хорошо, что ученые предлагают четырехпольный севооборот,— говорил один,— тут и пар, тут и озимые рожь с пшеницей, и ячмень, и яровая пшеничка, наконец. Не соскучишься. И созревает все постепенно, в разные сроки, удобно, на жатве облегчение.

— А на посевной? Ее ведь не растянешь? Как весной все успеть вдвоем? — подбрасывал вопросы другой.

●
Село Верх-Ирмень.

●
Владимир Кожухов.

●
Страда деревенская...

●
Звено на своем поле: Владимир и Леонид Кожуховы и Николай Пулатов.

●
Лето в Сибири.

●
Столовая в «Большевике».

— Но техника-то в наших руках. Переделаем, допустим, тот же лущильник, навесим дополнительное оборудование, чтобы за один проход агрегата делать одновременно несколько операций. То же самое — на сеялках...

Так они беседовали до третьих петухов, и по всем прикидкам выходило — дело стоящее!

Над селом Верх-Ирмень начинало светлеть. Все вокруг еще спало, и никто не догадывался, что в этот час родился КИТ — коллектив интенсивного труда. Решились братья Кожуховы, взяли на себя полную ответственность за целую тысячу гектаров земли, за ее будущее плодородие, за урожай.

Но, странное дело, создав КИТ, они ощутили в себе перемену — перестали думать о гектарах. То есть их больше заботило не количество вспаханных или засеянных за день гектаров, а качество сделанного. Они знали, что в конце концов получат они не с колеса, а с колоса. И сроки сева тоже непосредственно влияют на полновесность колоса, значит, надо торопиться! Поэтому на посевной и в дни жатвы они и думать забывали об отдыхе.

Надо ли говорить, что эксперимент братьев Кожуховых никого в селе не оставил равнодушным, да и не только в Верх-Ирмени.

Осень, как всегда, объективно всех оценила и воздала по труду. Получилось, что каждый из братьев Кожуховых вырастил по 696,4 тонны зерна, затратив на производство одного центнера хлеба 0,15 часа (для сравнения: в США этот показатель равен 0,25 часа, а в СССР в среднем — 1,3 часа). И опять: одни подсчитывали заработанные братьями тысячи, другие быстренько прикинули, что каждый из Кожуховых сработал за четверых (ну и получи за четверых, справедливо!). Той осенью гуляла по селу лихая частушка:

Как на речке на Ирмени
Объявился нынче КИТ.
Показал он некитам.
Как работать нужно нам...

КИТ свою силу доказал и в следующем, 1986 году. Звено увеличилось на одного человека, третьим стал Николай Пулатов, родственник Кожуховых, тоже механизатор-универсал. Кстати, и обрабатываемая площадь возросла до 1325 гектаров. И опять коллектив интенсивного труда опередил всех, намолотив на троих свыше двух тысяч тонн зерна (дав продукции по 86 тысяч рублей на человека). И стали появляться КИТы повсеместно. В нынешнем году в Новосибирской области их больше ста.

...Я ехал Ордынским трактом в колхоз «Большевик». Стояло настоящее пекло, которое экзаменовало хлебороба придирчивее любого контролера. Сейчас и выяснилось, добросовестно ли задерживал он снег зимой, вовремя ли отсеялся и закрыл влагу весной, хорошо ли обрабатывал пары, строго ли боролся с сорняками, достаточно ли внес удобрений.

КИТ — удачное дитя перестройки. Дело не только в том, что коллективы интенсивного труда дают больше продукции, хотя это всем нам нужно. Однако не менее важно, что КИТ возвращает крестьянину чувство хозяина земли, душой болеющего за свое дело — за урожай, за качество зерна, за плодородие почвы. Разбив процесс выращивания хлеба на множество отдельных операций и поручив их исполнение разным, подчас случайным людям, мы в течение десятилетий исподволь культивировали равнодушие. Вот вспахал, например, тракторист поле, а что с ним дальше будет — его не волнует. Деньги за «гектары» он получил, а засевает поле уже другой механизатор. На жатву, возможно, придет третий, для которого главное — быстрее «постричь» поле комбайном.

КИТ сломал сложившийся стереотип (разумеется, рвача и лентяя это не радует), превратил хлебороба из слепого исполнителя в творческую личность. Все это было для меня бесспорно, пока я не прочел в новосибирской молодежной газете сердитое письмо тракториста И. Я. Мищенко: «Кончилось терпение, не могу мириться, как у нас на отделении совхоза «Обский» занимаются показухой. Работаю в этом совхозе на третьем отделении трактористом двенадцать лет, а общий стаж — 29, из них 25 лет в сельском хозяйстве. И вот в 1985 году у нас было создано звено КИТ из трех человек, чтобы они выращивали картофель на ста гектарах и выполняли все работы, положенные по технологии. А вышло так: они выполнили в 1985 году — 20 процентов, а в 1986-м — 26 процентов, а остальные работы, как у нас говорят трактористы, выполняли «горбуши», т. е. люди, которые работали на КИТах. КИТ в конце года получает за то, сколько он выкопает картофеля, а остальные — нет. Вот и выходит, что «горбуши» работают на КИТов. Не надо заниматься показухой, а надо создавать такие звенья, которые бы работали действительно сами».

Скажу сразу, что в «Большевике» о «горбушах» не слыхали. А Владимир Кожухов, звеньевой, пояснил:

— Так они же нам невыгодны, поскольку платить им пришлось бы из фонда нашей собственной зарплаты. Договор с колхозом предусматривает: все работы мы выполняли своими силами, вплоть до ремонта (кроме сложных случаев) и техобслуживания техники. Конечно, всякое может быть. Да вот вам свежий пример — нынешняя весна. Во-первых, сто гектаров озимых вымерзли, и пришлось их пересевать. Во-вторых, затяжные холода долго не давали начать посевную, а когда сразу грянуло тепло — времени осталось очень мало. Мы прикинули силы и поняли, что не успеем. Что делать? Пришлось позвать на помощь еще одного механизатора и перечислить ему за это двести пятьдесят рублей. Вот и сейчас Коля Пулатов помогает КИТу Василия Губанова...

После жатвы бранные поля принимает специальная комиссия: оценивает чистоту и качество работы, смотрит, нет ли огрехов, не сыпалось ли зерно, не остались ли где колоски и т. д. Обнаружатся потери — следует наказание рублем. Так вот: поля КИТа Кожуховых постоянно оценивались высшим баллом. И было бы странно, будь иначе. КИТ постоянно дает уроки добросовестного отношения к труду.

...С Николаем Пулатовым мы стояли у новенького трактора «Волгарь», оборудованного кондиционером. Николай налаживал присланный из СО ВАСХНИЛ новый лущильник с необычной шириной захвата в 14 метров. Леонид Кожухов в это время на полевом аэродромчике заправлял самолет химикатами для обработки посевов с воздуха — в звене подсчитали, что это будет в конечном итоге выгоднее, поскольку наземная техника малопроизводительна. Подошел Владимир, с ходу сказал, как будто догадывался, о чем хочу спросить:

— Наконец-то сделали более или менее приличный трактор, но старая беда осталась — нет к нему в достаточном количестве приспособлений. Приходится самим придумывать. Для интенсивного труда нужна техника, способная безотказно работать. Такой пока нет... Только что получили два комбайна «Нива» с актами госприемки чуть ли не на каждый узел. И что же? Болты не докручены, местами вбиты кувалдой (браконьерство это закрыто краской, сразу не увидишь, все обнаружится в самый горячий час на поле), кабина не подходит, опять придется делать переналадку...

Буквально те же слова я услышал, побывав в КИТах Владимира Лоренца (4 человека на 1145 гектаров) и Юрия Петкеева (4 человека на 1300 гектаров). Таких звеньев в колхозе «Большевик» несколько, в том числе есть и в животноводстве. Обеспечивая научное руководство со стороны СО ВАСХНИЛ, их работу курировал молодой ученый Кайрилла Алимов. Вот что он мне сказал:

— Первым всегда трудно. КИТ сейчас держится на плаву в основном за счет собственной самоотверженности. Человек, конечно, главное — кто спорит? Но его энтузиазму нужна поддержка. Если сельскохозяйственную технику мы не будем делать так же прочно и качественно, как самолеты, нам трудно будет двигаться вперед. Далее, без достаточного количества удобрений, что общеизвестно, нам «интенсивное поле» не увеличить. И, наконец, третье. Агрономическая служба даже такого мощного хозяйства, как «Большевик» (ежегодная прибыль 2 миллиона рублей), не готова пока в полной мере к работе с КИТами. Без такой базы держаться на плаву можно, но надо ведь плыть дальше...

Да, первым всегда труднее. Но хотелось бы закончить на оптимистической ноте. Увиденное в «Большевике» основания для этого дает. И современный агрогородок на центральной усадьбе колхоза с полным комплектом городских удобств, и Дом быта, и Дворец культуры, и свой кирпичный завод, и теплицы, и колхозный музей, и современные проекты дальнейшей застройки... Уверен, что все перечисленное тоже помогает полнокровной жизни КИТов. Уверен и в том, что братья Кожуховы по-старому уже работать не смогут.

Перед отъездом я спросил, на какой урожай они надеются, и услышал четкий ответ:

— Если в ближайшие две недели пройдет дождь, то получим центнеров под тридцать на круг, но и без дождя меньше двадцати пяти не будет. Это и сейчас уже ясно.

Уезжал я июльским жарким днем. Колхозные улицы были пусты, весь народ находился в полях. А над Верх-Ирменью сгущались дождевые тучи...

О «КУЛЬТУРЕ ДИСКУССИЙ»

У нас сейчас справедливо много говорят о культуре полемики. Ярлычно-дубиночная критика, стремящаяся, говоря словами А. Твардовского, «подводить—издалека от ущерба и упадка прямо к мельнице врага», стала в последние годы встречаться реже. Ее рецидив в «Молодой гвардии» (№ 7), полюбившей это «старое, но грозное оружие», заставляет людей моего поколения (мне 57 лет) вспоминать, к счастью, не столь зрелые свои годы, сколь молодость. Но беда в том, что боязнь прослыть «проработчиком», привычка к «оргвыводам» по «отрицательным рецензиям» привели к тому, что в своих спорах мы стали удивительно беззубыми (я имею в виду не только литераторов, но и ученых в области гуманитарных наук). Вместо слова «ложь» мы говорим «неточность», вместо «халтура» — «недостаточно высокий уровень» и т. д.

Мы слишком робко определяем позиции — и свои, и оппонентов, страшась жупела «групповщины». Ах, как хороши эти словообразования на «щина»! Сказал «набоковщина» — и обвинение готово. Сколько этих «щин» уже перебывало на страницах наших книг и журналов за десятилетия — и чаяновщина, и переверзевщина... Пора ждать «огоньковщины» и «московсковедомщины». Эта метода напоминает проверенные приемы «детективщины»: раз высокий и подтянутый — наш разведчик, а долговязый и поджарый — и размышлять нечего: из ЦРУ.

В последнее время в социологических работах значительно смелее стали писать о несовпадении интересов разных социальных групп внутри нашего общества. Во весь голос говорит об этом, например, академик Т. И. Заславская. А в идеологической области? Разве нет существенной разницы в позиции тех, кто требует «не ворошить прошлое», соблюдать баланс между «ошибками» (в крайнем случае «даже преступлениями») и достижениями, и тех, кто настаивает на бесстрашном исследовании всей истории нашего общества, кто не считает истину только служанкой сиюминутных политических расчетов? Вероятно, один из элементов культуры полемики и состоит в том, чтобы не замазывать разницу позиций, а вести доказательный спор. Спор, в котором аргументом служит логика, а не политическое обвинение в отступлении от «основ». Думается, хорошо, что в последнее время благодаря гласности и демократии так ясно выявляется разница во взглядах, идет борьба мнений. Хорошо, что статья «В поисках утраченного времени» в «Огоньке» № 30 дает пример такой резкой, но не прибегающей к ярлыкам и дубинке полемики.

А «Молодая гвардия» — что ж, она отражает позицию определенной части нашего общества, тех, кто прикрепляет портреты генералиссимуса к ветровому стеклу и ждет хозяина, который будет разрешать и запрещать, казнить и миловать. Вся страна заплатила слишком дорогую цену за такие настроения — не только в 30-е и 40-е годы. Мы платим эту цену сегодня: дефицитом и очередями, коррупцией и вельможным барством, общественной пассивностью и представлением о социальной справедливости как о равенстве лентяя и работника. Опасно было бы только осуждать или игнорировать такие настроения: нужна долгая, кропотливая работа, нужно, если хотите, просветительство, чтобы по крайней мере молодое поколение излечилось от извращенных представлений о законах общественной жизни, от надежд на доброго дядю или доброго барина.

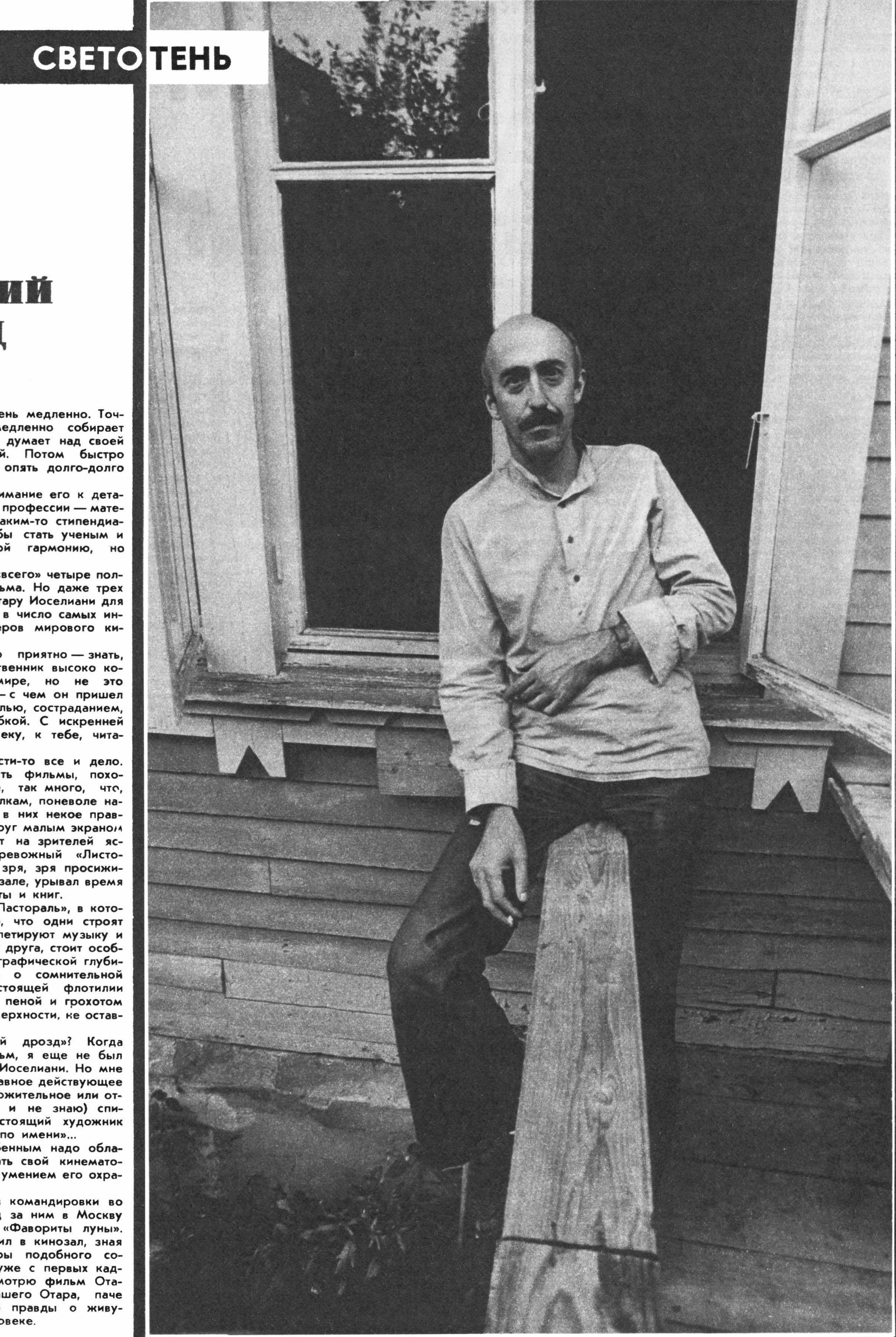
Владимир КОБРИН,
доктор исторических наук,
профессор
Московского государственного
педагогического института
имени В. И. Ленина

Москва.

Юрий РОСТ

СВЕТОТЕНЬ

ЖИВ ПЕВЧИЙ ДРОЗД

Он работает очень медленно. Точнее, он очень медленно собирает материал и долго думает над своей будущей картиной. Потом быстро снимает фильм и опять долго-долго монтирует.

Может быть, внимание его к деталям от прежней профессии — математики. Он был каким-то стипендиатом в МГУ. Мог бы стать ученым и поверять алгеброй гармонию, но ушел в кино.

Он принес нам «всего» четыре полнометражных фильма. Но даже трех первых хватило Отару Иоселиани для того, чтобы войти в число самых интересных режиссеров мирового кино.

Разумеется, это приятно — знать, что наш соотечественник высоко котируется в киномире, но не это главное. Главное — с чем он пришел к зрителю. С болью, состраданием, понимающей улыбкой. С искренней любовью к человеку, к тебе, читатель, и ко мне.

Вот в искренности-то все и дело. Умельцев мастерить фильмы, похожие на настоящие, так много, что, привыкая к подделкам, поневоле начинаешь находить в них некое правдоподобие. Но вдруг малым экраном и без шума падет на зрителей ясный, светлый и тревожный «Листопад», и видишь — зря, зря просиживал раньше в кинозале, урывал время от общения, работы и книг.

И задумчивая «Пастораль», в которой и событий-то, что одни строят дом, а другие репетируют музыку и не понимают друг друга, стоит особняком в кинематографической глубине, навевая мысль о сомнительной ценности дорогостоящей флотилии картин, которая с пеной и грохотом проплывает по поверхности, не оставляя следа...

А «Жил певчий дрозд»? Когда смотрел этот фильм, я еще не был знаком с Отаром Иоселиани. Но мне показалось, что главное действующее лицо фильма (положительное или отрицательное — так и не знаю) списано с меня. Настоящий художник многих «окликает по имени»...

Чем таким особенным надо обладать, чтобы создать свой кинематограф? Талантом. И умением его охранять от суеты.

Он вернулся из командировки во Францию, и вслед за ним в Москву прибыла картина «Фавориты луны». Я с опаской входил в кинозал, зная некоторые примеры подобного сотрудничества, но уже с первых кадров понял, что смотрю фильм Отара Иоселиани, нашего Отара, паче славы жаждущего правды о живущем на земле человеке.

С писателем Василием Михайловичем ПЕСКОВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Леонид ПЛЕШАКОВ

ПОМОЖЕМ БРАТЬЯМ МЕНЬШИМ

— Наш разговор, Василий Михайлович, пойдет, как мы договорились, о Фонде помощи зоопаркам. Но начать его мне хотелось бы с сегодняшней обложки «Огонька», где вы сфотографированы в компании с гепардами. Скажите откровенно, было ощущение неуютности от такого соседства?

— Риск был минимальный. Конечно, гепарды — хищники. Но по отношению к человеку они не агрессивны. Это я отметил еще в Африке, когда встречался с ними в заповедниках Кении. Они любили вспрыгивать на крышу нашего автомобиля, так как оттуда, с верхней точки, им было удобнее высматривать добычу — пасущихся антилоп. Хвосты гепардов свешивались прямо перед опущенными стеклами машины, и при желании ими можно было протирать объективы фотоаппарата. Против подобного панибратства животные не возражали. Но мы, естественно, не злоупотребляли их миролюбием.

И все-таки, несмотря на свой опыт, прежде чем войти в вольер с гепардами в Московском зоопарке, я проконсультировался с его работниками. Меня уверили: практически никакой опасности. Животные и вправду встретили меня дружелюбно. Мне дали их любимую резиновую игрушку с пищалкой. Я ее нажимал, она попискивала, гепарды возбужденно прыгали вокруг, видимо, и меня принимая за веселую живую игрушку. Короче, все шло прекрасно, пока одному из них не приглянулась моя кепка. Он стал осторожно подкрадываться сзади, прыгнул и, стащив кепку с моей головы, довольный, скрылся с нею в кустах. У фотографировавшего эту сценку Льва Шерстенникова и примерно двух сотен зрителей, собравшихся у вольера, это маленькое происшествие вызвало взрыв хохота. Но мне, честно говоря, было не до смеха. Краешком глаза я видел, как сзади крадется гепард, сразу понял, за чем, и в общем-то к его прыжку был готов. Но, ощутив на своей шее прикосновение его усов, невольно похолодел: шутки шутками, но все-таки хищник, да еще с такими клыками. Но зверь проявил благородство и играл по-честному. Тем не менее острота ощущений осталась...

— А вы помните, когда в первый раз попали в зоопарк?

— Еще бы: такое событие! Это было в 1950 году. На первую в своей жизни зарплату двадцатилетним парнем я впервые отправился в Москву. Прямо с вокзала — на Красную площадь, оттуда — в зоопарк.

— Почему именно в зоопарк?

— Как объяснить?.. Я вырос в хорошем месте: деревня под Воронежем, рядом — речка, совсем близко — знаменитый заповедник. Так что с детства хорошо знаком не только с домашними, но и с дикими животными средней полосы России: зайцем, лисой, волком. Отец рассказывал о бобрах, которые водились в нашем краю. Знание своих «соседей» пробуждало интерес к экзотическим обитателям иных земель, которых до поездки в Москву видел только на картинках. В нашем Воронеже своего зоопарка не было...

— Что больше всего запомнилось от того первого посещения?

— Память — штука дырявая, и за тридцать семь лет многое призабылось, однако общее впечатление ошеломленности сохранилось: живой слон, живые обезьяны, зебры. Ходят, бегают, прыгают, принимают угощение посетителей. Потряс лев, который мирно лежал в клетке рядом с маленькой дворняжкой. До сих пор помню ее кличку: Тобик. Выходит, впечатление было ярким...

— Но это давнее событие. А почему вас сейчас вдруг так взволновало положение наших зоопарков, что заставило стать инициатором создания фонда помощи им?

— Ну, во-первых, не совсем вдруг. В последние годы с природой происходят очень большие изменения. Меняется и жизнь людей. Неимоверно выросло население городов за счет миграции из села. Вчерашний деревенский житель, видевший в своем дворе лошадь, корову, овец, свиней, кур и так далее, оказавшись в городе, лишился такого привычного соседства и — можно утверждать совершенно уверенно — ощущает тоску. Он устает видеть только людей и автомобили. Ему нужна какая-то отдушина. Кстати, проблема дефицита общения с живой природой не только наша. Она существует повсюду, в любом большом городе. Отсюда и необычайная страсть горожан заводить дома собак, хомячков, попугайчиков.

В этих условиях роль зоопарков возросла необычайно. И дело не только в удовлетворении любопытства и ностальгического чувства по некогда естественному соседству человека и животных. Зоопарк сегодня — лучшая форма природоведения, место, где человек узнает богатство, разнообразие, красоту всего сущего на земле.

Ныне, когда многие животные в дикой природе на глазах исчезают, зоопарки становятся их последним прибежищем, хранителями бесценных сокровищ жизни, хранителями генофонда. Во всех хороших зоопарках мира ведется серьезная научная работа.

И еще. Зоопарк не должен оставлять у посетителей чувство щемящей жалости к животным, ощущение вины перед ними за их убогое содержание в неволе. Он должен быть просторным, ухоженным, благополучным. В последние годы проектирование зоопарков накопило немалый опыт. В хорошем зоопарке посетитель не чувствует в животных пленников. Система заполненных водой каналов, искусно отгороженных площадок создает ощущение, что животные пребывают на свободе. Примером такой удачной планировки может служить зоопарк в столице ГДР Берлине, по общему признанию, лучший в мире.

— А как, на ваш взгляд, наши?

— Они безнадежно устарели, обветшали, зажаты на ограниченной площади современной застройкой, и, что самое важное, в их беспризорной судьбе не видно просвета, ибо почти повсеместно (за исключением, может быть, трех-четырех зоопарков) городские власти относятся к ним, как к какому-нибудь бездушному аттракциону вроде «чертова колеса».

Об этом много писали различные газеты и журналы. Но дело не менялось вот ни настолечко. Я сам не помню, сколько раз выступал на эту тему на протяжении последних двадцати лет. И всегда на все публикации приходил стандартный ответ: «Все верно, дело нужное, но не первоочередное. Сейчас нет на это денег».

— Но зоопарк действительно учреждение не дешевое...

— Даже очень не дешевое. Кто с этим спорит? Именно поэтому во всем мире уже давно сложилась практика общественной помощи им: от проведения различных лотерей, продажи сувениров, буклетов, открыток до прямых пожертвований «в кружку». Так что идея общественной помощи зоопаркам в нашей стране не надумана, она подсказана самой жизнью.

— А все-таки трудно было пробить этот теперь уже всей стране известный счет № 703?

— Конечно. Всякое дело требует определенных усилий. Ну, а такое новое — тем более. Пришлось к кому-то пойти, кому-то объяснить, кого-то убедить. Но я не хотел бы преувеличивать трудности. Важно сказать другое: три-четыре года назад об этом невозможно было даже подумать.

— Василий Михайлович, как вы предполагаете, много удастся собрать?

— Строить какие-то прогнозы сложно. Время покажет. Но что идея помощи зоопаркам встретила одобрение и поддержку — об этом можно сказать определенно. Счет № 703 Госбанк СССР открыл для этого фонда во всех своих отделениях, во всех сберегательных кассах страны (а это более восьмидесяти тысяч точек), что свидетельствует о понимании проблем. Госбанк обещал ежемесячно сообщать общую сумму поступивших взносов. Данные мы будем публиковать.

— А как будут распределяться собранные средства?

— Никакой практики в подобном деле у нас пока что нет. Есть прикидка: распределять средства по заявкам зоопарков. Но не по принципу «всем сестрам по серьгам». Это будет финансирование четко сформулированных нужд, связанных с деятельностью тех или иных зоопарков: проектированием, строительством, сохранением животных, особенно редких, занесенных в Красную книгу...

— Но тут возможна такая ситуация: человек, живущий, предположим, в Киеве или, скажем, в Новосибирске, внося свою лепту, наверняка захочет, чтобы его взнос пошел на «его» зоопарк в Киеве или Новосибирске.

— Действительно, это важный вопрос. И отвечая на него, я прямо подчеркиваю: все деньги, собранные в Фонд помощи зоопаркам,— все до последней копейки — вернутся в город, область, где они были собраны.

— Но, как видно из публикаций «Комсомолки», пожертвования идут и из тех городов, где зоопарков нет.

— Да, таких взносов много. Любопытно, что людей в этих случаях заботит не просто состояние зоопарков как таковых; свою помощь они рассматривают как посильное участие в сохранении природы, что мы должны ценить особенно высоко.

— Я думаю, это еще и подсказка местным властям: не худо, мол, создать и свой зоопарк. Меня, между прочим, всегда удивляло, что их нет во многих наших крупных городах, в сибирских, например.

— За Уралом у нас всего два: крошечный, площадью в один гектар,— в Новосибирске, и очень хороший, самодеятельный,— в Абакане, в Красноярском крае.

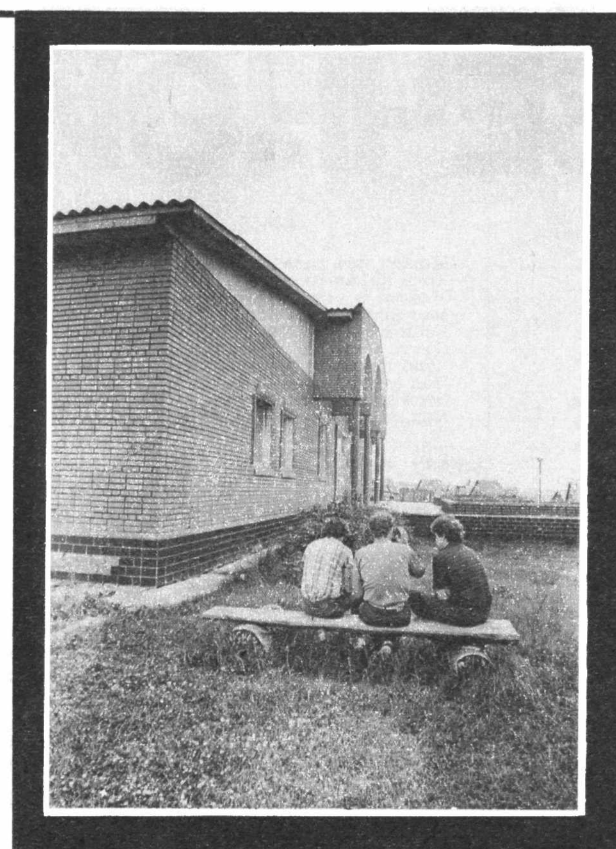
— Зато в самом Красноярске, огромном городе с крупными и богатыми промышленными предприятиями, зоопарка нет. Хотя нужен он городу позарез. Ведь в свое время близ города, в Красноярских Столбах, стараниями энтузиастов стихийно возник крошечный живой островок, весьма популярный у жителей. Но, не имея поддержки, он влачил жалкое существование. Удивляюсь, почему такому городу на паях не создать зоопарк, тем более, что и места лучше, чем в Столбах, для него не придумать.

— Абсолютно согласен. Красноярску с его мощной индустрией такая задача вполне по силам. Что же касается нашего фонда, то все средства, собранные сибиряками, будут переданы за Урал. Значительную часть их мы могли бы направить в Красноярск. Мне кажется, что тут следовало бы создать зоопарк сибирской фауны. Он мог бы стать привлекательным и колоритным очагом жизни. Я готов поехать на Енисей и как председатель фонда поагитировать местных жителей за хорошее дело.

— Только жителей? По-моему, помимо промышленных предприятий, не тощ кошелек и у профсоюзов, найдутся деньги и у комсомола, у других общественных организаций.

— Разумеется, и они могут принять в этом долевое участие. Но дело тут не только в деньгах. Красноярск с его опытом строительства мог бы легко поднять такой нужный городу «объект». Все время надо помнить, что зоопарк — демократичное учреждение, где зрелище и просвещение гармонично соседствуют друг с другом.

Юрий ОСИПОВ,
Павел КРИВЦОВ (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька».

НЕЗДОРОВЫЕ СТРАСТИ ВОКРУГ «ЗДОРОВЬЯ»

Хотите полюбоваться внешним видом современного сельского поселка? Рекомендуем Подосинки, что по Дмитровскому шоссе, километрах в пятидесяти от Москвы. Центральная усадьба совхоза «Борец» встретит вас теремками-коттеджами, оригинальным «шатром» универмага, асфальтовой гладью четко расчерченных улиц и неоновыми фонарями вдоль и поперек всего живописного холма, занятого поселком, с выпасами и полями на почтительном удалении.

Но нас в Подосинки привел иной повод. Сегодня, согласитесь, нет нужды доказывать оздоровительную пользу и необходимость парной: русской ли, сауны — безразлично. В Подосинках две бани. Одна, старая — теснота, грязь, убогая парилка,— работает дважды в неделю по четыре часа. Новой позавидуют «Сандуны». Недаром попариться в ней приезжал народ из Икши, Яхромы, Дмитрова, не говоря уже об окрестных деревнях, а их, между прочим, в совхозе до тридцати.

Однако вот уже год красавица баня стоит закрытой. Да, объективная причина вроде бы существует: урезаны лимиты на электроэнергию, которая питала эту баню. Оставлен лишь «голодный паек» на зимний обогрев здания (чтобы оно не пришло в негодность). Но в негодность оно все равно постепенно приходит, уже сейчас требует косметического ремонта, через год же потребует капитального. Поскольку без зимнего обогрева зданию нельзя, а людей в баню не пускали, убыток составил 47 тысяч рублей. Пока.

Когда я назвал эту цифру заместителю председателя Дмитровского агропрома Григорию Васильевичу Кравченко, тот ахнул: «Нашим хозяйствам теперь категорически запрещено держать на балансе убыточные предприятия».

У руководства агрокомплекса, конечно, хватает забот и без подосинковской бани, хотя спрашивать за убытки со своих хозяйственников оно будто бы обязано. Если же не спрашивает, те, наверное, ведут себя подобно директору совхоза «Борец», на котором ныне замкнулась эта «банная» история. Но — все по порядку.

Трое энтузиастов решают всерьез заняться новым, по крайней мере для Московской области, кооперативным промыслом, сделать убыточное предприятие доходным. Мало того, будущие кооператоры не собираются ограничиться одним «легким паром», они задумали кооператив «Здоровье» — комната отдыха с тренажерами, услуги массажиста, парикмахера, контрастный бассейн, небольшое кафе с ягодными морсами домашнего производства. Наконец, предполагают наладить прием белья в стирку у одиноких пенсионеров из окрестных деревень. Что можно возразить против такой комплексной программы?

Возможный председатель (по правилам — «освобожденный») — начальник ЖКХ совхоза, дипломированный инженер-механик. Его жена — инженер-экономист, фигура, совершенно обязательная в любом кооперативном предприятии. Третий пайщик — оператор котельной совхозной бани-сауны. И еще один участник этой дельной затеи имеет опыт работы в системе общепита.

Казалось бы, им дадут «зеленую улицу». Комиссия по индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности исполкома Кузяевского сельсовета «за». Аналогичная комиссия Дмитровского горисполкома не против. Дело за малым — утвердить устав «Здоровья», соответствующий «Примерному уставу кооператива по бытовому обслуживанию населения», одобренному постановлением Совмина СССР от 5 февраля 1987 года.

...Александр Кухальский сидит напротив меня и недоуменно повествует, как директор совхоза упорно сопротивляется их затее.

— Аргументов никаких. Не нужно, мол, нам ваше «Здоровье», морока с ним одна. Неужели списывать ежегодные убытки на обогрев бездействующего здания разумнее, чем передать его нам в аренду и посмотреть, что получится! Риск-то невелик. А без согласия директора совхоза комиссия исполкома наше заявление рассматривать не берется. Вообще-то она имеет право вынести самостоятельное решение и обязать хозяйственного руководителя пойти кооперативу навстречу, но, очевидно, не считает это в данном случае нужным. А жаль. Сельсовет же под давлением директора теперь заколебался. «Разбирайтесь,— говорят нам там,— с директором сами». А как с ним разберешься, когда он нас даже слушать не желает! Помощь требуется...

Мы откликнулись на этот призыв и поехали к неуступчивому директору, втайне лелея мысль, что неплохо бы придать банному начинанию в Подосинках характер своеобразного эксперимента. Вдруг следом за ним и в столице объявятся кооперативные рыцари парной — отбоя ведь от страждущих не будет! Однако Петр Иванович Смаровоз преподнес сюрприз. Отказ разговаривать на тему совхозной бани с корреспондентом, предъявившим служебное удостоверение, и раздраженное выпытывание — «кто это вам нажаловался?» — вынудили отправиться за разъяснениями дальше — в Дмитров.

Товарищи из райисполкома красочно описали разворачивающуюся в районе кооперативную и индивидуальную трудовую деятельность: кафе, ремонт автомобилей, извоз, мастерские по изготовлению инвентаря для садоводов... На каждом заседании исполкомовской комиссии утверждается очередное подобное предприятие. Вот только кооперативу «Здоровье» здесь не везет. Вернее сказать, до него просто никому нет дела.

Начфин исполкома и авторитетный член означенной комиссии Александр Петрович Екимочев с проектом Кухальского знаком и находит его вполне реальным. «Тем более,— заметил он,— все ныне действующие бани убыточны, и нам официально разрешено сдавать их кооперативам в аренду».

Выходит, формальных препятствий нет. Смущает, правда, начфина технический вопрос: каким образом удастся перевести отопление бани на газ и сколько это будет стоить? Те же сомнения высказал при нашей второй встрече директор совхоза, согласившийся изложить свою позицию.

Начал он почему-то с плохих огурцов и картошки на приусадебном участке Кухальского. Затем последовало требование: прежде чем браться за кооператив, Александр должен найти себе замену на посту начальника ЖКХ. Исчерпав «аргументы», директор неожиданно сделал «широкий жест»: пусть, мол, переводят баню на газ за счет фондов ЖКХ, а после этого, коли так неймется, пожалуйста, арендуйте.

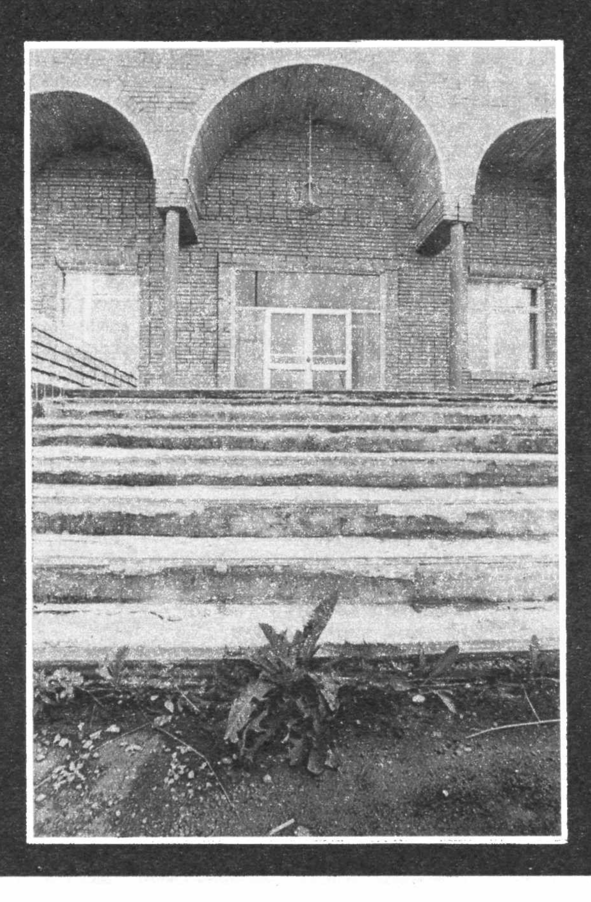
Выглядит достаточно благородно, не так ли? Но только на взгляд непосвященного. Оказывается, одно дело — законный, подчеркиваю, кооперативный договор с газовиками, согласившимися уже, кстати, на цену в пределах допустимой ссуды. И совсем другое — государственные расценки, тут средств ЖКХ не хватит.

...Александр заспешил к автобусу — успеть попасть на прием к секретарю райкома партии. Мы остались на скамейке у тщетно дожидающейся посетителей бани размышлять об инертности и равнодушии, о повседневных трудностях перестройки в большом и малом.

* * *

Спустя несколько дней Кухальский позвонил. Поход в райком успехом не увенчался. Зато директор совхоза объявил Александру выговор за недостатки в работе, относящиеся к периоду, который тот провел в больнице. Вот так-то.

А в это время по телевизору показывали передачу из Ленинграда. Выступали кооператоры, взявшие на подряд небольшую баню. Просто баню, без оздоровительного комплекса и прочих услуг. Об этом сообщалось с законной гордостью, как об интересном начинании. Я представил лица Саши Кухальского, его жены и друзей, когда они смотрели передачу...

ЭТОЙ ВЕЧНОЙ БОЛЬЮ

Он пришел к нам с женой Ириной, неизменной своей спутницей. Достал из портфеля тонюсенькую папочку. В ней — стихи.

Я прочел и понял — они о том же. Точно заметила в своих стихах Татьяна Бек: «Как сказал поэт Жигулин: «Эту тему не отдам...»

Имя Анатолия Владимировича Жигулина не оторвешь от эпохи. Как не изымешь и эпоху из его стихов, биографии, судьбы. Гулким набатом звучит строка из «Сгоревшей тетради», напечатанной в седьмом номере журнала «Знамя»,— мощной, корявой, как корни дуба, пронзительной подборки: «Не надо бояться памяти...» Это значит не надо бояться правды. Справедливость бытия в том, что человек ничего не забывает и прошлое для него всегда служит не только укором, но и уроком. Как же тогда изречение Гете — «тяжело тому, кто все помнит»! Поэт помогает ответить и на этот вопрос строками из только что вышедшей в издательстве «Художественная литература» книги стихотворений:

Может, все-таки вправду бессмертна
Хоть какая-то память души?
Может, в чем-то возможна бескрайность,
Над которой не властны года?
Если в смерти забудется радость,
Пусть продлится хотя бы беда.
Чтоб лететь и лететь по раздолью
Под стихающий крик журавлей
Этой вечной березовой болью
Над просторами сонных полей.

Одному из интереснейших поэтов нашего времени, Анатолию Владимировичу Жигулину,— 57 лет. Он воронежец по рождению, его мать — Евгения Митрофановна Раевская — правнучка «первого декабриста» и поэта В. Раевского.

Во время войны мальчиком Анатолий Жигулин долгие месяцы скитался по лесам в прифронтовой полосе, ничего не зная о судьбе родителей. Несколько раз был на краю гибели. После войны учился в Воронежском лесотехническом институте, напечатал первые стихи. По ложному обвинению в 1949 году был незаконно осужден как «враг народа» и пять последующих лет провел в Прибайкалье и на Колыме. Эти биографические сведения, взятые мной из новой книги «Весеннее время» (изданной в «Молодой гвардии»), привожу для тех читателей (Ф. Семенов из Пскова и О. Опушкина из г. Луга), которые просят напечатать стихи Жигулина и одновременно разъяснить «темные места» в биографии известного советского поэта.

Биографии действительно нелегкой. Но тем весомее звучат слова поэта о любви к жизни, «нечаянной радости»: «Я еще от нее не устал и всегда повторяю: спасибо».

В стихотворениях, которые печатает сегодня «Огонек», продолжение исповеди поэта перед временем, перед людьми, нервный учащенный пульс крутой человеческой судьбы, «уроки гнева и любви...».

Феликс МЕДВЕДЕВ

Анатолий ЖИГУЛИН

Имею рану и справку.
Б. Слуцкий

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Я полностью реабилитирован.
Имею раны и справки.
Две пули в меня попали
На дальней, глухой Колыме.
Одна размозжила локоть,
Другая попала в голову
И прочертила по черепу
Огненную черту.

Та пуля была спасительной —
Я потерял сознание.
Солдаты решили: мертвый,
И за ноги поволокли.
Три друга мои погибли.
Их положили у вахты,
Чтоб зеки шли и смотрели —
Нельзя бежать с Колымы.

А я, я очнулся в зоне.
А в зоне добить невозможно.
Меня всего лишь избили
Носками кирзовых сапог.
Сломали ребра и зубы.
Били и в пах, и в печень.
Но я все равно был счастлив —
Я остался живым.

Три друга мои погибли.
Больной, исхудалый священник,
Хоть гнали его от вахты,
Читал над ними псалтырь.
Он говорил: «Их души
Скоро предстанут пред богом.
И будут они на Небе,
Как мученики — в раю».

А я находился в БУРе.
Рука моя нарывала,
И голову мне покрыла
Засохшая коркой кровь.
Московский врач-«отравитель»
Моисей Борисович Гольдберг
Спас меня от гангрены,
Когда шансы равнялись нулю.

Он вынул из локтя пулю —
Большую, утяжеленную,

ИСТОРИЯ ДЛЯ ВСЕХ ОДНА...

В. Поликарпов в статье «Федор Раскольников» («Огонек» № 26) задался целью, опираясь на письмо Раскольникова, опубликованное еще до войны в белогвардейской газете во Франции, опорочить и оклеветать Сталина, а вместе с ним и нашу историю.

Заранее хочу оговориться: в 1937 году у нас в стране действительно были нарушены ленинские нормы законности, и в этой связи были репрессированы многие советские, партийные и военные кадры. Некоторые из них пострадали безвинно. В начале 1938 года Пленум ЦК ВКП(б) обсудил этот вопрос и принял решение остановить произвол, чинимый нечестивыми людьми, очутившимися в руководстве партийных организаций. Я не отрицаю, что в какой-то мере здесь есть и вина Сталина, далеко не положительную роль в этом вопросе сыграл и его культ. В то же время считаю необходимым подчеркнуть, что проводившаяся в СССР чистка общества накануне войны была правильной и необходимой, конечно, в рамках закона. Разумеется, за двадцать лет истории страны ее внутренние и внешние враги не могли исчезнуть, они ушли в подполье и творили свои грязные дела. Это представители буржуазии, представители различных враждебных политпартий, многие из которых присосались к нашей партии и старались подорвать ее изнутри.

Раскольников, если бы был коммунистом-ленинцем, каким его хочет показать В. Поликарпов, был обязан письмо, о котором идет речь, отправить через советское посольство во Франции лично Сталину. В этом случае у меня не оказалось бы аргументов обвинять его в предательстве. Коль скоро он этого не сделал, становится очевидным, что он преднамеренно публично порочил нашу страну в интересах мирового капитала, прихвостнем которого являлся сам.

Несколько слов о решениях XX—XXII съездов партии, которыми бравирует В. Поликарпов. Не секрет, что эти решения были пропитаны волюнтаризмом Хрущева, причем основные решения этих съездов исправлены XXVII съездом (Программа и Устав партии), и думаю, что их еще исправят. Не прав В. Поликарпов и в том, что перестройку, которую мы сейчас начали, связывает с решениями XX съезда партии. То была не перестройка, а охаивание всего того, что мы достигли во главе со Сталиным.

Раз гласность у вас не знает границ, так напечатайте и мое письмо. Пусть народ рассудит, кто из нас прав.

С уважением

С. КАРАКОЗОВ,
ветеран Вооруженных Сил СССР,
подполковник в отставке

Батуми.

С большим интересом прочитал статью «Федор Раскольников». Очень нужная и своевременная статья! Но, собственно, слова «с большим интересом» — не те слова, которыми можно оценивать эту публикацию: я потрясен! Лично я не только наблюдал со стороны многочисленные случаи деспотизма и произвола во времена Сталина, но и сам явился жертвой такого произвола. В связи с этим скажу несколько слов о себе.

Родился я в 1926 году в Вологодской области. После окончания девяти классов средней школы поступил в Рыбинский авиационный техникум, который окончил в 1946 году. По распределению попал на одну из строек Урала, где в 1948 году приступил к самостоятельному изучению немецкой классической философии. Изучал вначале Шеллинга.

Спустя год написал в редакцию газеты «Правда» письмо, в котором изложил свои взгляды на искусство; эти взгляды в какой-то мере отличались от принятой в то время в стране официальной точки зрения. Буквально через неделю я был вызван в органы внутренних дел и сразу же там арестован. Мне было предъявлено обвинение в антисоветской агитации и пропаганде, и закрытым судом я был приговорен к десяти годам лишения свободы. Срок отбывал на Крайнем Севере, на Колыме. В 1953 году, сразу после смерти Сталина, был освобожден и реабилитирован.

Времена культа личности — времена массового террора, причем террора дикого. Ведь фактически мало кто из жертв террора мог предположить, что с ним будет; к такой немногочисленной группе и относится Федор Раскольников. Если бы он прибыл в нашу страну, он, несомненно, оказался бы на скамье подсудимых. Большинство же никак не могло предположить, что их могут схватить среди ночи, без суда и следствия поместить в камеру, а через некоторое время по приговору подставных лиц расстрелять как изменников и врагов народа.

Все годы своей прежней жизни и деятельности я стремился к тому, чтобы сегодняшняя перестройка наконец наступила. Происходящая в настоящее время борьба с зажимом гласности, критики, с очковтирательством и бюрократизмом — это, по существу, борьба с последствиями культа личности, перечисленные негативные явления прямо и непосредственно вытекают из последнего и обязаны ему своим возникновением и существованием.

В. ЧАЙКИН

Череповец.

Длинную — пулеметную —
Четырнадцать грамм свинца.
Инструментом ему служили
Обычные пассатижи,
Чья-то острая финка,
Наркозом — обычный спирт.
Я часто друзей вспоминаю:
Ивана, Игоря, Федю.
В глухой подмосковной церкви
Я ставлю за них свечу.
Но говорить об этом
Невыносимо больно.
В ответ на расспросы близких
Я долгие годы молчу.

1987

САД

Здравствуй, родина,
Поле мое с васильками!
Здравствуй, сад
И заросший забор.
Этот сад посадил я
Своими руками.
Тридцать лет
Пролетело с тех пор.

Этот домик садовый
С отцом я построил.
Эти ели высокие
Я посадил.
Жаль, что годы шагают
Безжалостным строем
И уже не далек
Знак последних светил.

А на елях моих
Поселились веселые белки.
По садам из соседнего
Долгого леса пришли.
И резвятся и скачут,
Как будто секундные стрелки.
И сбегают бесстрашно
До самой земли.

И рассветы над лесом
По-прежнему неудержимы.
И роса по утрам
На деревьях чиста, как слеза.
Сад еще плодоносит.
Родители стары, но живы.
Слава богу!
Чего еще можно сказать?

1987

ПРОЩАНИЕ С САДОМ

Не сердись на меня,
Мой воронежский сад.
Покидаю тебя
Навсегда.
Никогда не смогу я
Вернуться назад
В эти сердцу родные места.

Я бы мог любоваться
На белой заре,
Как рябина растет
Черноплодная.
Но достался мой сад
Моей младшей сестре,
А она — как змея подколодная.

Мне не надо земли,
Мне не надо плодов.
Только б ели мои,
Как и прежде, стояли.
Только б ранней весною
И в дни холодов
Мои милые белки
На елях играли.

Ничего не поделать,
Не дать и не взять.
Не спасти, не помочь
Хоть немножко.
Срубит ели мои
Мой хозяйственный зять
И посадит клубнику
С картошкой.

Ты прости меня, сад,
За такую напасть.
Не спасти
Твою сочную мякоть.
Остается на черную
Землю упасть,
Чтобы горько-прегорько
Заплакать.

1987

Евг. ЕВТУШЕНКО

Евгений Евтушенко предложил «Огоньку» стихотворение «Еще не поставленные памятники». Нам кажется, что стихи эти созвучны суровой жигулинской строке: «Не надо бояться памяти...»

ЕЩЕ НЕ ПОСТАВЛЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Еще не поставленные памятники
шагают по тундре ягельной,
до вечномерзлотной крови
вминая колымский снег,
и передают из рукава в рукав
по старой привычке лагерной
слепленную из газет тридцать седьмого
самокрутку —
одну на всех.
Еще не поставленные памятники
кайлами откапывают погибших товарищей,
от холода ставших скульптурами
внутри безымянных могил,
а лесоповальной,
смерзшейся,
почти что мраморной варежкой
стучат по ночам во все двери
тех, кто о них забыл.
Кровавые слезы Блюхера
в металле еще отольются.
Якир с пьедестала протянет
гранитную руку стране.
Поставим памятник всем,
кто азбуку революции
пальцем с выдранным ногтем
дописывал на стене!
Памятники грядущего,
вы сами на нас наступаете.
Я слышу чугунную поступь.
Я слышу бронзовый глас.
Не может быть перестройки
без перестройки памяти
и без постройки памятников
тем, кто построил нас.
Сейчас ваше время, памятники,
время мрамора честного,
Ото всего оболганного
навек отлипает грязь,
и скрипка,
когда-то раздавленная,
маршала Тухачевского
срастается по кусочкам,
мраморной становясь!

Мы ждем каждый номер «Огонька», и в каждом номере его — новь. Это или публикация ранее скрываемого, или достоверное объяснение событий. Спасибо за статью о Федоре Раскольникове. В ней, на наш взгляд, впервые после XX съезда КПСС дана политическая, документальная характеристика Сталину. Один только Г. К. Жуков в своих воспоминаниях упоминал, как Великий Полководец всех времен и народов допытывался у него, смертного: удержим ли Москву?

Нам, воевавшим, не довелось ощущать военную мудрость вождя. Потеря 20 миллионов человек — лучшее свидетельство «прозорливости» Сталина.

Семья ИВАНОВЫХ

Рубежное
Ворошиловградской обл.

Всякие слухи и пересуды о Ф. Раскольникове в народе ходили давно. Особенно о его письме Сталину. Статья в «Огоньке» положила конец домыслам. Читали вслух, на работе и дома, восхищались отвагой этого человека. Лицо на фотографии волевое, честное, таким и должен быть коммунист, не побоявшийся выступить за правду.

Но вот недавно открываю журнал «Октябрь» № 6 за этот год, в котором опубликованы письма М. Булгакова Сталину. И что же получается: Раскольников не принял творчество Булгакова и даже мешал ему. Могло такое быть, а если могло, то почему вы об этом не написали?

В. КУЗНЕЦОВА, врач

Киев.

Вы, товарищ Поликарпов, сняли тяжелейший груз, давивший десятилетиями на мою душу, на мою совесть. Мальчишкой я видел, как в школе снимали портреты Блюхера и Тухачевского: враги народа. Помню, как учитель велел принести ружье, чтобы, приставив портреты к поленнице, расстрелять их. Шли и шли десятилетия несправедливости. Взрослым узнал, что, кроме моих двух маршалов, врагами народа стали Якир, Уборевич, Дыбенко, Егоров и еще десятки тысяч верных партии людей. Узнал, что добрейший, грамотный учетчик тракторной бригады был взят ночью за то, что он, рассказывая нам о Ленине, не похвалил Сталина. До сих пор неизвестно моим селянам, где он принял смерть.

Еще раз спасибо. «Огонек» высветил этим очерком гораздо больше, чем думаете вы у себя в редакции. Это наша история, а история для всех одна...

В. ЛАНСКИХ,
преподаватель школы ДОСААФ

Курган.

В феврале 1973 года меня исключили из партии за то, что я «неосторожно» поступил с тем самым письмом Раскольникова Сталину, текст которого вы опубликовали. При исключении, которое проводилось на закрытом заседании парткома Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта, была дана такая формулировка: исключен за хранение, размножение и распространение политически вредного письма. Формулировка при увольнении меня с работы, а я заведовал кафедрой строительной механики одиннадцать лет, была следующей: «Уволен по п. 3 ст. 254 КЗоТ РСФСР за аморальный поступок, несовместимый с выполнением педагогических и воспитательных функций». Эта запись и поныне в моей трудовой книжке.

В декабре 1980 года постановлением КПК при ЦК КПСС я был восстановлен в партии.

Несколько слов о себе: Абрамов Саркис Карпович, 1921 года рождения, ветеран труда, кандидат технических наук, доцент. После восстановления в партии и по настоящее время работаю на заводе-втузе при ПО «Ростсельмаш».

Я был бы весьма признателен, если бы редакция сочла возможным предать гласности мою историю, наглядно иллюстрирующую, что в те годы, когда, как пишет В. Поликарпов, «на имени Раскольникова снова висела клевета», доставалось и тем, кто посмел иметь «политически вредное письмо» и вольно с ним обращался.

С. АБРАМОВ

Ростов-на-Дону.

Я уроженец села Мазунино, что в двадцати километрах от Сарапула, живой свидетель всего, о чем пишет В. Поликарпов. В те времена весь Сарапульский уезд говорил о героическом подвиге Раскольникова. Азинская дивизия освободила Сарапул от белых, освободила и наше село. Я ушел добровольцем в ряды Красной Армии, в 21-ю дивизию, 188-й стрелковый полк. Вскоре там же вступил в партию. Позднее я работал в Сарапульском окрисполкоме с одним из «баржевиков». Он нам рассказывал о пережитом на барже. Волосы дыбом становились от его рассказов. Жаль, фамилию не помню: мне ведь столько лет, сколько было бы сейчас Федору Федоровичу,— 15 августа исполняется 95 лет.

Весьма рад, что дожил до тех времен, когда справедливость восторжествовала. В Сарапуле есть улица имени Раскольникова. Пора установить ему памятник в Гольянах или Сарапуле, чтобы люди могли на минутку остановиться и вспомнить о нем как о герое гражданской войны, патриоте своей Родины.

С. Н. СОМОВ,
член партии с 1919 года,
участник трех войн —
первой мировой,
гражданской
и Великой Отечественной

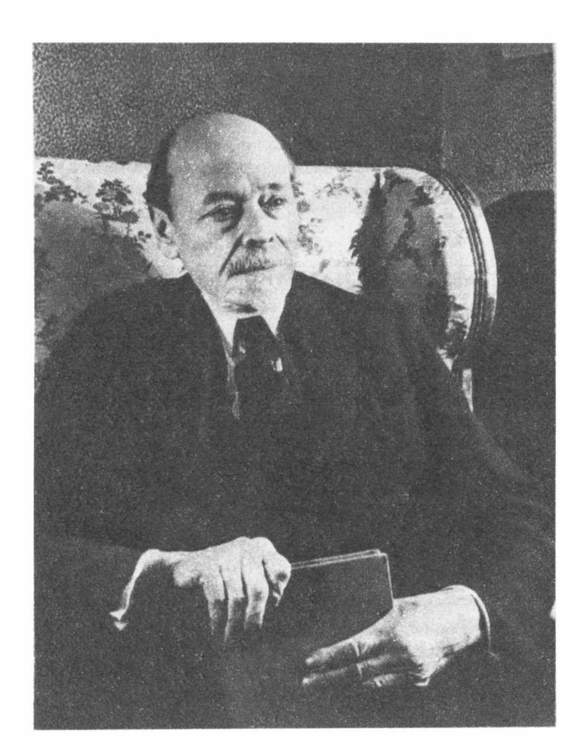
Свердловск.

ОТ РЕДАКЦИИ. Прошло почти два месяца, как «Огонек» опубликовал статью доктора исторических наук В. Поликарпова «Федор Раскольников». За это время мы получили сотни писем. Большинство из них начиналось, к примеру, такими словами: «Прочитал статью о Федоре Раскольникове, и первая мысль: это же победа! Победа, потому что гласность все-таки торжествует, если стало возможным говорить правду, которую замалчивали десятилетиями...» Но есть и такие, как письмо С. Каракозова, с которого мы начали сегодняшнюю публикацию.

Пусть судят читатели: истина рождается в добросовестном споре.

НАСЛЕДИЕ

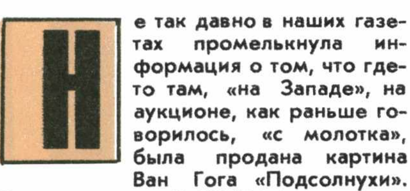
Владимир СОЛОУХИН

М. В. НЕСТЕРОВ. 1939.

УНИКАЛЬНЫЕ СТЕННЫЕ РОСПИСИ М. В. НЕСТЕРОВА В ГРУЗИНСКОМ ГОРОДЕ АБАСТУМАНИ ЖДУТ СПАСЕНИЯ.

ЖЕМЧУЖИНА АБАСТУМАНИ

Не так давно в наших газетах промелькнула информация о том, что где-то там, «на Западе», на аукционе, как раньше говорилось, «с молотка», была продана картина Ван Гога «Подсолнухи». Продали ее за 40 000 000 (сорок миллионов) долларов. Ну, положим, аукцион — дело азартное. Кроме того, это можно назвать бешенством капитала. Если в кармане у человека сто рублей, то с трешницей он может расстаться без особого сожаления. Но все-таки я думаю, что при всем аукционном азарте за коробок спичек сорок миллионов никто бы не отвалил. А вот за Ван Гога отвалили.

Теперь от свершившегося факта по продаже картины Ван Гога перейдем к одному предположению. На юге Франции, в Провансе, есть часовня, которую всю внутри расписал Матисс. Напомним (по Советскому энциклопедическому словарю): «...(1869—1954). Французский живописец, график, мастер декоративного искусства... Выразил праздничную красочность мира в ясных по композиции, выразительных и чистых по цвету картинах, утверждавших красоту и радость бытия... в витражах, гравюрах, литографиях».

И вот допустим, что кто-нибудь где-нибудь за океаном решил эту часовню с живописью Матисса купить. Ничего невероятного в таком предположении нет. Покупают иногда на вывоз старинные здания, даже замки. Из Англии, помнится, вывезли старый мост через Темзу. Ходили разговоры, что в 30-е годы было предложение нашей стране продать им Василия Блаженного с Красной площади. В этих случаях распиливают здание на блоки, перевозят и собирают на новом месте.

Помечтаем и погадаем, сколько запросила бы Франция за часовню Матисса, если бы решилась ее продать? Конечно, Франция никогда не продаст ее ни за какие деньги, да и общественность Франции возмутилась бы и не позволила... Но все-таки за какие деньги? Если одна картина Ван Гога продана за 40 000 000, а тут целая часовня... Невозможно вообразить.

Сделаем и еще одно, гораздо более невероятное предположение. Предположим, что никто не собирается часовню Матисса у Франции покупать, но сами французы закрыли ее на ключ, забросили, забыли про нее. Живопись в ней отсыревает, шелушится, меркнет, обваливается, то есть гибнет... Проходят десятилетия. И никому нет до часовни Матисса никакого дела. Согласитесь, что такое предположение совершенно невероятно.

Теперь после всех этих мечтаний и гаданий перейдем к нашей действительности. Дело в том, что у нас в стране, в курортном местечке Абастумани, стоит церковь, которую в конце прошлого века внутри всю от сантиметра до сантиметра расписал Михаил Васильевич Нестеров. Я нарочно не уточняю и не подчеркиваю, что церковь эта находится на юге Грузии, потому что ее географическое расположение не имеет в данном случае никакого значения. Нестеров — явление русской культуры, точнее — нашей общей многонациональной культуры, и, находись эта церковь не в Абастумани, а где-нибудь в Вологодском, Тамбовском, Рязанском уголке, судьба ее, вероятно, была бы той же самой.

Итак, Михаил Васильевич Нестеров. Напомним (по тому же самому словарю): «...(1862—1942). Советский живописец, заслуженный деятель искусств РСФСР (1942). Создал поэтические религиозные образы, связанные с этическими исканиями 1880—1910 годов... В советское время писал глубокие острохарактерные портреты деятелей советской культуры...»

Ну, поскольку Нестеров наш отечественный художник, поскольку он художник крупнейший, известный, замечательный (все эти эпитеты не могли, разумеется, поместиться в кратком сообщении словаря) и поскольку 1987 год для Нестерова — год юбилейный — сто двадцать пять лет со дня рождения — расширим энциклопедическую справку и скажем от себя несколько слов.

Есть формула: «Новое рождается в недрах старого». И существует понятие «террор среды». Когда все вокруг делают нечто тождественное, трудно кому-нибудь одному начать делать непохожее на остальных. Коварная суть «террора среды» состоит в том, что никто не запрещал, не обязывал, не принуждал. Но ведь каждый человек с младенчества воспитывается в той среде, которая его окружает. (Отсюда и этот несколько жестковатый термин — «террор среды».) Формируются склад ума, вкус, основные понятия, представления о мире. Значит, у истинного художника (а истинный художник всегда рождается как художник, преодолевая «террор среды») должно хватить своеобразия, непохожести на остальных, и мужества, чтобы сохранить и утвердить эту свою «непохожесть». Для начала хотя бы заявить о ней.

Русское искусство XIX века во всех его видах знает много тому примеров, но в живописи это, пожалуй, нагляднее всего.

Так, молодость Алексея Гавриловича Венецианова пришлась на годы, когда в живописи господствовал портрет: Рокотов, Левицкий, Боровиковский. Под руководством Боровиковского Венецианов и начинает с портрета, но вдруг вырывается на иной простор и пишет: «Гумно», «Очищение свеклы», «На пашне. Весна». Вместо лиц смольнянок и вельмож появляются у него на холсте лица крестьянок и крестьян. Для этого потребовались одновременно и своеобразный душевный склад, и мужество.

Несколько десятилетий спустя в живописи утвердилось господство «жанра». Житейских и бытовых сценок. Занимательных сюжетов. Почти фельетон. «Сватовство майора». «Свежий кавалер». «Анкор, еще анкор!». «Крах банка». «Охотники на привале».

Приехав из Уфы в Москву, Нестеров пишет в духе времени: «Задавили» — уличная сценка, «Домашний арест» — пьяница, у которого жена спрятала сапоги, чтобы не ушел в кабак... Ординарный художник так и шел бы, возможно, по этому пути. Нестеров вырвался из-под влияния Перова на творческую свободу. Вдруг появляются с небольшими промежутками: «Христова невеста», «Видение отроку Варфоломею», «Пустынник». Новый русский художник родился. Родился Нестеров.

Мужество Нестерова было вознаграждено. Очевидцы свидетельствуют о первом появлении на выставке картины «Пустынник». «Трудно даже представить себе то впечатление, которое производила она на всех.

Тогда она производила прямо-таки ошеломляющее действие и одних привела в искреннее негодование, других в полное недоумение и, наконец, третьих в глубокий и нескрываемый восторг».

Нестеров написал много («За приворотным зельем», «Великий постриг», «На Руси», «За Волгой», «Девушка в амазонке» и т. д.), но во всех своих картинах он запечатлел современную ему Россию с такой силой собственного поэтического видения, что до сих пор мы говорим: нестеровские березки, нестеровский пейзаж, нестеровская женщина, нестеровское настроение, нестеровское лицо. «Твой нестерпимо синий, твой нестеровский взор»,— написал недавно Андрей Вознесенский.

Во все времена художники не гнушались прикладной живописью. Скажем, Виктор Михайлович Васнецов расписал Владимирский собор в Киеве, который и сейчас действует и радует людей своей яркой росписью. Суриков участвовал в росписи храма Христа Спасителя в Москве, ради чего отказался от двухгодичной стипендии на поездку за границу с целью усовершенствования своего мастерства. Ну, вот. А Нестеров расписал церковь в Абастумани.

Почему собор св. Владимира в Киеве—понятно. В Киеве произошло крещение Руси киевским князем Владимиром. Почему храм Христа Спасителя в Москве, тоже, наверное, все знают. Храм строился как памятник избавлению Москвы от наполеоновского нашествия. Почему же Абастумани? Это надо объяснить сразу же, чтобы не возникало потом у кого бы то ни было вопросов, а с нашей стороны не было бы никаких недомолвок.

Абастумани — курортное местечко, расположенное в ущелье, поросшем хвойным лесом. Там уникальный, как говорят, микроклимат, в особенности воздух. Незаменимое место для легочных больных. Там жил и лечился в конце прошлого века один из членов царствующей семьи, а именно — брат последнего русского царя великий князь Георгий Александрович. Там он умер и был похоронен именно в церковке, о которой теперь идет у нас речь.

— Ну вот! — может раздаться чей-нибудь возглас.— Церковь построена и расписана ради члена царской семьи, так надо ли ее сохранять? Сравнять ее с лицом земли, и делу конец!

Я отвечу: «Сикстинская мадонна» написана в похвалу папы римского Сикста. Потому и называется «Сикстинской». Но есть ли нам теперь до папы Сикста какое-нибудь дело? А живопись Рафаэля остается, существует и является общечеловеческим достоянием.

Теперь, когда необходимая точка над «i» поставлена, вернемся к церкви в Абастумани. Она построена в духе и традициях грузинской архитектуры (поскольку стоит на грузинской земле). Нестеров, прежде чем приступить к росписи, объездил несколько древних грузинских храмов, изучал живопись в них. Расписывая, Нестеров одну часть церковки посвятил русскому святому Александру Невскому, а другую часть — грузинской святой Нине, крестительнице Грузии. Таким образом, тут произошло соединение, слияние двух великих и родственных культур. Широко использовал Нестеров и грузинский орнамент. Расписывал он церковь около шести лет. В те годы его посетил в Абастумани Алексей Максимович Горький, который очень высоко ценил Нестерова как художника и восхищался его работой в Абастумани.

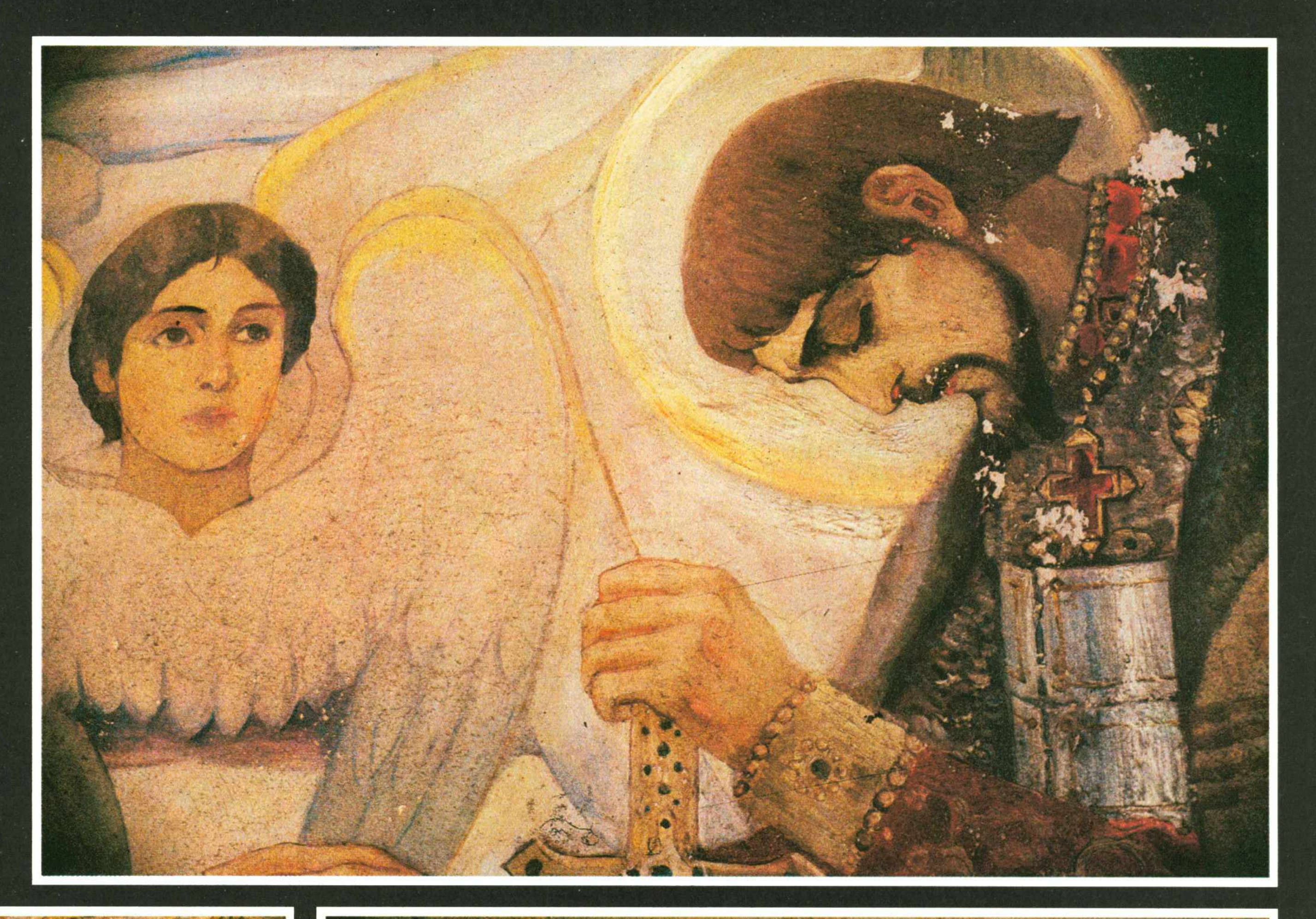
Потом однажды церковь закрыли на ключ, забыли про нее. Есть народная мудрость: «Стены любят людей». Дом, в котором не живут, ветшает и приходит в негодность быстрее, чем дом, в котором живут. Нестеровская живопись начала отсыре-

М. В. НЕСТЕРОВ.
1892—1942.

ФРАГМЕНТЫ НАСТЕННОЙ РОСПИСИ ЦЕРКВИ В АБАСТУМАНИ

ФРАГМЕНТЫ НАСТЕННОЙ
РОСПИСИ ЦЕРКВИ
В АБАСТУМАНИ

вать, шелушиться, меркнуть, обваливаться. Проходили десятилетия, и на протяжении этих десятилетий не было до нестеровской живописи никому никакого дела. Только его верный ученик и друг (хотя и гораздо помоложе годами), другой замечательный художник — Павел Дмитриевич Корин—вошел однажды под церковные своды. Он не удержался и тронул своей кистью одну из главных композиций росписи, очевидно, уже поддавшуюся времени (иначе зачем бы ее трогать кистью), а именно композицию, изображающую смерть Александра Невского. Скромно, едва заметно поставил и имя свое в знак того, что его кисть тронула живопись учителя.

Впрочем, нельзя сказать, что за все эти десятилетия ключ никогда не поворачивался в замке церкви. Женщина, хранительница ключа, время от времени из чистого энтузиазма и чистой любви к искусству, а не по долгу службы, ибо она тут не хранитель, не сотрудник и даже не сторож (здание вполне бесхозно), впускала в здание группы курортников (в ущелье семь санаториев), или гостей обсерватории (на горе, над ущельем,— Абастуманская обсерватория), или редких туристов, пробравшихся в Абастумани (местечко расположено в пограничной зоне). Люди заходили, оглядывали уцелевшую живопись, ахали, охали и даже оставляли свои записи в книге отзывов. Записи там на разных языках: грузинском, армянском, бурятском, болгарском, русском. Все пишут о том, что удивлены, что такая живопись находится в таком отдаленном местечке и в таком состоянии. Все сходятся на том, что ее необходимо спасти, сохранить и возродить.

В свое время (двадцать лет назад), работая над «Письмами из Русского музея», я много читал о Нестерове, и тогда-то запало в мою память словечко «Абастумани». С тех пор меня не оставляла мысль пробраться туда или хотя бы узнать от кого-нибудь о судьбе нестеровского шедевра. Но кого бы я ни расспрашивал из грузинских собратьев по перу, никто ничего не мог сказать. Абастумани далеко на юге, в пограничной полосе; чтобы попасть туда, нужен пропуск... Но вот осенью 1985 года мое желание все же осуществилось. Мой друг, батумский поэт Фридон Халваши, свозил меня туда. Мы приехали в Абастумани со стороны Аджарии, а не со стороны Тбилиси и Боржоми. После этой поездки я написал письма в разные высокие инстанции, и мне звонили в ответ и говорили, что будут приняты меры.

Вторая поездка состоялась совсем недавно, в конце мая этого года. И было нас уже две бригады. Бригада журнала «Огонек»: пишущий эти строки, старейший фотокор Алексей Иванович Гостев и журналист Феликс Медведев. Вторая бригада была от телевидения, и возглавлял ее Дмитрий Николаевич Чуковский, внук, кстати сказать, Корнея Ивановича.

Прослышав о таком «десанте» из Москвы, в церковке наскоро соорудили леса, чем очень осложнили нашу работу. Ведь наша задача была сфотографировать и снять для телевидения живопись Нестерова. Но все-таки это говорит, может быть, о том, что дело сдвинулось с места. Да и должно оно сдвинуться. Времена меняются. В стране действует авторитетный Советский фонд культуры, меняется общественный климат. Леса уже есть. Теперь надо, чтобы приехали русские художники-реставраторы, которым был бы близок и понятен Михаил Васильевич Нестеров и которые смогли бы с любовью восстановить его живопись. Дело тут обстоит так: если не спасти живопись в Абастумани сейчас, то ее не спасти уже никогда, если ее не спасем мы, то ее не спасет уже никто.

1917 • 1987

ЕСТЬ НЕВИДИМЫЕ НИТИ, КОТОРЫЕ НАКРЕПКО СВЯЗЫВАЮТ НАС С ЛЕГЕНДАРНЫМ ПРОШЛЫМ СОВЕТСКОЙ ОТЧИЗНЫ. В НАШИХ СЕГОДНЯШНИХ СВЕРШЕНИЯХ — МЫСЛЬ, ТРУД, ПОДВИГ ЛУЧШИХ СЫНОВ СТРАНЫ. ОДИН ИЗ НИХ — МИХАИЛ ГРОМОВ.

Анатолий **МОЛЧАНОВ**

ПАРАБОЛА

Их подняли ровно в три. Длиннокрылый АНТ-25 уже стоял на бетонке Щелковского аэродрома. Они шли к нему спокойно и неторопливо, будто не дорога через Северный полюс в США предстояла им, а какая-нибудь воздушная прогулка. Их окружили друзья, репортеры, задавали вопросы. Данилин отмалчивался, шутил Юмашев. А Громов испытывал раздражение: ему мешали сосредоточиться перед полетом.

Прошло уже 22 дня, как экипаж Валерия Чкалова приземлился в Ванкувере. Теперь их очередь. К новому рекорду они готовились со всей тщательностью, на которую только были способны. Но досадные неприятности следовали одна за другой. Не предупредив Громова, с его АНТ сняли мотор и как более надежный установили на самолете Чкалова. А во время последнего испытательного полета вдруг начал перегреваться двигатель: сломалась тяга, и шторки радиатора, несмотря на показание прибора, оказались закрыты. Не будь этой обкатки, на которой настоял Громов, во время главного старта мотор остановился бы через полторы минуты после взлета... Громов также выкинул с борта 250 килограммов «лишнего» груза, приказал, чтобы даже отсекли кусачками излишки болтов, выступающих из гаек, взяли еще полтонны горючего.

Занимался рассвет 12 июля 1937 года, шел четвертый час утра.

— Я — «Стрела»,— сказал по рации Громов.— Разрешите взлет...

АНТ-25 покатился по бетонной дорожке. Нагруженный, он весил одиннадцать с половиной тонн. Газетчики восторгались: надо же, мол, какой выдержанный летчик! Мог взлететь и после положенного разбега, а поднял самолет в воздух лишь в конце полосы... Громов же спустя месяц после старта делился переживаниями в «Известиях»: «Машина оторвалась от земли в самом конце дорожки, и мне пришлось приложить немало старания, чтобы поддержать ее в воздухе. Скороподъемность была настолько небольшой, что даже после того, как мы пролетели три километра, приходилось обходить фабричные трубы, так низко шел самолет».

Они полетели.

НА ЗЕМЛЕ

...Спустя сорок пять лет после воздушного прыжка через полюс Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов обронил фразу: «Фатальное преодолевается мастерством, тогда чувствуешь себя независимым в воздухе. Но за роскошь независимости надо платить...»

Он был уже всемирно известен. Генерал-полковник авиации, профессор, Герой Советского Союза («Золотая Звезда» № 8), советский летчик, удостоенный почетной награды Международной авиационной федерации (ФАИ), медали Анри де Лаво (позже ею был награжден только Юрий Гагарин), кавалер французского ордена—командорского ордена Почетного легиона и высшей награды Японии—ордена «Восходящего Солнца»...

Разговор шел в его просторной квартире высотного дома на площади Восстания. За окном в морозной дымке плыла Москва. Громов сидел прямо и строго, будто в пилотском кресле, широкоплечий, основательный, с царственной осанкой патриарха советской авиации. С «роскошью независимости», внутренней свободой, к которой приучила его долгая работа над собой на земле и в небе, он не расставался никогда до последнего дня. Даже когда, преодолевая чудовищные перегрузки, выбирался из кабины самолета И-1, попавшего в плоский штопор на двадцать втором витке вращения. Даже когда под тропическим ливнем довел на посадку свою машину в Хиросиме после перелета Москва—Пекин—Токио. Даже в кабинете у Сталина.

Когда он вспоминал, казалось, на плечо ложилась теплая громовская ладонь; он увлекал за собой — по лучику времени...

...В понедельник, 12 июля 1937 года, с самого утра по радио гремели бравурные марши. Москвичи стояли в очереди у газетных киосков: печатали сообщение о старте экипажа Громова. На Красной площади ровно в час дня начинался Всесоюзный физ-

культурный парад. Тысячи лучших спортсменов готовились пройти в ярко украшенных колоннах следом за танками из живых цветов.

Что же писала в тот день пресса?
«Спортсменки общества «Рот-фронт» в честь героического испанского народа вышли на парад в шапочках бойцов республиканской Испании».
Из репортажа: «Орел кричал здесь на руке у 74-летнего охотника Шорокова Олджобая. Голова беркута накрыта была колпачком. Гордая птица озиралась беспокойно... За 40 лет охотничьей жизни Олджобая орлы, пущенные его рукой, поймали 200 волков, 400 лисиц, множество диких козлов. Беркут поднимает голову и кричит тонким, как звук флейты, голосом. Ему отвечают орлы, сидящие на руках у других киргизов-охотников».
«На месте снесенного храма Христа Спасителя — на строительной площадке Дворца Советов — снуют грузовики, скрежещут экскаваторы, выбрасывающие песок из котлована. Здесь будет построено величественнейшее здание, которое вытянется в высоту свыше 400 метров... Это будет величайший памятник героической сталинской эпохи».
Реклама: «В Америке на каждом столике ресторана и у каждой хозяйки в буфете стоит бутылка КЕТЧУП. Требуйте КЕТЧУП в фирменных магазинах Главконсерва!»

В НЕБЕ

Радиограмма: «20 час. 15—17 минут. Маяк Рудольфа не слышу. Слышу маяк М. Желания. Нахожусь широта 78°50', долгота 58°. Диксон не слышу. Данилин».

Радиограмма: «2 часа 07 мин. Привет завоевателям Арктики Папанину, Кренкелю, Ширшову, Федорову. Громов, Данилин, Юмашев».

Вот ты и остался позади, Северный полюс!

НА ЗЕМЛЕ

...В квартире Громова тихо, лишь через форточку едва доносился шум машин с Садового кольца. Жена Нина Георгиевна поливала герань на кухне; ворчала в коридоре собака; где-то тикали часы. Патриарх авиации молчал.

— Чувство времени,— сказал затем он,— не в часах. Часы могут отсчитывать секунды, минуты... Обычно человек времени не замечает, он знает только, что проходит жизнь. Не потому ли, размышляя о собственном несовершенстве, часто ищут причину в других людях, в «объективных условиях»? Надо сделать так, чтобы человеку было стыдно перед своим несовершенством. Беспристрастный самоанализ начинается тогда, когда ощущаешь себя во времени...

Громов совершенствовал себя всю жизнь. Он построил свою личность, как строят дома,— по кирпичику. Однако качества его характера удивляли даже близко знавших его людей противоречивостью. Классный пилот с железной волей и самодисциплиной — но романтик... Скрупулезный педант — но воздушный мыслитель, поэт по складу души... Человек чрезвычайно строгий, когда дело касается профессии,— но широкий, добрый, преданный друзьям, готовый лететь на помощь всякому, кто обойден справедливостью. И эти несочетаемые на первый взгляд качества не просто уживались в нем, но пребывали в гармонии.

«Люди, к сожалению, приходят и уходят, а «вечные вопросы» остаются,— сказал Громов незадолго до смерти.— Можно, конечно, оставить их другим. Но настоящая личность не успокоится, пока тем или иным путем не добудет свою относительную истину».

При нем мир вступит в ядерно-космическую эру. Громов станет современником первого рывка советского человека в космос, первых шагов американских астронавтов по Луне. Время выдвинет новых героев. «Прошли дни, когда при моем появлении на улице, в театре, в парке раздавались рукоплескания,— не без горечи напишет он в своей книге «Через всю жизнь», вышедшей уже после его смерти,— когда мне не давали прохода, добиваясь автографа».

Ему было суждено прожить долгую жизнь до того зимнего дня 21 января 1985 года, когда сердце его остановилось в госпитале на Арбате...

...И снова скупые фразы хроники прошедших лет.
Радиограмма: «Вашингтон. В 5 часов 15 минут по гринвичскому времени Сиэттль впервые принял непосредственно самолет, но разобрал только — «Все в порядке». Уманский».
Радиограмма: «Идем вдоль берега. Находимся между Сиэттлем и Сан-Франциско. Высота 4000 метров. Просьба спорткомиссара зарегистрировать пролет над аэродромом Окленд. Садиться будем утром, думаем — за Сан-Франциско. Данилин».
«На строительстве Дворца Советов продолжается рытье котлована для фундамента Большого зала. Дно котлована находится на 26 метров ниже горизонта грунтовых вод. В связи с этим возникла опасность, что потоки подземных вод зальют дно котлована...»
«Лондон, ТАСС. Заканчивается постройка 18 новых концентрационных лагерей в Ганновере. Фашистский террор все усиливается...»
«ВЦИК СССР постановляет: переименовать город Сулимов Орджоникидзевского края в город Ежово-Черкесск...»
«...Наркомвнудельцы, воспитанные партией Ленина — Сталина, метко разящие врагов революции, показали замечательные качества организаторов-большевиков, сумевших перевоспитать на стройке канала десятки тысяч вчерашних преступников в честных тружеников нашей Родины».
«Выпуск легковых автомашин «М-1» за 14 июля. План — 73. Выпущено — 65. Процент выполнения — 89,0».
Из постановления ЦИК и СНК СССР: «Досрочно освободить за ударную работу на строительстве канала Москва — Волга 55 тысяч заключенных».
«Ленинград, ТАСС. В Русский музей поступила неизвестная работа скульптора М. М. Антокольского «Поцелуй Иуды». С 3 августа гипсовый горельеф будет демонстрироваться в Русском музее».
«Азербайджан (по радио). Знатного бурильщика Абеля Азизова, с промысла имени Берии, знает в Шаумяновском районе каждый пионер... Так, в сентябре прошлого года на премию за рекордную проходку скважины Азизов подарил селению колхоза Хархапут грузовую машину, а в мае этого года трактор «Сталинец»... Сейчас знатный бурильщик готовит колхозникам очередной подарок. Он взял на себя обязательство для селения Новый Акджанен приобрести динамомашину».
Из речи М. И. Калинина, обращенной к группе награжденных командиров Красной Армии: «Товарищи, вот мы говорим, успех в одном месте, успех в другом месте... Проявление беззаветной храбрости... Это не случайно. Почему это происходит? Переродился народ, что ли? Ведь раньше Бухарин и его оруженосцы говорили, что русский народ — лежебокий народ, неактивный народ. Почему же теперь проявляется такая активность? Потому что жизнь наша делается все более идеенасыщенной... Вот почему нам так дорого имя нашего вождя и учителя...»
Реклама: «К утреннему кофе, после обеда, к ужину, к пиву, вину — лучше всего десертный сыр РОКФОР, закусочный сыр ЛИМБУРГСКИЙ!»
«Эстрадный театр. Леонид Утесов и его джаз-оркестр, К. Шульженко... и другие номера. Конферансье — А. А. Глинский».

Если требуется услышать пульс давно ушедшего времени, голоса людей, понять, чем жила твоя страна много лет назад,— как это можно сделать без оставленной нам в наследство великой газетной Летописи? Пожелтевшая от времени подшивка газет в тишине читального зала — стоит лишь перелистать ее — наполняет пространство запахами и звуками, шелестом знамен, пылью и зноем строек, гудками заводов, голосами радиодикторов. Этот живой учебник подлинной, невыдуманной Истории, если чувствительно сердце, заставляет сопереживать жившим некогда гражданам Страны Советов, потому что они наша Память, а мы, сегодняшние, наследники нашего общего Отечества.

Когда пытаешься понять, каким образом удалось им всего за два десятка лет превратить разрушенную, голодающую страну в развитую индустриальную державу, какой путь должны были проделать они от деревянной сохи до перекрывающих мировые рекорды самолетов, какой верой в предложенные им идеалы надо было обладать для того, чтобы строить социалистическое государство вопреки недоеданию, в окружении враждебных государств и в обстановке поиска «врагов народа» внутри собственной страны, когда думаешь обо всем этом, утверждаешься в мысли, что их энтузиазм был превыше голода, энергия веры в реальность будущего коммунизма сильнее демагогии, героический труд сокрушительнее страха.

Пока экипаж Громова летел над планетой, Ежова, погубившего тысячи невинных людей, наградили орденом Ленина... Лица Ягоды, Берии... Это потом школьники по распоряжению учителей старательно закрашивали чернилами их фамилии в учебниках, вырезали портреты бритвой...

По нелепому обвинению арестовали Сергея Павловича Королева. Над будущим всемирно известным конструктором космических кораблей нависла смертельная опасность. И тогда... Впрочем, с разрешения Нины Георгиевны Громовой, предлагаем вот это письмо.

«Михаил Михайлович! Пусть не удивляет Вас это письмо. Сегодня День космонавтики. Я была во Дворце съездов, в аллее Космонавтов и у Кремлевской стены. Жизнь Сергея пробежала перед глазами. И вспомнился мне Громов Михаил Михайлович...
Найти Вас или попасть к Вам в те времена было очень трудно. Я шла к Вам с тревогой, боясь ошибиться во внутреннем моем представлении о Вас. Вернувшись домой, я сказала мужу: «Глядя на него, я думала: потомок тех, кто шел из варяг в греки.»
Теперь не только я, но сама История должна сказать Вам спасибо. Вы дали мне возможность вырвать из Колымы моего сына. Я не могу сказать, что не будь Королева, ничего не было бы. Но... если Сергей через все испытания тех лет мог пронести свою мечту, свою целеустремленность, и если на граните памятника я видела сегодня не только роскошные цветы, но и просто зеленые веточки — благодарность народа,— так доля этой благодарности принадлежит Вам, Михаил Михайлович.
...Вы, может быть, не помните меня, мать Королева Сергея Павловича? Тогда я была у Вас на Б. Грузинской. Да, Вы имели гражданское мужество, которое, увы, не всем большим людям дано, как я могла убедиться,— помочь мне открыть двери к председателю Верховного Суда. А там уже, как видите, мне удалось добиться пересмотра дела. Я навсегда сохранила добрую память о Вас и благодарность матери.
Всего, всего лучшего желаю Вам!
Мария Баланина — мать Королева Сергея Павловича».

В НЕБЕ

Они увидели внизу военный аэродром, но он оказался мал для посадки АНТ-25. Громов вел самолет тринадцатый час подряд. Ныли плечи, деревенела спина. Внизу, неподалеку от Сан-Джасинто показалось пастбище. Поле было неровным, и Громов приказал Юмашеву и Данилину сесть на заднее сиденье. Наконец, после пробега, АНТ-25 остановился.

«Из Вашингтона, 14.07.37 г.— товарищам Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Калинину, Жданову, Ежову, Микояну, Андрееву. Передаем принятую по телефону — от Громова из Марчфильда, штат Калифорния. Докладываем, что побили два мировых рекорда на беспосадочный перелет по прямой и по ломаной. Полет длился 62 часа 17 минут. Громов, Юмашев, Данилин. 9 часов 45 минут по тихоокеанскому времени. Уманский».

Отсюда, из долины Сан-Джасинто, экипажу предстояло шествие по городам Америки и Европы. Встреча в Москве, толпы людей вдоль тротуаров, снежная лавина листовок — то, что мы теперь видим в кадрах кинохроники.

Закончился перелет в пространстве, но не замкнулась парабола этого великого и горького времени. Она перешла в спираль, и, кажется, их время не где-то там, вдали, за дымами войны, а рядом. И мы все еще следим за одномоторным монопланом Громова, парим рядом, переживаем за экипаж, когда Данилин теряет связь, когда отчаянно маневрирует покрытый коркой льда самолет, когда трясет его и болтает, словно телегу на ухабах; когда АНТ-25 — смешная песчинка в небесном мире — пересекает циклоны и на его пути многократно меняется погода...

НА ЗЕМЛЕ

Встречи с Громовым оставляли в душе неизгладимый след.

После короткой «разведки» Михаил Михайлович начинал беседовать на уровне тех категорий и понятий, с которыми давно сжился. Всю жизнь его атаковывали журналисты, стремящиеся подобраться к разгадке его многогранной титанической личности, и он ворчал, когда в нем упорно желали видеть лишь знаменитого пилота.

Еще в молодости Громов увлекся идеями гениального русского физиолога и мыслителя Ивана Михайловича Сеченова. Отталкиваясь от его положения о материальном характере основ психической деятельности, он разработал концепцию психологической подготовки летчиков. Об этом его книга «Для тех, кто хочет летать и работать лучше». Книга могла бы сослужить добрую службу и сегодня, жаль, что ее не переиздают.

Он обладал абсолютным музыкальным слухом и научился настраивать рояль своей дочери. Знаток музыки, он в последние годы выступал по радио с циклом бесед о Глинке, по телевидению — о Рахманинове. Из довоенных лет он вынес искусство художественного свиста, столь редкое ныне... Великолепно рисовал. Писал стихи. Даже на фронте Громов однажды удивил подчиненных резолюцией, которую написал на одном из документов, относительно плохого качества авиационной техники: «Уста мои молчат в тоске немой и жгучей. Я не могу, мне тяжко говорить!» Он прекрасно декламировал своего любимого поэта И. Северянина. Знал наизусть «Старосветских помещиков» Гоголя, целыми кусками цитировал «Мертвые души».

Мало кому известно, что после войны заместитель командующего дальней авиацией, генерал-полковник Громов тренировал лошадей на Московском ипподроме. Только старые завсегдатаи, наверное, помнят еще победные финиши наездника Михайлова (псевдоним М. М. Громова) на бегах. И сегодня в его кабинете висит снимок с надписью, посвященной лошади: «Мое безминутное чудо, моя милая Гаити!» Это было не просто чудачеством или увлечением: Громов создал новую методику тренировки лошади в троеборье и стипль-чезе.

...Всадник Громов, небесный и земной, истинный патриот Родины, остался с нами, в нашем сложном и хрупком мире. Ибо сделанное человеком не исчезает после его ухода. «Всякая человеческая деятельность заканчи-

нальную трубу: «Отзовись, экипаж!» И лишь один Андрей Борисович Юмашев, единственный из троих, оставшийся среди нас, тяжело поднимается с постели, подходит к окну своей квартиры у станции метро «Сокол», вглядывается в белесое московское небо, на Север, куда устремился АНТ-25 пятьдесят лет назад.

Он прекрасно, не хуже командира, владел техникой пилотирования. «Андрей Юмашев,— говорил о нем Громов.— Увидел и победил! Увидел, как итальянский сдатчик на самолете СВА совершил на взлете королевский вираж, Юмашев первым в нашей стране блестяще воспроизвел эту опаснейшую фигуру». Они вместе воевали. А после войны Андрей Борисович, простившись с авиацией, стал художником, членом МОСХа, у него было много выставок...

Громовский экипаж — экипаж личностей.

Сегодня мы переживаем нелегкое время, трудности велики. Для их преодоления есть только один путь— качественно новая организация нашего сознания. Альтернативы нет. Есть невидимые нити, которые накрепко связывают нас с прошлым советской Отчизны; наша душа несет в себе отзвуки славы и боли давних лет; мы не можем сегодня отворачиваться от взгляда — глаза в глаза — отцов и дедов, предшественников наших,

Михаил Михайлович Громов в кабине самолета И-1. Фото 1927 года. (Публикуется впервые)

В ЦАГИ (30-е годы). (Публикуется впервые)

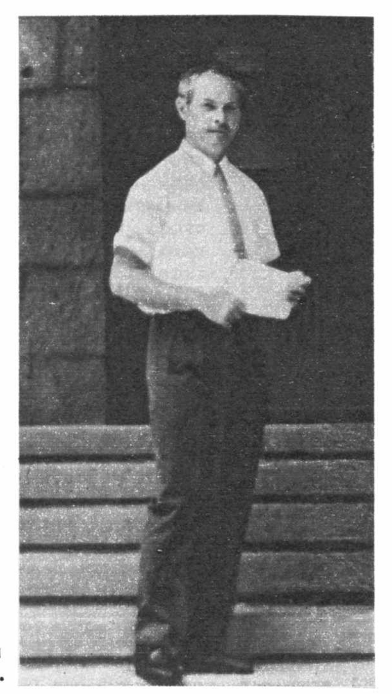
Старые друзья. Михаил Михайлович Громов в гостях у своего друга летчика-испытателя Сергея Николаевича Анохина. Москва, 50-е годы. (Публикуется впервые)

вается мышечным движением»,—любил повторять он постулат И. М. Сеченова. Мысль предшественника развивают и обогащают потомки, энергия действия рождает другую, более мощную энергию. Все взаимосвязано. Громов стал Громовым еще и потому, что до него были другие люди, мечтающие о крыльях и обретшие крылья. В свою очередь, АНТ-25 проложил дорогу «Востоку», на котором Юрий Алексеевич Гагарин впервые в мире поднялся на орбиту, затем шагнул в глубины космоса и ученик Громова Георгий Тимофеевич Береговой...

Полет притягателен, заманчив, гипнотичен, потому что позволяет оторваться на время от Земли, преодолеть вечное ее притяжение. Для того чтобы полететь, сегодня достаточно просто купить билет на самолет, и он понесет вас послушно по трассам былых рекордов... Но только немногим дано, поднявшись над Землей, приподняться и над уровнем представлений о своей роли на земле, пусть даже скромной и незаметной.

Но их роль была великой. Они совершили свой героический полет и победили. И вместе с ними — мы, тогда еще не родившиеся на свет. Они, на витке спирали своего времени, в далеком тридцать седьмом, улыбаются, пожимают руки американцам, а мы вглядываемся в их фотографии, вчитываемся в строчки газетных отчетов... Мы запрашиваем их позывные, прижимаем к губам сигспрашивающих с сомнением: не напрасны ли были жертвы, не тщетны ли усилия?..

Мы обязаны уметь слышать их голоса, принимать их позывные, улавливать волны памяти. Из своего далекого далека они учат нас быть добрыми, честными и бдительными. Хотя бы ради того июльского утра, когда страна провожала самолет АНТ-25 в долгий путь и откуда взяла свое начало одна парабола, несущая гордый свет в наше время.

Павел Яковлевич Голодрига.

МУСКАТ БЕЛЫЙ КРАСНОГО КАМНЯ

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

I

Этой зимою в Ялте покончил с собой известный ученый. Он был биологом, виноградным селекционером, в молодости героем войны. Заведующие жизнью города распорядились схоронить его так, будто церковные правила насчет самоубийц действуют и ныне: быстро, без гражданской панихиды, без некролога в газете. Хоронили знаменитого человека, а так, словно зарывали преступника, которому только неизбывный гуманизм руководства позволил лечь в землю рядом с хорошими людьми. Бюрократизм и поповщину роднит трусость.

До сих пор на имя профессора идут рефераты и приглашения: мир биологии числит его в живых.

Без него мне в Ялте стало пустынно.

Лет пятнадцать, не меньше, я знал, где любым утром ровно в шесть увидеть его. На прибрежной гальке под двумя склоненными к морю соснами, чуть правее чеховской «Ореанды». Мог грохотать норд-ост, звоня фонарями набережной, мог тянуть с белой Яйлы острый крымский морозец—маленький седой атлет совершал с азартом и упоением сумму своих упражнений, потом раздевался и плавал.

После фронта он страдал жестоким радикулитом. Позднее студенчество наградило его болезнью желудка. Коврик на гальке, голод и воля исцелили его. Он был трудоголиком, не уходил в отпуск, словно боясь, что отнимут работу, и в здоровье, безотказности тела видел единственный способ продлить срок сотрудничества смертного селекционера с вечной природой, не по задачам краткий срок. Ученикам прощал все, кроме бюллетеней. Что это за биолог, если не умеет держать в порядке ту малость жизни, которою владеет лично,— собственный организм?

Дома у моря основал шутливое и взаимно ласковое общество «Бизон»: «Бег — источник здоровья, отличного настроения». Воля его была непоказной, натура — деликатной.

Его однополчанин, долголетний директор театра имени Чехова Виктор Степанович Краюхин вспоминает, что на Висле и Одере трех офицеров их танкового полка звали «старосветскими помещиками»: те не признавали спиртного, не употребляли бранных слов и целомудренно вели себя с женщинами. Тон в «старосветской» троице задавал начальник радиосвязи полка, тогда двадцатипятилетний Павел Яковлевич. Впрочем, когда ранили в пах связистку и она, стыдясь солдат, не давала оказать помощь, именно капитан из «помещиков» быстро сорвал с нее юбку, перевязал, мигом отправил в санбат. Радистка осталась жить.

Только один шрам я знал у Павла Яковлевича — глубокий след на правой ладони. И то, оказалось, война ни при чем, просто уже профессором, вырывая нож у бандита, порезался.

Воевал он, рассказывал приезжавший генерал, добросовестно, его брезентовый фургон с антенной обычно пылил среди танков прорыва. Студенческий билет и зачетка Павла Яковлевича сгорели в подбитой машине. В числе наград у него был редкий в войну орден Богдана Хмельницкого. Полк принадлежал резерву главного командования, им ломали оборону. Из четырехсот ушедших вместе с ним краснодарских студентов вернулись продолжить учебу четверо.

Его деликатность была такой, что за многие годы директорства в институте «Магарач» — институте головном, всесоюзном, многолюдном и малоквартирном — он не вызвал ни одной жалобы, хотя южане обыкновенно писать горазды и жалобы посылают иной раз даже впрок. Не умея отказывать в приеме, он для работы над своей докторской удалялся на скалу Диву. Она в море у Симеиза, требует известных спортивных навыков, и в прибой докторант вообще оставался недосягаем.

За рубеж он ездил довольно часто, а привез, кроме книг по ампелографии, то есть виноградной науке, только панцирь. Рыцарский панцирь откуда-то с Пиренеев, небольшой, как бы детский, очень им дорожил. Крестьянский сын, украинец, он носил казацкую фамилию — то прозвище, каким наградили при вступлении в Сечь его предка. Обычай известный: прошлое перечеркивалось, из беглых Иваненок, Антонюков и Паламарчуков появлялись Иван Серко (Волк), Антон Головатый и какие-нибудь Довгочхун и Бульба. Прадед Павла Яковлевича — в зимний, должно быть, день — стал Голодригой. Потом в дипломах университетов Европы это имя — Paulus Jacobi f. Golodriga, doctor honoris causa — утратило славянскую насмешливую суть и стало, напротив, синонимом устойчивости, внутреннего сопротивления. «Голодрига» воспринималось как «иммунитет».

Познакомились мы в трагическую для крымского винограда пору. В суматохе превращения Тавриды в Шампань (или лозунг такой касался только Кубани?), в сутолоке посадок по встречному плану и сверх него заполошно тащили на полуостров лозы откуда только можно, нарушали правила карантина дико — и занесли филлоксеру.

Эта корневая тля — чума виноградников Старого Света. Родина ее — Винланд, тот северо-восток Америки, который и открыли викинги, опередив Колумба. Тля дырявит корни, заражает их, и куст гибнет. Вообще-то из Винланда все три виноградных зла: безумно плодучая подземная тля и грибковые болезни мильдью и оидиум. Если бы эти беды действовали на виноград раньше, он бы не смог пройти с человеком все цивилизации (Шумер, Египет, Элладу, Рим), история была бы иною. Пароходное движение между Старым и Новым Светом открыло ящик Пандоры. Филлоксера пошла истреблять заветные лозы Прованса, Бордо, Рейна, Апеннин, Пиренеев — в прошлом веке было уничтожено шесть миллионов гектаров мускатов, рислингов, токаев, и экономика многих стран стала на грань катастрофы. Миллионы виноградарей оказались нищими. Заболевшие кусты затапливали водою, жгли огнем, рубили топорами — все впустую, чума победно шла все глубже, пересекла Дунай, достигла нашей Бессарабии...

От мильдью нашли средство — бордоскую жидкость. Оидиум боится серы. Филлоксера — ничего! Тогда-то, век с небольшим назад, была положена в банк премия Международной организации виноградарства, громадная для XIX века сумма,— награда тому, кто найдет способ одолеть филлоксеру, не уничтожая виноградного куста.

Человечество, как чаще всего и бывает, обошлось паллиативом: и куст не рубить, и тлю не казнить, а взять курс прививок. Использовать иммунитет лоз Винланда, проживших с подлой тлей достаточное для контрмер время. Корень от американского дикого упрямца, верх — благородные сорта, ведущие род от фараоновых и дионисовых лоз. Прививки—дело дорогое, ненадежное, но с годами к ним привыкли, с налогом таким смирились, и теперешние как медальные, с номером на каждой бутылке, так и совсем простецкие, дешевле минеральной воды вина Западной Европы (плюс Северная Африка, плюс калифорнийский регион США) есть продукция привитой культуры. Стало обыденным, что каждый куст — кентавр, спайка разных природ. Просто так срезать здоровый чубук, воткнуть его зимой в землю и через три года владеть взрослым кустом уже нельзя. При Аргишти, Александре Македонском, атамане Платове, даже при моем отце, агрономе-плановике винкомбината «Массандра», вполне было можно, а теперь — увы. Да чего вдаль — день своего двадцатилетия я, не забуду, отмечал перевыполнением норм на зеленых отводках (остро нужны были целые брюки), а для отводки довольно было выбить в каменистом грунте метровую ямку, постелить живую лозу и прикопать ее, подставив зеленую макушку солнцу. На пустующем месте возникал куст, ничем не уступавший родительскому! Теперь и так нельзя: почва пронизана филлоксерой.

До конца шестидесятых годов доживаемого нами века Крым оставался островом здоровья. Об этом стоит вспомнить потому, что теперь лучше видно: филлоксеру не пустили сюда ни при царе, когда морская граница была, по сути, открыта и молодой Волошин мог, не спросив даже матери, сходить на фелюге в Синоп; ни при Врангеле, когда корабли Антанты сновали между Марселем и Севастополем. А вот вроде бы мирной поры «предкризисных явлений», бесшабашных починов, взаимного прощения Таврида — нет! — не выдержала.

Первые вспышки болезни по обычаю тех лет замолчали. Колхозы степной полосы, и в первую очередь знаменитая «Дружба народов», накопившая на винограде и вине 120 миллионов, какие до сих пор истратить так и не может, стали просто убегать от филлоксеры, перенося плантации с места на место, благо «степь да степь кругом». Но и эти «кошки-мышки» скоро кончились, стало некуда бегать, а главное — тля оказалась готовой проникнуть за цепь гор, на заповедный Южный берег.

Павел Яковлевич Голодрига, тогда директор Всесоюзного НИИ виноградарства и виноделия «Магарач», отвечал как начальник научного штаба за громадные — в 12 раз больше предвоенных! — плантации Крыма, за драгоценный генофонд. Да за будущее всего Причерноморья, если чуть потрещать словами! Меры карантина наконец-то были приняты, но что́ они значили в регионе туристском, кедовом, машинном, что́ они для тли, одна из форм которой летает!

Мы тогда, встречаясь зимою, взяли за правило ходить Южным берегом.

При Павле Яковлевиче время-пространство испытывало эйнштейновские перемены: что с детства требовало полуторки «ГАЗ-АА» или пароконной на худой конец линейки, теперь преодолевалось способом пешего передвижения, и довольно легко. Потому, наверное, что топонимика — Ай-Даниль, Роман-Кош, Аю-Даг, Кастель, Кореиз, Гаспра, Ай-Петри — теперь содержала магический хмель; дорога в любом направлении была как бы террасой над морем, что сообщало идущему обманчивое ощущение полета. И оттого, возможно, что продовольственный запас наш всегда нес Павел Яковлевич. Но и он не переутомлялся: на легкий случай бралось две леденцовых конфеты «Взлетная», на серьезный — четыре.

II

уть в сторону Алушты был тропой генофонда.

Еще не разгромленная филлоксерой всесоюзная коллекция лоз произрастала в уютном закутке на обращенном к морю склоне, не доходя Никитского сада — рукой подать. Магарач — так называлась деревня, опустевшая после екатерининского присоединения Крыма. Тогда, ровно два века назад, многие тысячи семей южнобережных татар, боясь мести греков, бежали в единоверную Турцию, как незадолго перед тем тысячи семей южнобережных греков, противясь омусульманиванию и боясь резни, бежали в пределы единоверной России, основав на берегах Азова новую Ялту, второй Гурзуф... Раздача гигантских владений в Тавриде вельможам и знати не встречала никаких препон, почему так легко и стали южнобережными землевладельцами Потемкин (11 тысяч десятин в одной Байдарской долине!), Юсуповы, Воронцовы... Будущий герой Бородина Николай Николаевич Раевский еще полковником смог прикупить за Аю-Дагом, в эллинской Партените, 220 десятин покинутой земли, устроил образцовое виноградное хозяйство и пушкинское признание:

Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой,—

вполне законно производить из гостеванья у Раевских. Как, впрочем, и из жительства у Инзова в Кишиневе. «Персты девы» — это «дамские пальчики», тюркский столовый сорт «хусайне» с ягодами до четырех сантиметров длины, он возник мутационно и представлял, рассказывал Павел Яковлевич, тот пласт мусульманского не винного сортимента, на который Потемкин, Воронцов и иные таврические любители накладывали слой изысканный, европейский, засаживая склоны имений выписанными из Бургони, Бордо, с Рейна, из Венгрии, Испании, с острова Мадеры лозами... Имение Гурзуф последовательно принадлежало Потемкину, герцогу Ришелье и Михаилу Семеновичу Воронцову, вовсе не «полуневежде», если иметь в виду ботанику.

Богатство, известная просвещенность первых хозяев и определили на века зеленую — парковую, виноградную, плодовую — утонченность и «всемирность» Южного берега. Ришелье подтолкнул Александра Первого устроить «в полуденной части Крыма казенный сад, ассигновав для этого по 10.000 р. ежегодно», и в 1812 году, как бы в знак неотвратимого разгрома Бонапарта, сад этот — «Императорский Никитский ботанический» — был заложен. Директор его Христиан Стевен создал богатые живые коллекции и роскошные питомники, с годами одевшие российскую Ривьеру в тот лаврово-магнолиевый декор, над которым давно заведено иронизировать, оттеняя ненатуральность такого наряда против березок средней полосы.

С первого по четвертый класс я проживал на винодельческом заводе. На втором винзаводе в Алуште, бывшем Токмакова и Молоткова, отец получил тут двухкомнатную квартиру с венецианскими окнами. Я видел и знал все, был знаком со всем многоязычным, как прежний Крым, составом предприятия. И с немцем-бондарем, глухим дядей Карлом, который размечал и выстругивал потом громадные гулкие буты, а пел всегда одну песню — про камаринского мужика. И с греком дядей Юрой, он оздоровлял тару горящей удушливой серой и умел так прокатить бочку бортиком по всему заводскому двору, что она ни разу не шлепалась на дно. И с татарином Мустафою, который был зурначом и после работы отправлялся с соседом-бубном и братом-скрипкой в дома отдыха Рабочего уголка. И с русским дядей Родей, носившим в правом ухе серьгу... Я знал, для чего конопатят тару, вгоняя меж клепок рогозу, зачем выставляют под солнце бочки с мадерой, как помпами перекачивают по шлангам тысячи декалитров муската, семильона, пино и потом обедают хлебом, брынзой и бычками здесь же в прохладке под навесом; знал лексикон виноделов (кановка — чоп — мордушка — сифон — клепка — закуска — перерез и т. д.). И всегдашняя полная трезвость этих людей была для меня такой же натуральностью, как, скажем, и то, что все они в штанах. Уж много лет спустя я соединил для себя, что молодость моих «дядей» прошла в государстве сухого закона, который не отменяли ни Деникин, ни взявший Перекоп Фрунзе, что всего одиннадцать лет отделяли эпоху моих наблюдений от «белых перчаток» Сталина. 18 декабря 1925 года на первом заседании XIV съезда Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) генсек в политическом отчете ЦК насчет социализма и алкоголя выразился так: «...Два слова об одном из источников резерва — о водке. Есть люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках. Это — грубейшая ошибка, товарищи. Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами и если, кроме того, мы не можем пойти в кабалу к западноевропейским капиталистам, не можем принять тех кабальных концессий, которые нам предлагают и которые мы отвергли,— то остается одно: искать источников в других областях. Это все-таки лучше, чем закабаление. Тут надо выбирать между кабалой и водкой, и люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются».

Откуда возник лакейский (или жандармский) образ белых перчаток?.. Но кабала оказалась реальностью — и в ней, любопытно узнать, виноватыми делались... западноевропейские капиталисты. Монопольную русскую водку, запрещенную с началом войны царем, Сталин выбрал одним из средств строительства социализма. Это был путь туруханских купцов в общении с остяками и тунгусами.

III

За Ай-Данилем нам открывалась панорама Гурзуфа с Аю-Дагом, самый патетический ландшафт, какой судьба показала мне за 30 дорожных лет. Внизу глубокой бухты — единственный «итальянский» городок нашей земли, где домики действительно висят над гладью залива, а приморские скалы одеты хвоей — за то, наверно, и отличен, обжит Гурзуф живописцами, начиная с веселого Константина Коровина и кончая реалистичным Худфондом СССР. Уютный амфитеатр, защищенный с севера лесистыми массивами Демир-Капу и Роман-Кошем, с востока Медведь-горою, представляет обращенный к морю виноградный сад. Темно-охряный утес, возвышающийся возле старинной деревни, издали отмечал мускатные участки Кизил-таша, то есть Красного Камня,— шпалеры были обрамлены зарослями можжевельника, горного дуба, карагача и выдерживающей тысячелетний век кевы.

Под краснокаменским мускатом — всего сорок один гектар. На такую-то страну?! Да выкорчевать лес, засыпать скрепером балки, красно-бурые карбонатные почвы использовать до дна! Что тут за объемы, если Крым, как жонглер шариками, играет сейчас миллионами кубов грунта! Каждую пядь крымской земли — на службу урожаю! Ан нельзя: у-сло-вия.

Уникальные условия Крыма объясняют, почему «Мускат белый Красного Камня» дважды в советское время удостаивался международного кубка Гран-при, мускат «Ливадия», «Бастардо магарачский», мадера «Массандра», мадера «Серсиаль» и еще многие марки получили на мировых конкурсах больше двухсот пятидесяти золотых медалей.

Считать такой факт завоеванием страны или стыдиться его как элемента в спаивании народа? Выбор заключает в себе самооценку.

Евразийский виноград есть световое по происхождению растение. Он выжил в лесистое время эоцена тем, что поднялся на крышу дебрей и стал лианой. Он и в сегодняшней культуре живет на таких склонах, на таких почвах, в такой благодаря могучим корням суши, где никакое другое растение жить не сможет. Не попрекайте его жилплощадью. Не заслоняйте ему свет. Не отнимайте лес. И только!

Павел Яковлевич Голодрига был склонен к некоторой патетике и, скажем так, таврическому эллинизму. Лучше всего это докажут Антей магарачский, Таврия, Кентавр, Спартанец, Аврора Магарача — названия его сортов.

Гармония очень трудно улавливается и очень легко нарушается. Потребность виноградника в соседе-лесе, оптимальная пропорция между ними выяснялись на ощупь поколениями. В имении удельного ведомства «Ай-Даниль» на 415 десятин общей площади, занятой в основном горным лесом, лозам было отведено 111 десятин. Рама дорогая, а без нее — никуда. Валовой подход соблазнял подчас и виноделов императорских имений. В 1893 году в «Массандре» с десятины виноградника взяли рекорд — по 265 ведер вина в среднем. Но, получив дело в искушенные руки, князь Лев Сергеевич Голицын быстро понизил валовку до 165 ведер, ибо для ликерных и вообще особо тонких вин нужно провяливать виноград, намеренно теряя до трети его веса.

Лучше меньше, да лучше.

Мне вроде вполне хватало своих пшениц, картошек, комбайнов внекрымского существования, но походы с Павлом Яковлевичем подливали масла: у нас и мускат, выходит, перестал получаться! Грозди отказывались накапливать нужное количество сахара, и сделать из такого сусла вино, хоть отдаленно родственное партиям Гран-при (цитронные тона и т. д., и т. п.), не мог никакой винодел. То сушь, то гниль, то еще что-нибудь. «Таврида», совхоз между горой Кастель и Большим Маяком, из своего черного муската сумел изготовить считанные бутылки марочного вина только два раза за десять урожаев.

Заметьте: «Мускат белый» с иконостасом медалей на этикетке стоит шесть семьдесят бутылка, пол-литра сорокапроцентного спиртового раствора с себестоимостью, тянущейся к нулю,—десять двадцать. Видимо, оценивается эффектность развинчивания гаек (в Испании русская водка рекламируется повсюду именно так: «Водка развинчивает все гайки!»), в мускате же алкоголя в два с половиной—три раза меньше... Выпуск марочных вин летально убыточен, на каждом декалитре «Массандра» теряет 84 рубля. Стóит принять за норму голицынский выход вина — и гектар краснокаменских мускатов в год, когда получилось вино, принесет вам 13—14 тысяч нынешних рублей убытку. Каждый! Провались такая уникальность, береги бог от тех Гран-при, как хорошо, что во всей природе краснокаменских мускатов только сорок один гектар, по Южному берегу — от Аю-Дага до Фороса — уцелело только 767 гектаров, а то бы всем Крымом по миру пошли.

В оплате за виноград давно выявилась тенденция: чем больше плохого, тем выгодней. Филлоксерный разгром вдруг дал мощный шанс всюду гожему середнячку «ркацители». Происхождением это древний почтенный грузинский сорт, «красный рог», если по-русски, для Кахетии он просто хороший, но такой на все согласный, что при перезакладке всегда оказывался, выдвиженец, под рукой, заполонил степной и восточный Крым и породил вино крепленое ординарное, окрещенное бормотухой.

С 1940 по 1983 год валовой сбор винограда в стране вырос, по печатной статистике, в 5,7 раза, а производство **виноградного** вина (плодово-ягодное не в счет!) — в 17 раз с половиной! Уж воистину, туман, призрак! Чудо в Кане Галилейской с разоблачением в сфере органической химии. Меня давно поражало, как мудрые люди из ЦСУ, сумевшие убрать с глаз весь хлеб главной пшеничной страны мира, весь ее импорт, даже потребление спиртного, не запрятали такой комичной многомиллиардной подделки?

Если долго, повсеместно и открыто делать нормой эрзац, то подлинность непременно станет жалкой, смешной и разорительной.

Филлоксера за стену Яйлы ворвалась. Корнесобственная культура, в иных долинах не прерывавшаяся с VI века до новой эры, пресеклась: выкорчевали все—и перезаложили привитым. Десятки хозяйств разорились. Перезакладка отняла лет десять и обошлась минимум в полмиллиарда, не считая потерянных урожаев. Павел Яковлевич был среди немногих упрямцев, отстаивавших натуральную исконную корнесобственную культуру, и его освободили от руководства институтом «Магарач», чему сам он, ученый, а не администратор, был рад несказанно.

Но досада вся в том, что и виноград административно выселяли с Южного берега Крыма.

IV

Застраивают виноградники! В первую очередь уникальные виноградники и горно-лесной шлейф. За двадцать лет у совхозов Ялты было 75 отчуждений, Совмин Украины произвел 23 изъятия земли. На лозах винсовхоза «Ливадия» возведен жилой массив. Автохозяйство «Артека» под асфальтом похоронило сырьевой район черного муската — такого региона на планете больше не будет. Голицынский Новый Свет («Из ста десятин общей площади имения двадцать заняты образцовыми виноградниками, общее число сортов превышает 500» — так у Семенова-Тян-Шанского) навеки лишен теперь мускатов-рислингов... При настоящем винограде многого нель-

зя. Нельзя ближе трехсот метров от плантации возводить жилье, всякого рода гаражи-котельные: пыль, загазованность, изменения температурного режима мигом скажутся на гроздьях. Сорт люмпен для бормотухи все, ухмыляясь, вынесет, а мускат белый не наберет сахаров. Нельзя селиться в шпалерах и потому, что виноградник опрыскивают ядами...

Ну, что до белого муската Краснокаменки, то тут уж волноваться поздно: его месторождение площадью, повторим, в сорок один гектар отводится под жилой массив на 20 тысяч человек, возводить его поручено одиннадцати организациям, картину рисуйте сами. Без фиглярства, без патетики, просто констатируя факт, можно обнажить головы у гурзуфского амфитеатра. «Прощай, легендарное вино, адью, Гран-при».

Двести граммов за срок — вот сколько винограду приходится на отдыхающего Ялты!

Нынешний дефицит гроздей, как и любой дефицит, искусственный. Несмотря на магическую цифру устрашения и защиты — 7 миллионов отдыхающих в год, Крым и сейчас имеет вдосталь сырьевых ресурсов, чтобы ампелотерапия — виноградолечение — шла на уровне минимум десяти килограммов на каждого. При валовом сборе в сотни тысяч тонн (а область собирала в осень до 660 тысяч тонн) выделить 70 тысяч тонн на виноградолечение — пустяки. Был бы интерес! Правда, интереса в столовом и любом прочем винограднике при ведомственном хапке нет и быть не может. Другие доминанты.

Еще злее ситуация с виноделием. Само это слово сочтено источающим порок и отнесено к срамословию: стошестидесятилетнему «Магарачу» велено именоваться не исконным званием «училище (теперь Всесоюзный НИИ) виноградарства и виноделия», а с пониманием стыда: «...виноградарства и продуктов переработки». Не вразумил никто реформаторов, что **продукт** уже сам по себе значит **результат переработки,** и в недалеком времени коллекционеры ляпсусов будут охотиться за бланками переряженного «Магарача». Основанное в 1828 году научное учреждение отнесено к рассадникам алкоголизма. Равно как и «Массандра» — ее, в Крыму рассказывают, насилу спасли. В указе о борьбе с пьянством никаких укоров в адрес марочных и столовых вин, будем точны, нет; рьяность порождена бюрократическим даром все здоровое и полезное людям доводить до степени бесшабашной — с кукурузой оно деется или с распределением рек по лику страны. Известный принцип маятника, когда оптимум проходится с максимальной скоростью... Последний дегустационный зал, где дальний пращур мог за трешницу узнать разницу между сухим, полусладким, ликерным и в первый, может, раз услышать, что между богом лоз и вина, прародителем театра Дионисом и пьяным жирным срамцом Силеном древние видели разницу, не грех бы и нам, зал закрыт из соображений наглядной борьбы с социальным злом. Конечно, если о результативности, то прихлопнуть «Массандру», «Абрау-Дюрсо» и «Магарач» не в пример сподручней, чем воевать с отрастающей, как гидра, индустрией самогона.

За два года площади под крымскими лозами сократились на 15 тысяч гектаров. Если темп сохранится, через пять-шесть лет всем проблемам конец: что за 26 веков виноградной культуры не смогли в Тавриде прервать никакие божьи бичи, то будет достигнуто.

Тенденция вовсе не только крымская. В Азербайджане на один посаженный гектар выкорчевывают десять. По Украине соотношение 1:5. В целом по Союзу, свидетельствует Госагропром СССР, в 1985 году раскорчевано 114 тысяч гектаров лоз, в следующем — на 36 тысяч больше, темп уничтожения превысил десять процентов в год, общий конец союзной лозе пока укладывается в четырнадцатую пятилетку.

К месяцу, когда профессор Голодрига принял решение уйти из жизни, мускат белый, слава Крыма (достигал ранее 5693 гектаров) сохранился в области на 394 гектарах. Скорость раскорчевки — до трехсот гектаров в год. Мускат черный уцелел на 56 гектарах, розовый — на 30. Семильон снят с районирования: Педро Хименес — 12 гектаров, приказал долго жить; Серсиаль — 25 гектаров, летальный исход. Кефесия, генуэзский сорт, живой гость средневековой Италии, плотная тернового цвета гроздь с мелкой, исключительно сахаристой ягодой, ликвидирован. Мюскадель исчез полностью. Аким-кара, виноград для марки «Черный доктор», уцелел только в коллекции.

С точки зрения теории бюрократизма противоречия тут нет: одна сторона медали — заркацительнись на бормотухе, другая — «жги мускат, спасая трезвость». За державу обидно! Вандализм ударит ее по карману: закладка гектара виноградников в среднем по стране стоит семь тысяч рублей, а в горных условиях, допустим, на Южном берегу, достигает и двадцати тысяч.

V

«Сообщаю Вам, что со здоровьем у меня плохо: катаракта, нулевая кислотность и расстройство нервной системы. Убедительно прошу снять с обсуждения мою кандидатуру на должность директора института «Магарач».

Это одна из «бочек», какие Павел Яковлевич катил на себя еще в 1968 году. О законе Паркинсона он тогда не знал, опыт канадца, сознательно оставлявшего свою машину на стоянке декана (чтоб не выдвинули), был еще не раскрыт. Но имелась уже своя теория зоопарка.

Специалист после 10—15 лет руководящей работы дисквалифицируется. Он способен только репродуцировать бумаги. Сократить его теперь все равно что животное из зоопарка выпустить на волю: оно не сможет прокормиться. Корм ему поставляют готовым, функцией его стал постоянный прием людей, ознакомление потока посетителей со своим внешним вкусом. Умения атрофировались — такой лев антилопу не словит, антилопа травы не найдет. Поэтому вполне справедливо и только гуманно на сокращение аппарата реагировать: «А о людях вы подумали? А живых людей вам не жаль?» Аппарат — люди, конечно, живые, но это вовсе уже не сумма инженеров, биологов, моряков: ни сталь сварить, ни произвести опыление они больше не могут, и надо терпеливо и впредь содержать их, уже неспособных к примитивной жизни существ...

— Инвалидом быть не хочу.

Директором его продержали почти десять лет, но навыков научной саванны не потерял. Целиком селекции он отдал себя только в 57 лет. За отпущенные судьбой девять лет успел многое. Его обрадованно приветила виноградная наука Земли, очень признанно расступилась, усадила за стол... Калифорнийский генетик Т. Олмо, португальский профессор М. Кутиньо, венгры И. Томаши, И. Коледа, французские селекционеры Р. Пуже, П. Дуазан, профессора из ФРГ Г. Беккер, Г. Алмвельдт и еще многие светила открыли для себя известную разве что по конференции «тройки» Ялту и протянули руки дружества Павлу (Паулю, Полю, Палу и т. д.) Голодриге. Директором я знал одного человека, а селекционером — другого: с совсем иным мировоззрением, раскрепощенного, храброго... Стоп, а был ли он когда-нибудь «в сражениях застенчив»? Не то. Директором им двигала энергия Савла. Имея свободу в деньгах, направлениях, планах, он закачивал — смешно и неловко вспомнить — отравляющие газы в почву, вроде бы подлечивая виноградники. Филлоксере, наверное, было начхать, но какие адские анализы могла бы выдать уцелевшая гроздь? Страшенный краб или паук с трактором внутри погружал лапы-иглы в землю, из них тек сероуглерод, дым, удушье — фронт первой империалистической! Я в свое время видел у Лысенко коров, которых кормили отходами какао, и лицезрел телят, вспоенных сметаной. Мог ли так уж напугать меня паук, нагнетающий смертные газы? И самое забавное: данные от этой фумигации получались какие надо, и отчеты шли, и ассигнования, то есть тот, тогдашний Голодрига в общем забеге институтских зауряд-директоров мог претендовать даже на призовое место.

— Храбрость наша в том, что мы поставили на разрешение проблемы, которые, считалось, нельзя реализовать,— скажет в своем завещании Павел Яковлевич. Оно не написано, а надиктовано и представляет собой последнее интервью, которое ялтинская газета, конечно, не опубликовала. Я переписал себе кассету, с годами цена ее будет иной.

Нельзя создать европейский сорт винограда, натуральные корни которого не убьет филлоксера! Это даже не «дважды два», это 1×1=1.

Нельзя защитить виноградник Европы от грибковой флоры Америки иначе, как большими дозами ядов. Одного медного купороса СССР вносит 40 тысяч тонн, тратит на его разбрызгивание 40 миллионов рублей в год. Оплату здоровьем нации мы вообще не учитываем.

Нельзя создать раннеспелые и одновременно сахаристые, высококачественные сорта: у лозы просто не хватает времени сформировать урожай, слишком короткое время листья ловят солнце.

Нельзя сделать так, чтобы сорт был одновременно и морозоустойчив (не зарывать чтоб на зиму), и урожаен, и сахарист, и скор в вегетации: в биологии за все надо платить, выигрыш в одном, как правило, компенсируется рядом ущербов...

Отказавшись от суеты, частных погонь и эфемерных удач, профессор Голодрига в восьмидесятых годах XX века в Крыму (СССР) создал группу новых сортов винограда очень раннего созревания, устойчивых к болезням, вредителям, неблагоприятным факторам среды — они не боятся филлоксеры, они безъядны, то есть не требуют никакой химической защиты, их не надо укрывать зимой, они в 110 дней воспитывают урожай и больше весом, и выше качеством, чем Ркацители за 170 дней, Шабаш — за 180. Желающие могут видеть плодоносящие восьмилетние виноградники нового уровня иммунитета в хозяйстве «Дружба народов» (Крым, СССР), а также на 600 гектарах маточных насаждений. На каждом гектаре плантаций выигрыш составляет минимум 1500 рублей в год. Они экологически чистые, хоть младенцев корми с куста, урожай до 20 тонн с гектара получают без химического зонта. Объяснение удачи — международность селекции, современные ее приемы и талантливость авторского состава.

Из завещания: «Селекционеры очень дружный народ. Что не удалось сделать Франции за сто лет, то удалось нам в Советском Союзе. Мы добавили к французским сортам гены грузинских сортов винограда. Селекционер понимает, что не всегда он сделает то, что запланировал,— и передает младшим, чтобы сделали без него.

В ФРГ мы дегустировали образцы. Просить гибриды нельзя, гибриды — богатство страны. Но на дегустации я сказал: «Эти два гибрида мне больше всего понравились!» Через два месяца посылка — те два гибрида...

В Португалии есть профессор, мой коллега, Кутиньо, у него есть сорт, меня очень интересующий. Во Франции он подошел ко мне после одного доклада: «Мое правительство не позволит мне передать вам — ведь я сделал это за 40 лет. Но вы мне пришлите письмо, и я принесу этот материал, комплексно устойчивый к болезням и вредителям, приду в ваше посольство и им передам». И что вы думаете? Приходит он с моим письмом в советское посольство и, по-видимому, попадает на какого-то дуба. Его, профессора, выставили из посольства! Он тогда разрезал черенок на меньшие части и послал почтой. Но в таможне сделали свое дело — ни один глазок не пророс, все погибло. Мой коллега попал в посольстве не на советника по сельскому хозяйству, а на неуча, невежду...

Селекционеры **вчера** занимались частными вопросами, **сегодня** создают новое по модели идеального сорта — с комплексом признаков, причем эти признаки лепят в десятку, снимают лимитирующие факторы, облегчают труд, получают урожай дешевле и больше. Селекционеры XXI века будут работать с помощью ЭВМ. Мы впервые в виноградарстве поставили целью создание банка данных по гетерогенному генофонду. ЭВМ в селекцию мы уже внедрили. Селекционеру не нужно держать в памяти 20 тысяч признаков — он будет говорить с машиной, ЭВМ прогнозирует скрещивания, манипуляция с генами совершенно осознанная — таков курс XXI века... Сейчас создается платформа для селекции на клеточном уровне, то есть мы можем осознанно отбирать мутации на клеточном уровне и развивать растение из клетки! Она, селекция будущего, захватывающая! Жаль только, что мало людей идет в науку, мало желающих — все новое дается чрезвычайно трудно: верхние пласты все подобраны...

Мы не можем выжить поодиночке — селекционеры уже дышат этим братством. «Интервитис» — международный виноград! Прежде всего — человеческое отношение к людям!..»

Не зная путем состояния в мире, я не могу утверждать, что магарачский пакет сортов — Аврора, Антей, Кентавр, Данко, Первенец, Подарок, Таврия, Юбилейный — есть прямой претендент на премию Европы прошлого века, но наведаться стоило бы: старый франк не ржавеет.

Я любил бывать у него в бывшей ялтинской гимназии.

«Не спрашивай Бога о дороге на небо: он укажет самую трудную». Надпись эта на стекле лабораторной двери исполнялась явно не Павлом Яковлевичем, кем-то из молодых, потому что выведено «Бог», а он наверняка написал бы с малой буквы. Прочие же формулы комнат отдела объединяли скорей всего профессора и окружающую его среду:

«Помни: тупик в разработке проблем — самое время для новых идей».

«Догадка предшествует доказательству». А. Пуанкаре.

«Старайтесь найти вечный закон в чудесных превращениях случая». Ф. Шиллер.

Я пытался устроить сюда ялтинского жителя Чехова: «Работать для науки и для общих идей — это-то и есть личное счастье. Не «в этом», а «это». Но Павел Яковлевич вник и отклонил мягко: смутила, кажется, заключенная здесь готовность быть счастливым уже самим процессом независимо от результата. Заведующий от-

делом селекции был прагматиком: зарабатывал институту на хозрасчетных договорах.

Отдел уютно обосновался во флигеле, молодые рукастые физики, электронщики, химики, соблазненные не ловлей единичной жар-птицы, а созданием стабильной и доходной жар-птицефермы, устроились так, как всех устраивало, Павлу Яковлевичу довольно было знать, чем занят сотрудник, как идут дела,— «прибыль-убыл» его не волновало, царило нравственное согласие, и я, методически навещая флигель, видел превращение периферийного кругозором — оснасткой — духом отдела в столичное научное учреждение.

На планете стоит человек и жонглирует генами — такую эмблему они во флигеле приняли вроде бы гербом отдела. При небольшой коррекции в маленьком жонглере узнавался шеф.

Вот этапы восхождения в той последовательности, в какой я их постигал.

«Чумной барак», или отсечение мертвого от живого. В степном отделении под Джанкоем на огороженном поле был устроен инфекционный дозируемый фон: филлоксера от нормы «пекло» до предела «тихий ужас», мильдью, серая гниль и полный выбор прочей флоры. Подавляющее большинство форм сгорало в месяц, какая-то малость балансировала между жизнью и смертью, и только одна сотая процента выделялась в элиту. Как я усвоил, первые вышедшие живыми из «чумного барака» происходили из Якорной щели — опорного пункта вавиловского ВИРа. Часть мировой коллекции лоз помещалась в месте с тысячей миллиметров осадков, с парниковым эффектом и прочими жутями, и все нестойкое было отбраковано еще до счастливого появления здесь жонглера генами. Настоящей насмешкой над смертью, зеленым торжеством гляделись на пустующей земле кусты, когда два, когда и один на целую шпалеру, с приростом буйным, азартным, с обильным плодоношением. Павел Яковлевич теребил гибкие плети и говорил им разные слова. «Хюрий, химмунитет!» — до сих пор в ушах его восторженное придыхание.

Jn vitro, размножение «в стекле», в пробирках. Похоже на алхимию, на выгонку гомункулюсов: отщипывая и расселяя кусочки живой ткани, из одной почки в тот же год получали до тысячи устойчивых растений. Микровиноградники росли на стеллажах, живые, зеленые, разве что ни Аю-Дага, ни моря. В отделе получили нормальные растения из аморфной каллусной ткани — из того шрама, каким на чубуке затягиваются порезы! Если бы не технология тканевого размножения, если бы не выгонка чубуков из одной почки в теплицах уже в хозяйствах, в увлеченных колхозах, открытие иммунитета против тли, безъядный виноград Голодриги оставались бы внеэкономическим профессорским фортелем до самого конца нашего века.

Свежий виноград для страны двух частей света, свежий виноград круглый год. Там, откуда храбрый жонглер привез рыцарский панцирь, этот «круглый год» достигается тем, что на земле всегда где-нибудь осень: в марте ФРГ торгует виноградом Бразилии, а в сентябре Европа повезет грозди за экватор. У нас же две части света, и если грамотно растянуть сортимент, созревание, то можно иметь на прилавках свежую гроздь минимум шесть месяцев, а остальное прикрыть холодильником. Виноградный мост «Средняя Азия — Москва» на крымских маршрутах мы обсуждали еще в пору, когда несравненные сорта таджиков, бухарцев, туркмен, блистательные Джаузы, Нимранги, Халили давили на центросоюзовский убийственный портвейн, и я впервые печатно вошел с предложением: темницу эмира бухарского под его конюшней использовать для содержания губящих столовый виноград, только со стен пусть течет не моча жеребцов и мулов, как было в проклятом прошлом, но красное крепкое и белый портвейн.

Эмоции в целом-то тоже нужны, но без сортимента, на одном Чауше из Оттоманской империи уедешь недалеко, и Павел Яковлевич пробивал летние дегустации, теребил, собирал, уговаривал... В чем тут его радости? Королева виноградников, Чауш, американец Кардинал зелены и сняты с дегустации, а магарачские сорта — «нарядная гроздь, черная ягода, хрустящая мякоть», до двадцати процентов сахара! «Хрустящая мякоть»— это не поэзия, даже не реклама, уважаемые, просто дегустационный стандарт.

Ох, как допекли иных в Крыму наезжие австралийцы! Снимать Голодригу. Телефильм «Наука XXI века». Да что он, один у нас? Нет, мы заплатили за это право большие доллары, нам нужен именно этот профессор. Да его уже Би-би-си снимала, венгры, немцы, он уже заезжен, мы вам подберем других прогрессивных ученых... Нет, иначе уедем... Потом мне директор «Магарача» С. Ю. Дженеев говорил, что Голодрига, правду сказать, был человеком, который любил если не славу, так известность, привык быть человеком, которого в принципе хвалили, потому так болезненно и реагировал потом...

Позвольте, а как же не жалеть отнятое признание? Ведь это не казенная дача — бог дал, бог и взял, не паек ИТР, нужный, по-честному, только в голодный год, это человеку творчества единственная компенсация за труды! Вот мы, ЦТ, без обалденных японских телекамер, мы не создали вокруг Павла Яковлевича тот озонный слой, какой еще кому-то пробивать бы пришлось, пока фантазера достанешь. Австралия, оказалось, видела лучше. Если обо мне самом, то — привык. Еще четырнадцать лет назад напечатал в книге мнение Павла Яковлевича, «наука ни на минуту не смеет отказываться от уверенности, что полную победу принесет селекция, что иммунные к тле сорта создавать можно», а потом молчок на многие годы. Еще новый сорт, еще сотня тысяч саженцев — ну, а как же иначе? На то и оставил он институт, на то он Амосов селекции, у кого ж еще будет получаться... «Иль русский от побед отвык», в самом-то деле? Вот доверишь, закроет тему, тогда и... Тем более что фильма сейчас не разрешают: виноград не моден, единицу не утвердят. Да что ж, что австралийцы снимают, мы их что, слепо копировать будем?

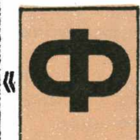
Из завещания: «Когда делаешь то, во что люди не верят, нужно иметь колоссальную выдержку, чтобы доказать свое... У нас изнурительная работа. Достигнув того, что люди считали нереальным, ученый, бывает, белой вороной ходит. У уха вертят пальцем, «с приветом», вроде того, берется за такое... Стоят в стороне и говорят: «Чудак какой-то, воюет с мельницами!»

Дорога на небо на высших отметках оказалась страшна не крутизной, не редким воздухом, а никчемностью траты сил. С гонением на виноград, с объявлением зеленой лозы личиной «зеленого змия» даже на государственные испытания перестали принимать лучшие иммунные сорта из магарачского пакета. Отдел Голодриги микрохирургией и меристемной культурой из почки получал тысячу кустов, а нынешней зимой 350 тысяч штук готовых саженцев, уникальный новейший материал, не знали, кому сбыть. Бахчисарай, Саки, опытное хозяйство «Мир» в телефонных истериках взывали к совести, к разуму, к пониманию выгоды... На безъядных плантациях «Дружбы народов» после подрезки сжигают чубук. Не искры над кострами, не зола — те гены над планетой, что добыл ученый-жонглер.

Сняли с районирования «Таврию», в отделе сократили четырех человек, не пустили в Венгрию, самое же для него страшное — отняли отдел. Ему уже 66, пусть придут молодые. Так велит Москва! Он написал заявление, перевел сберкнижку — 6 тысяч итоговых накоплений — на жену, попросил передать бутылку шестидесятилетнего кипрского журналисту-писателю в Москву и отказал себе в разминке и утреннем море.

Этой зимой перед старой гимназией в Ялте сломало ливанский кедр. Дерево начало жизнь до самолетов, вынесло землетрясения, ураганы, три зимы под немцами — и уцелело. Но этой зимой шел и шел влажный, липкий снег, он копился на хвое, стояла тишь, из хлопьев собирались тонны, стрясти было некому — кедр погиб.

VI

«Фактов доведения до самоубийства не установлено. В возбуждении уголовного дела отказано. Прокурор гор. Ялты, ст. советник юстиции В. П. Юрчук».

Газеты молчат — вещает гласность в мягких тапочках. «Той профессор, что в погребе удавился, — он сто тысяч масонам перевел».— «Та брешйть... Он служил сионистам, а наши дознались». — «Йога то все, девчата, йога».

Так почему все-таки люди голову в петлю суют? Жить можно и на Луне, был бы скафандр исправен. Причины, причины. Будем верить великому киношнику Абуладзе: пока не выроем трупа причины — носить нам своих не переносить. Итак?

Младший научный сотрудник Костик М. А. (следователю): — Одиночество и безъисходность.

Лаборант Миша Супрунюк, самый младший в отделе (с семи лет был под опекой профессора Голодриги, тот готовил из него биолога, после вуза взял к себе): — Лишить его работы значило лишить жизни. Об институте он старался не говорить со мной — ему было передо мной стыдно.

Ведущий научный сотрудник Усатов В. Т. (показания в прокуратуре):— Я являюсь его учеником и как об ученом и о человеке ничего плохого сказать не могу. По моему мнению, неутверждение его в должности начальника отдела для Голодриги не было большим ударом. Истинная причина гибели неизвестна.

Вдова ушедшего, Галина Дмитриевна (заявление прокурору): — Недоброжелательное отношение со стороны дирекции, страх потерять работу, не закончить начатые работы — все это сломило его.

Нынешний заведующий отделом Трошин Л. П. назвал одиннадцать причин: первая — лишение его любимого отдела, где работали, как он выражался, «с пафосом», последняя — корчевка виноградников в Крыму.

Секретарь Ялтинского горкома партии Куприянова Л. В.: — Он всегда был в себе уверенным человеком, современным, а тут молодые подпирают, смириться не смог.

Директор НИИ «Магарач» профессор Дженеев С. Ю. (объяснение следователю): — В отличие от научного работника как начальник отдела организатор он был плохой. Люди в отделе не знали, кто чем занимался, своих обязанностей, были случаи нарушения трудовой дисциплины. На должность начальника отдела он уже не мог быть переизбран в силу своего возраста, так как ему 66 лет. А по существующему положению переизбрание возможно до 65 лет. Я об этом прямо сказал Голодриге. Правда, он попросил меня узнать на этот счет мнение в Москве. Но и в Москве мне сказали, что о переизбрании не может быть и речи. (Стиль следователя.— **Ю. Ч.**)

Предсмертная записка самоубийцы — жене и теще. Никто из расследовавших и городского начальства ее не читал, не смогли получить в руки, поэтому в эту минуту она многих успокоит — обвинений никаких.

«Дорогие мои, Галина, Юлия Павловна. Мое тело будет в погребе. Простите за такое горе. Вчера очень плохо себя почувствовал и ушел с работы. Ухожу из жизни, так как по халатности большая потеря имущества. Об аттестации Мальчикова пришло в голову поздно вечером. Неправдоподобно, но факт. Подвожу многих и в целом институт, **главное—вас.** Противно самому, потерял волю. Страшно подумать. Простите!»

Галина Дмитриевна говорит, что «халатность — потеря» — это мотив для нее. Попытка объяснить. За Павлом Яковлевичем действительно числились какие-то фанерные шкафы сороковых годов, пузырьки для микровиноделия, установка климата, после снятия с отдела хозяйственники и бухгалтерия начали его теребить, взыскивать, но все нашлось.

Вообразите маленькую ловкую женщину, манерами пионервожатую, только прожившую после много-много лет, но не состарившуюся, просто вырастившую большого сына. А сын ее — одноклассник Миши Супрунюка, поэтому женщина, когда-то Ларочка, позже Лариса Васильевна, знала о Павле Яковлевиче все. И то, конечно, как ревниво и ответственно относится профессор, Мишин воспитатель, к своему главенству в городском обществе «Знание». Как ни занят, добывает лекторов, пишет сам, а уж что в Ялте регулярно выступает его бог Амосов!.. Лариса Васильевна Куприянова, ныне секретарь Ялтинского горкома партии, вычеркнула профессора Голодригу из кандидатов в председатели. Отставлен без объяснений! Какой это для него был удар... Это Лариса Васильевна запретила гражданскую панихиду в институте. Она же не велела печатать некролог в местной газете.

— Мы советовались в обкоме, сейчас не помню с кем... Вообще о самоубийцах не положено выражать соболезнования.

Вообще-то, Лариса Васильевна, многое не положено. Не положено так работать, чтобы под тобою руки на себя накладывали. Не положено, зная человека весь возраст своего сына как достойнейшего, само знакомство с которым — честь для твоей семьи, не прийти с ним проститься, не постоять в черной косынке, как сделала бы любая сельская женщина, вовсе не кончавшая ВПШ. И не потому, что есть бог — или Бог, как теперь начинают писать, а потому, что среди людей живем, и если прервутся прощания, то некого будет и встречать. Некому станет — «будьте готовы!».

Редактор газеты протягивается над столом искренне и улыбается в глаза:

— А нам никто некролога не предлагал, мы и не напечатали.

...Кулундинцы, знаете, кто это? Да Кинелев, Кинелев Константин из Родино, неужто забыли? Ага, в Ялте теперь, посмотрели б вы его кабинет!.. Давайте, чтоб ясно, пропорцию: насколько лавровые парки Ялты лучше пыльных бурь Кулунды, настолько и нынешний кабинет бывшего родинца радостней того, в срубе из поповской избы, помните? Редактор—это всегда и везде человек, боящийся политической ошибки. Как одни — мышей, другие — высоты или СПИДа, так редакторы боятся ее, проклятой. Да и чего в ней, политической, хорошего,

в самом-то деле? Из-за нее потом в голимую степь возвращаться? Четыре извещения в кайме за время, пока не схоронили профессора, дала ялтинская газета, четыре! А об этом докторе наук просто никто не написал. То подвалищами катали, а тут — воды в рот.

«Периодическая печать должна смело и прямо говорить о всех злоупотреблениях и печальных явлениях общественной жизни, разоблачать зло и неправду изо всех углов провинциальных сфер. Это прямая задача всякого честного идейного журналиста». Написал так, правда, человек, которого многие честили безыдейным, зато ялтинец, общественник, врач. Антон Павлович Чехов. Ну, это, может, через край — «зло», «неправда», «печаль». Но если редактор не знает, кто в его городе-регионе самый ценный человек, не опасный, а ценный, кого, допустим, нужно спасать в случае землетрясения, цунами, нападения пиратов, то сам он есть тягчайшая ошибка, политическая притом.

Надо представлять себе дух Ялты, очаровательного белого лайнера на приколе у Яйлы.

Если десятилетия первой доблестью и мужской высотой отцов города выдвигалось «достойно встретить» и «с честью проводить», если глагол «отдыхоустроить» здесь понятен всякому, то дух **дежурного при даче**, вся психология этого людского генотипа начнет распространяться, как газ, заполняя все поры. Хозяин с глаз — дежурный в кресло, за кий, за руль. Дежурный — это несостоявшийся хозяин! Газеты — киевские, союзные — будто прорвало: открывают такие гейзеры провинциального героизма, что и щедринским городничим хоть локти кусай. Приехали киношники из Киева что-то не то снимать, а городской голова возьми и определи их в холодную: нехай одумаются! Сегодня, сейчас, в этом году!! Учинили королевскую охоту: тот же голова и самые ближние его поехали в Крымский горный заповедник, где теперь благородный олень,— «стрелять серых ворон», как сообщила местная принципиальная пресса. Вороны воронами, а убили жаканом только одного из своих — директора пивзавода. Как оно там было — следователям выяснять, но городской голова, тоже пивовар, в недавнем прошлом того же пивзавода директор, держался еще долго. У него, пивовара, финансы, и вот миллион рублей с гаком он вдруг отстегивает на ампирные фонари вокруг горисполкома. Чтобы бетону оттяжку, значит, давало! В городе километр водопровода протянуть — проблема и мýка, в детский сад пробиться — беда, инвалидам, я говорил, еще жилья не хватает, а тут гелампиония — потемкинские алмазные пуговицы на новом ватнике...

Скажете: снят он уже, снят тот бедовый мэр,— нечестно вдогонку. И секретарь горкома, который рвался руководить отелем, но служащие возьми да прокати его по новой манере,— тот тоже снят. Коренное обновление, пришли такие, что и не помнят, как горизонт неделями в глазах качался, вообще беспросветных «мероприятий» не знают, разбитых «чаек» не видели; что ж старое поминать!

И потом — что это за «дух», как можно так о всем городе, что ж тут, одни стрелки ворон? Пиши давай скорей, что население курорта в целом здоровое, много заслуженных и гордиться есть кем, что санатории содержать, кормить-обстирывать такую прорву отдыхающих — скромная, но о-го-го какая тяжкая работа.

Напишу. И насчет «духа» поправлюсь. И строчки из блокнота —

«В Ялте говорят озираясь. В «Магараче» — одно, наедине — другое. Работа очень дорога, она—вопрос жизни, безумие рисковать службой. Сумма ценностей—квартира в Ялте, должность в Ялте, сама Ялта от порта до Чайной горки — делают Ялту городом озирающихся, и для откровенной беседы вам встречу назначат на набережной, среди густого, как в нерест, потока чужих» — эти невзвешенные строчки я похерю и в текст не включу.

Более того, заявлю: Ялта была столицей России. Недолго, но была—столицей духа! Где вырабатывалась демократическая этика, расходясь потом по стране. Здесь правил дух честности, человеколюбия и доброты. Ложь, не было такого? Писатель Горький скрывался от чинов полиции под крышей писателя Чехова? Жандармы готовили тайный провоз тела графа Толстого — назло им выздоровевшего Льва Николаевича Толстого? «Как много здесь чахоточных!.. Мрут люди от истощения, от обстановки, от полного заброса — и это в благословенной Тавриде»,— ведь о Ялте той самой поры говорил правдивый человек Чехов.

Да-да, все так, и вместе с тем — или наперекор тому — в Ялте на стыке веков жил неизбранный президент непровозглашенной республики России. «Лучший человек» (Станиславский). «Первый свободный и ничему не поклоняющийся человек» (М. Горький). Почему президент? Да по конституции многих стран президент есть первый гражданин страны. А у нас им стал Чехов.

Рахманинов, Шаляпин, Горький, Бунин, Короленко, Кони, Комиссаржевская, Куприн, академик Кондаков, Станиславский, Скиталец, Левитан, Немирович, этнограф Максимов, Книппер, Дорошевич, Гарин-Михайловский, Телешов, Леонид Андреев, Коровин, весь МХАТ — многие ли из взаправдашних столиц могли за годдва привлечь такое созвездие? Чеховский дом в трех минутах от «Магарача» привлек, и какими, скажите, руководящими идеями? С каким кредо входили в век?

«Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики,—в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д. и т. д. — и все это делается... несмотря ни на что».

Мало для кредо? Ну, и тогда ему так говорили. А вот ведь хватило, считай, на век. Мутации за это время такие ли возникали, а основной генофонд один. И как просто, просто все. Профессор Валуйко, вечный противник Голодриги, спорщик, оппонент, в день похорон ворвался в кабинет директора и буквально закричал, затопал, затрясся: низко, постыдство, срам, как смеют лишать институт прощания с ученым, поставьте гроб в зале, горком запрещает — так ехать в обком, в ЦК!.. Старый театральный директор Краюхин послал по всем чертям запрещавших ему речь над могилой: «Я хороню фронтового друга и врежу всякому, кто...» Люди остаются людьми. Кстати, и тот самый мэр место на старом кладбище выдал. Неподалеку от могилы Марьи Павловны Чеховой, сестры.

Директор «Магарача» Сергей Юрьевич Дженеев, как и порекомендовал горком, на кладбище не поехал, что-то сказать над могилой было поручено нанятому чтецу из бюро ритуальных услуг. Но обеденный перерыв шеф перенес, и коллектив отдела смог — безалкогольно, согласно требованиям,— провести поминки в ка-

Окончание на стр. 24.

ВЕТРЕНЫЙ ПОЯС

Как ни удивительно, но в конце тридцатых годов на карте еще не было горного кряжа, занимающего часть Карелии и двести пятьдесят километров от среднего течения реки Нюхчи до Онеги в Архангельской области, а для исследования кряжа все основания были. Возраст этих горных масс — миллиарды лет; многое здесь затаилось.

Выдающийся исследователь Ветреного Пояса и автор его первых карт М. Н. Карбасников размышлял о том, почему кряж получил такое название. Пояс, поясина — обращенный к морю хребет, овеваемый ветром, значит — «Ветреный», а не «Ветряной».

...Наш вечерний костер догорал на берегу Нюхчи, в среднем ее течении. Неподалеку проходила знаменитая Осударева дорога, по которой всего за десять дней в августе 1702 года Петр I доставил свой флот от Белого моря до Онежского озера, а затем 11 октября овладел «зело крепкой» крепостью Орешек.

Тот же М. Н. Карбасников сообщает любопытный факт. В 1935 году на «десятиверстку» была нанесена почтовая дорога, якобы проходившая от поморского села Нюхча на юго-запад, пересекая Ветреный Пояс. Дорога-то была, но не почтовая — Осударева! И не дорога вовсе, а просека, которую прорубили четыре тысячи солдат и пять тысяч крестьян-поморов, в числе которых было немало мастеров из раскольничьей Выговской пустыни.

Сюда, на реку Нюхчу, нас доставил вертолет МИ-8.

Выбирали место для посадки поближе к горе Голец, главному объекту экспедиции. Внизу замаячил совершенно свободный от растительности островок, обтекаемый черными струями быстро мчащейся воды. Сели.

Ветреный Пояс представляет большой интерес. Где кристаллические породы, где докембрий, там и полезные ископаемые! Надо разобраться, что хранится в этой кладовой и в каком количестве.

Чтобы получить ответы на вопросы, нужно, опираясь на фундаментальную науку, вести геологическую разведку. Этим и занимаются многие годы ученые карельского института геологии, вместе с которыми мы и прибыли на берега Нюхчи.

Во главе отряда (всего-то в нем было пятеро) — Виктория Владимировна Куликова, кандидат наук.

Стоянка геологов живет по своим законам. Есть походная плита, у каждого есть место у костра, где можно погреться, просушить обувь и одежду. Территория под навесом — это и временный склад для научного оборудования, продовольствия, это и лаборатория, и столовая. Это и дискуссионный клуб!

— Вот готовились мы к поездке,— с присущей ей живостью говорит Виктория Владимировна,— так, представляете, из-за пятидесяти банок мясных консервов пришлось обойти все инстанции. В объединении «Продтовары» говорили одно и то же: где резолюция? Не положено... До Президиума Верховного Совета республики пришлось дойти! Помогло. Оказывается, положено. Как же в экспедиции без консервов?

На следующий день после устройства лагеря нам предстояло пройти до Гольца, самой высокой в Карелии вершины Ветреного Пояса. До нее семь километров. Невелико расстояние? Но это были «геологические километры» — по непроходимой местности, через чащобу и чавкающие под ногами болота. Не говорю уже о том, что от идущего к вершине Гольца (всего-то двести пятьдесят метров!) требовались навыки альпиниста.

Мы как-то утрачиваем с годами способность представлять себе совершенно безлюдные места. Идешь восемнадцать часов, и ни одного человека. Только свежие следы лося или более давние — медведя. Места испокон веков необитаемы и сегодня далеко не полностью исследованы, хотя и находятся они в сотне километров от ближайшего города и в полусотне — от поморского села.

Чем же богат Ветреный Пояс? Многим. Почти вся таблица Менделеева в здешних недрах таится. Весь вопрос в том, оправдана ли попытка практической добычи полезных ископаемых?

...Сидим у догорающего костра, обсуждаем впечатления прожитого дня.

— Вот мы шли к Гольцу и видели, что такое вырубки,— отметил член экспедиции Вячеслав Степанович Куликов.— Даже в этих глухих местах они попадаются на глаза то там, то тут. А сколько буровых станков встретили за эти дни? Один. И то потому, что специально возле него приземлились... Правда, на Ветреном Поясе уже добываются бокситы, готовится и освоение крупных месторождений базальтов для щебня, обнаружены признаки нетрадиционного сырья. А что касается леса, то если уж рубить, то на месте надо организовать комплексное использование порубочных остатков, их химическую и механическую переработку. И ни в коем случае не забывать о лесовосстановлении! На вырубках-то один березняк, а когда ждать знаменитую карельскую древесину? Лет через двести... Искать полезные ископаемые в здешних условиях сложно. Нужны легкие буровые установки, полевой приборный парк для анализа горных пород на месте. Пора подумать и о быте буровиков. «Чавкать» ежедневно по болоту — никакая не романтика, а тяжелая, изнурительная работа.

...Мы возвращались в Петрозаводск с Ветреного Пояса. Где-то внизу легло Выгозеро, по берегу которого проходила старинная дорога. Сегодняшние дороги геологов — дороги государственные!

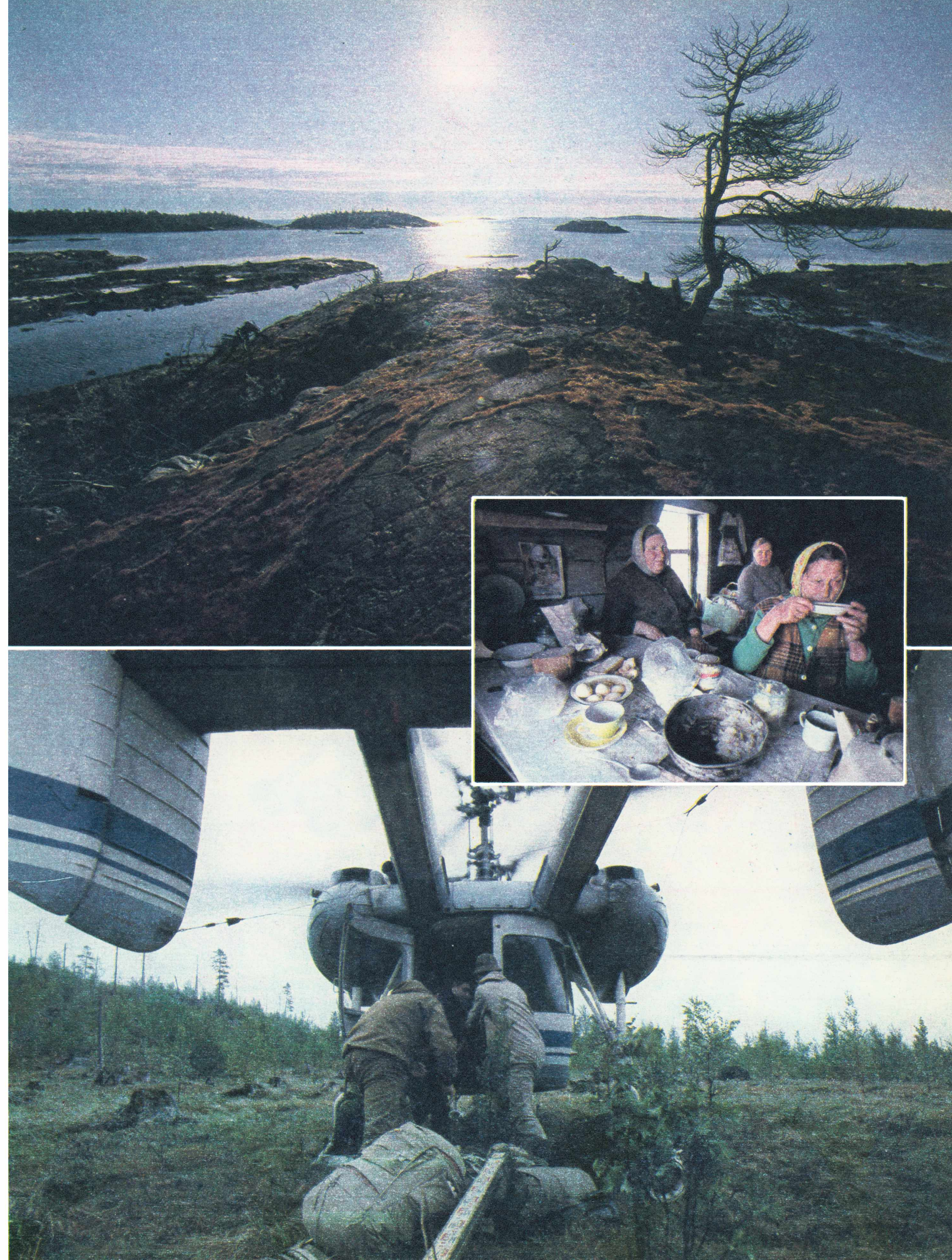
Исаак БАЦЕР,

фото Анатолия ГОРЯИНОВА

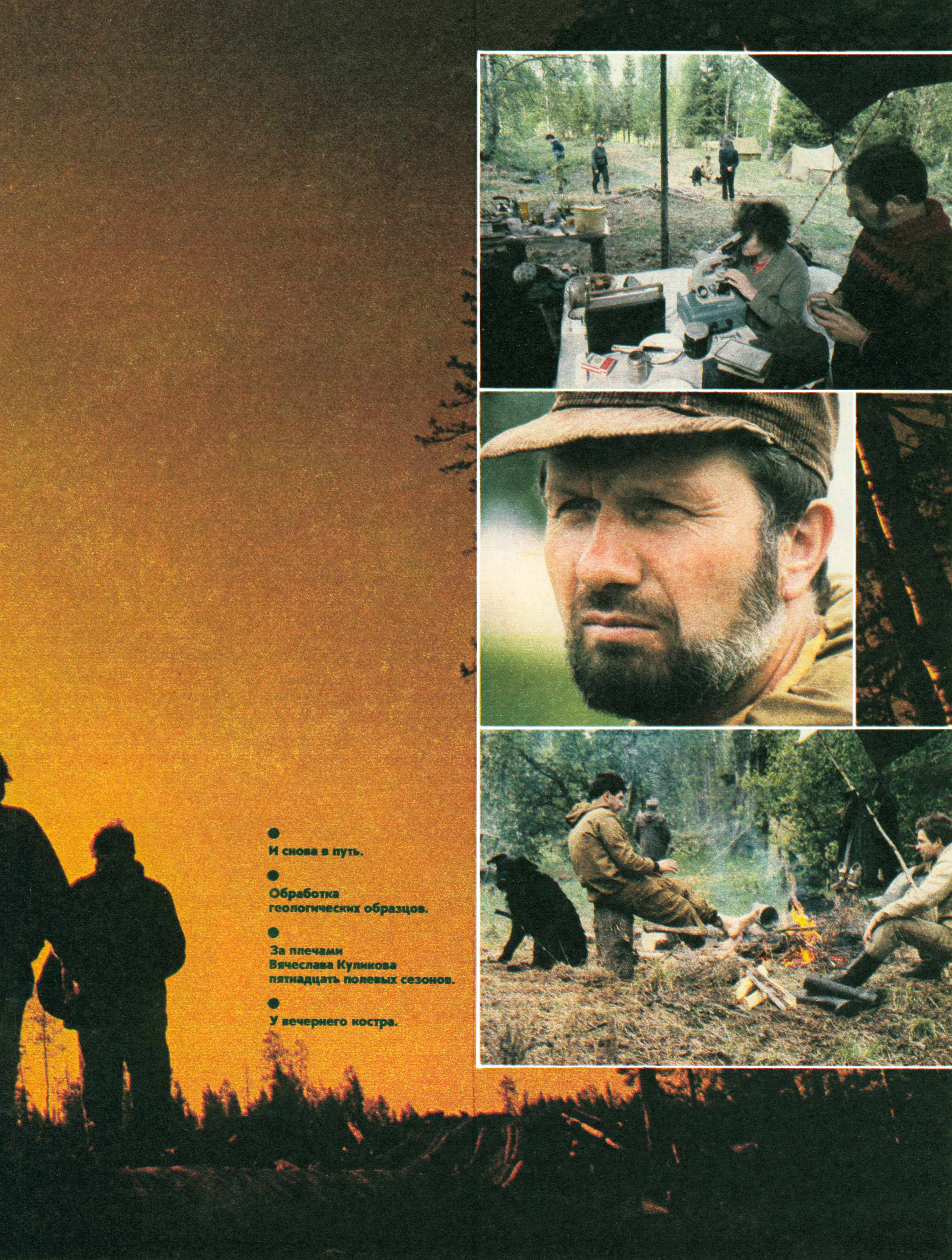
Восход на Белом море.

За чаем и разговор душевнее.

Экспедиция приземлилась.

И снова в путь.

Обработка геологических образцов.

За плечами Вячеслава Куликова пятнадцать полевых сезонов.

У вечернего костра.

Кому принесет счастье зеленый попугай, ставший эмблемой фестиваля молодежной музыки и танцев в Паланге! «Попугай-87» — это праздник общения. Нам очень нужны такие праздники, но проводить их надо еще учиться...

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

«Попугай-87»: действующие лица и исполнители

В Паланге недавно прошел фестиваль молодежной музыки и танцев «Попугай-87». Об этом фестивале можно рассказать многое. Но начать следует, наверное, в первую очередь с организаторов этого праздника — Гедиминаса Мондейки и его жены Дайвы. Гедиминас, он в зеленом, специально сшитом для этого праздника фраке, веселый, элегантный... Дайва за кулисами праздника, как обычно, чем-то занята.

Кто же они такие?

Гедиминас — художественный руководитель парка культуры и отдыха Паланги, Дайва — методист. Они приехали сюда работать не очень давно, но с тех пор, я думаю, директор парка разучился спать спокойно. Что делают все нормальные парки культуры и отдыха? Ну, организовывают шахматно-шашечные клубы для тихих шахматистов, проводят какой-нибудь праздник «Здоровье», ну, устраивают с помощью массовика-затейника какую-нибудь игру для малышей, заводят несколько кружков. И все в порядке. А в остальное время в парке крутятся карусели, а художественные руководители пишут отчеты о проделанной работе.

Дайва и Гедиминас решили провести ни больше ни меньше — всесоюзный фестиваль.

Зачем им это было нужно? Впрочем, все по порядку.

Они проработали в парке совсем недолго, как появился новый танец — брейк, быстро завоевавший поклонников. Сами, еще молодые, они полюбили этот танец сразу, ну, и, кроме того, они видели, что парки культуры и отдыха собирают кого угодно, только не молодежь. Дайва и Гедиминас решили сделать свой парк одним из центров для молодежи, задумав в прошлом году провести у себя в Паланге первый фестиваль брейка.

Они разослали приглашения, и, пока ребята из разных городов упаковывали чемоданы, Гедиминас и Дайва вели «разъяснительную работу». Их затею, мягко говоря, не понял почти никто. Ни директор парка, ни всевозможные организации культуры, призванные устраивать праздники и уж, во всяком случае, радоваться, когда праздники делают другие. Но никто не радовался, напротив, многие мешали.

Им пришлось обивать пороги министерств и ведомств, подписывать несчетное количество бумажек, объяснять, умолять, убеждать. В конце концов они сказали, что брейкеры все равно соберутся, пусть без взрослых. Все же они получили разрешение на проведение фестиваля.

Радостные вернулись в парк и придумали эмблему своего праздника. Просто Дайва и Гедиминас пошли на базар и купили роскошного жизнерадостного попугая за 50 рублей на свои собственные, совсем не роскошные зарплаты. Он и стал главным призом.

Но это уже в прошлом. Фестиваль состоялся. А Дайва и Гедиминас не успокоились. Больше того, «Попугай-87» они решили провести по-новому. Не только брейк. Они решили пригласить в Палангу молодых художников, музыкантов, молодежную моду... И весь этот грандиозный парад будет продолжаться десять дней.

Готовились к фестивалю целый год. Ездили по стране, выискивали участников, готовили призы, плакаты, решали вопросы с размещением, питанием.

...Срывы начались буквально накануне открытия, тогда, когда ничего уже исправить было нельзя. Лопнула прекрасная идея с художниками. Молодежная секция Союза художников, в которой только что неожиданно поменялся председатель, отказалась давать картины. Потом уплыла мода: ее в официальном порядке сняли с фестиваля, потому что в этот момент мода была необходима в другом месте для более важного мероприятия. И никакие уговоры, просьбы Гедиминаса не помогли. Рок-музыку решили оставить только литовскую — вспомнили про печальную участь несостоявшейся московской «Рок-панорамы». А вдруг и «Попугая» закроют, если рок будет всесоюзным? Все это происходило одно за другим без какой-то возможности Дайвы и Гедиминаса повлиять на события.

Когда мы приехали в Палангу, на Гедиминаса и Дайву больно было смотреть. Дайва уже не могла говорить, сорвала себе голос, Гедиминас ходил в зеленом фраке и пытался, как обычно, острить, но это у него получалось не очень весело.

И все же фестиваль открылся. Первые три дня были отданы брейкерам. Сюда приехали самые лучшие исполнители, победители конкурсов. И действительно, за эти три дня мы убедились, как сильно вырос уровень этого танца в нашей стране. Перед зрителями прошли одиночки, пары, целые команды. Брейк стал еще более зрелищным, еще более театральным, если хотите.

Если вы помните, танец пришел к нам из Соединенных Штатов. Его танцевали негритянские мальчишки. Потом вдруг брейк получил невиданный успех во всем мире. И у нас тоже. С брейком поначалу повели решительную борьбу. Называли его чуждой нам буржуазной культурой. Но ребята держались стойко, учились танцевать, перенимая движения с видеокассет и друг у друга, любили свой танец преданно и самозабвенно.

Потом стена активного неприятия пошатнулась, как, впрочем, и в отношении многих молодежных увлечений.

Без брейка сейчас не обходится почти ни один молодежный фильм или телевизионная передача.

Больше того, наш брейк стали противопоставлять западному. В одной газете привели слова известного танцора из американской танцевальной группы «Биг Эппл Брейкинг» Брюса Смайлонффа, который с сожалением говорил о западном брейке: «Сейчас, когда брейк превратился в коммерцию, он не может оставаться прежним, из него ушла живая душа». И дальше в публикации шел разговор о наших ребятах.

У отечественного брейка действительно душа была живая. Помню, что никогда больше не видела такой искренней атмосферы, которая сложилась среди брейкеров в прошлом году в Паланге. Они были готовы учить брейку каждого встречного, хоть старенькую бабулю. До поздней ночи ребята не ложились спать, показывали друг другу новые движения, радовались успеху каждого. И при этом ни одного случая хулиганства, которых, кстати, кое-кто ждал.

Впрочем, хватит воспоминаний. Вернемся к настоящему. За год везде, и в брейке тоже, произошли перемены. Среди танцоров постепенно стали выделяться лучшие. Этих ребят стали чаще других приглашать на кино- и телесъемки, на концерты, причем бесплатно уже почти никто не танцевал и ставки за каждое выступление с каждым разом возрастали.

В том, что за выступление брейкерам платят деньги, ничего плохого нет. Танец этот сложный, чтобы его танцевать как следует, нужно много и упорно тренироваться, деньги ребята получают заслуженно за свой многомесячный труд.

Но любопытно здесь другое. Брейк еще год назад был авангардом молодежной культуры, так сказать, протестом против ханжества в искусстве. Протест и деньги, согласитесь, две вещи, плохо совместимые.

Но самое интересное, на мой взгляд, как быстро в связи с этим стала меняться атмосфера фестивалей. И здесь, в Паланге, это все проявилось в полную меру. Прошли те времена, когда лидеры учили всех остальных. Наоборот, теперь элементы своих программ они тщательно скрывают, и, когда кто-то, скажем, по наивности из далекого села или города перенимает чье-то движение, это уже абсолютно никого не радует.

В Паланге все началось с того, что танцоры под нажимом лидеров потребовали от жюри, чтобы во время выступления не было никаких видеокамер, иначе все откажутся выступать. Свое требование они объяснили очень просто: их запишут на кассеты, а потом каждый, кому не лень, будет перенимать «фирменные» элементы.

С видео- и кинокамерами на фестиваль приехали не только любители, но и профессиональные киногруппы. Ехали сюда не на выступление той или иной команды, а на фестиваль. Поэтому требование танцоров — убрать камеры — выглядело более чем странно. Жюри фестиваля вместе с организаторами пытались мирно и по-дружески уладить конфликт. Объясняли ребятам, что им же лучше, о них будут сделаны фильмы, ребят просили подумать не только о себе, но и о зрителях, которые собрались, им напоминали, что сами они начинали учиться тоже по чьим-то видеокассетам. Гедиминас пошел на уступки и попросил убрать все любительские видеокамеры, оставив аппаратуру только профессиональных киногрупп.

Алексей Герулайтис, победитель многих конкурсов брейка, который на этом фестивале был председателем жюри, с ужасом смотрел, как его друзья-брейкеры на глазах превращаются в скандалистов и мелких склочников.

Все три дня конкурса прошли в борьбе брейкеров против видеокамер. А оператор из ЦСДФ уехал с концерта в гостиницу, там пил валерьянку и говорил, что всякое видел, в самолете горел, в военных действиях участие принимал, но никогда еще на него не бросались танцоры только за то, что он хотел снять, как они танцуют...

Один журналист, глядя на все это, пошутил, что скоро будет создан союз брейкеров, начнутся заседания, старшие, более опытные, не будут давать дорогу молодым, молодежь станет с ними бороться, кричать, что ее не понимают, требовать перемен... Все посмеялись, хотя все это было не очень смешно.

И еще вот что интересно. Сейчас писать о молодых, снимать фильмы о молодых, делать передачи о молодых стало модным. Хиппи, рок-музыканты, брейкеры, люберы, панки — все нарасхват. Причем если раньше молодежь ругали, то теперь многие перед ней стали заискивать, боясь показаться ретроградами. Часто все решается очень схематично: раз молодой — значит, или закованный в металл, или брейк с утра до вечера танцует, или наголо остриженный, или окрашенный в оранжевый цвет, и уж обязательно общество его не понимает. И чем жутче вид, чем выше, безумнее петушок на голове, чем больше он кричит, тем современнее. Сама видела, как за тремя парнями с длинными волосами, тихо-мирно вошедшими в зал, бросились сразу несколько кинооператоров. Режиссеры решили, что это хиппи. Обыкновенно постриженные зрители их не волновали.

Я не хочу сказать, что не надо делать фильмы о хиппи, панках или металлистах. Надо. Но, во-первых, с длинными волосами ходит не вся наша молодежь и брейк танцуют далеко не все. А уж не понимает общество не только молодых, но и людей среднего возраста и пожилых не понимает часто тоже. Обидно, что за внешними атрибутами часто не видят проблем куда более глубоких. Как не видели раньше, так не видят и сейчас.

Молодежная тема стала столь же конъюнктурной, как не так давно тема производственная — вот к чему приходишь, посмотрев огромное количество художественных, документальных и прочих фильмов о молодежи, увидев, как работали некоторые режиссеры в Паланге.

«Мы же ваши дети», — говорил один из героев фильма Подниекса «Легко ли быть молодым?».

К сожалению, наши. К сожалению, потому что наши пороки передались и им. В принципе от того, во что ты одет — в потертые джинсы, «черную кожу» или в строгий костюмчик, от того, куда ты идешь — на тусовки или на официальное собрание, ничего, в сущности, не меняется. Порядочность, интеллигентность — как это ни банально напоминать — категории вечные.

А с Гедиминасом и Дайвой перед тем, как проститься, мы просидели и проболтали всю ночь. Хотела сказать, что просидели у них дома, а потом сообразила, что своего дома у них нет. Вот уже который год они живут в здании парка культуры и отдыха. Отделили себе занавеской небольшое пространство, поставили кровати... Вот так и живут.

Вначале Гедиминас был настроен совсем грустно, говорил, что никогда в жизни больше они ничего устраивать не будут.

Потом все-таки на прощание сказал, что, возможно, в следующем году они попытаются что-нибудь эдакое сотворить.

Я очень надеюсь на это, тем более что праздник в Паланге все равно удался...

Так что до встречи, «Попугай-88»!

Ирина ВЕДЕНЕЕВА

ИНДИЯ: ВЕЧНОСТЬ И МИГ

15 АВГУСТА РЕСПУБЛИКА ИНДИЯ ОТМЕЧАЕТ 40-ЛЕТИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ.

Всего 40 лет назад начался отсчет новой истории индийского народа. Независимость Индии сопрягается с Великим Октябрем, взаимосвязь этих событий несомненна. «Год, в который ты родилась, год 1917-й, был одним из самых знаменательных в истории, когда великий вождь с сердцем, преисполненным любви и сочувствия к страдающим беднякам, побудил свой народ вписать в историю благородные страницы, которые никогда не будут забыты. В тот самый месяц, когда ты родилась, Ленин начал великую революцию, изменившую лицо России...» Это строки из письма Джавахарлала Неру дочери Индире из тюрьмы, куда его бросили английские колонизаторы.

Молодая Советская республика, находившаяся в то время в кольце империалистической блокады, отчаянно сражавшаяся с разрухой и голодом, но полная революционного энтузиазма, с глубоким сочувствием и пониманием относилась к справедливой борьбе индийского народа. «Русские трудящиеся массы с неослабным вниманием следят за пробуждением индийского рабочего и крестьянина»,— отмечал В. И. Ленин в послании Индийской революционной ассоциации в 1920 году.

Представители индийского национально-освободительного движения находили дружественный прием в Советской России. Некоторые из них были приняты в Кремле Владимиром Ильичем Лениным. Трудна тогда была дорога от Ганга до Кремля. Но по ней шли.

Рожденная трудовым народом — рабочими и крестьянами, Октябрьская революция в России привлекла внимание передовых индийцев к необходимости создания массовых организаций трудящихся — профсоюзов, крестьянских организаций и т. п. Это в конечном счете и являлось решающим условием действительного вовлечения народных масс в организованное национально-освободительное движение.

Победа долгожданная, выстраданная, победа — избавление от колониального ига пришла. Но это было только началом. Одна борьба сменилась другой — борьбой с колониальным наследием. Голодный, почти поголовно неграмотный народ. Средняя продолжительность жизни — 32 года. Оспа, холера и другие болезни, ежегодно уносящие миллионы человеческих жизней. Социальные, кастовые, религиозно-этнические противоречия. Сонная экономика: страна производила всего один миллион тонн стали в год, не знала собственной нефти, давала лишь около 50 миллионов тонн зерна на 300 с лишним миллионов ртов.

Задача, которую поставил Неру,— добиться экономической самообеспеченности, многим на Западе казалась утопической. Но она была жизненно необходимой, ибо, говорил Неру, «в наши дни ни одна страна, если у нее нет развитой промышленности, не обладает действительной независимостью». С этим «связан не только наш материальный и культурный прогресс, но и сама наша свобода». Задача эта оказалась не менее трудной, нежели достижение политической независимости. Стране, по образному выражению ее первого премьер-министра, надо было научиться бегать раньше, чем научиться ходить...

Современная Индия запускает собственные искусственные спутники, строит атомные реакторы и ведет исследования в Антарктиде. В прошлом году собран рекордный урожай — более 152 миллионов тонн. Индия экспортирует зерно. Выросла средняя продолжительность жизни, достигнув 57 лет. Вместе с тем Индия традиционно удерживает на мировом рынке позиции одного из ведущих экспортеров хлопчатобумажных и шерстяных тканей, джута, чая, кофе, специй, изделий народных промыслов и ремесел.

Успехи страны в преодолении колониального наследия, создании надежной индустриальной базы, достижение экономической самостоятельности в значительной мере стали возможны благодаря курсу, избранному Неру. По его инициативе в экономике был создан государственный сектор, занимающий командные позиции в металлургии, угледобыче, выработке электроэнергии, добыче и переработке нефти, производстве удобрений. Были также введены плановые начала, строгий контроль над ценами, экспортом и импортом, произведены аграрные преобразования.

Целый ряд прогрессивных преобразований в социально-экономической области был осуществлен под руководством Индиры Ганди: национализированы основные частные банки, система общего страхования, часть предприятий в угольной и текстильной промышленности, отменены пенсии и привилегии бывших князей, был принят закон, ограничивающий уровень землевладения и вводящий распределение излишков среди безземельных крестьян.

В условиях общества, идущего по капиталистическому пути, эти социально-экономические преобразования наталкивались на ожесточенное сопротивление имущих классов. Тем весомее достигнутые Индией успехи.

Сравнение с тем, что было, вселяет надежды и оптимизм. Но перед независимой Индией стоит немало острейших проблем. Среди них — «старые враги» — так назвал в своем выступлении после выборов в начале 1985 года бедность, безработицу, болезни и неграмотность нынешний премьер-министр страны Раджив Ганди.

В условиях капиталистического развития эти «старые враги» Индии отступают медленно. Страна — в основном деревенская (около 80 процентов ее населения живут на селе), около 37 процентов индийцев находятся по уровню дохода ниже официальной черты бедности, получая в месяц на человека менее 80 рупий (около 6—7 рублей). В стране, занимающей третье место в мире по числу специалистов с высшим образованием, почти $^2/_3$ населения не умеют читать и писать. Остра проблема безработицы. Даже по официальной статистике около 25 миллионов не имеют работы, особенно больно безработица ударяет по молодежи. Страну давит демографический пресс — каждый год ее население увеличивается на 14 миллионов человек, что в немалой степени нивелирует плоды ее достижений.

Рост национального самосознания масс не всегда подкрепляется сознанием политическим, непросто складываются отношения центра и штатов, усиливаются центробежные тенденции. В последние годы на первый план вышла задача укрепления единства и целостности страны.

Кровоточащей раной стал Пенджаб — северо-западный штат Индии на границе с Пакистаном. Сепаратисты почти ежедневно совершают террористические акции. От их рук пала Индира Ганди. Цель их — отторжение Пенджаба от Индии и образование на его основе «государства Халистан». За спиной сепаратистов стоят западные державы. За океаном обосновались и бесчинствуют, занимаясь антииндийской деятельностью, сикхские эмигрантские организации. В Нью-Йорке, Детройте, Хьюстоне, в ряде городов Англии, Канады и ФРГ созданы даже «консульства» несуществующего «Халистана».

На Западе сепаратистов лицемерно провозглашают «борцами за права человека». Ведь их замыслы как нельзя лучше вписываются в планы Вашингтона по ослаблению Индии, которая вносит большой вклад в борьбу против империализма, расизма и колониализма, за разоружение и устранение ядерной угрозы на планете.

Собственно, практически все 40 лет своей независимости Индия подвергалась давлению, шантажу и нападкам империализма. Разделив в 1947 году страну по религиозному признаку, враги Индии играют на индо-пакистанских противоречиях. Пакистан сегодня, по сути дела, превращен Вашингтоном в орудие давления на страны региона. Его вооружают, закрывая глаза при этом, что режим Зия-уль-Хака стоит на пороге создания ядерной бомбы.

Борьба за единство и территориальную целостность страны сегодня — одна из первоочередных задач независимой Индии. «Дайте руку единству» — таков был лозунг ИНК(И) на выборах после гибели Индиры Ганди. Ладонь поднятой вверх руки — символ партии.

С поднятой вверх открытой ладонью встала в Москве на площади ее имени Индира Ганди.

Единой, сильной и процветающей хотят видеть Индию советские люди, испытывающие глубокое уважение к трудолюбивому, талантливому и миролюбивому индийскому народу. Глубоки корни наших отношений. Более пятисот лет назад Афанасий Никитин, тверской купец, побывал в Индии, прожил там несколько лет, оставив потомкам знаменитое «Хождение за три моря» — бесценное описание своего путешествия. Было это задолго до посещения Индии европейцами. И как писал русский историк Карамзин, «в то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже путешествовал по берегу Малабара».

Великий Октябрь и обретение Индией независимости стали решающими предпосылками становления, а затем и развития сотрудничества и дружбы наших стран.

Сейчас на экономической карте страны более 80 крупных построенных и строящихся объектов советско-индийской дружбы. От недр земных до космоса — таков диапазон нашего сотрудничества.

Сейчас оно выходит на качественно новые, более высокие рубежи. В результате встреч на высшем уровне в Москве и Дели в 1985, 1986 и 1987 годах было подписано самое крупное в истории двух стран соглашение, предполагающее оказание Советским Союзом содействия Индии в строительстве и модернизации крупнейших объектов в ключевых отраслях и предоставление ей крупного льготного кредита.

3 июля этого года в Москве руководители СССР и Индии подписали Комплексную долгосрочную программу научно-технического сотрудничества. В нее вошли восемь важных направлений, в рамках которых осуществляется ряд крупных научных проектов. Выбраны те направления, где удачно совпадают научные интересы и базисные разработки ученых двух стран. Это биотехнология

и иммунология, материаловедение, лазерная и космическая техника и технология, создание мощных ускорителей электронов, технология поиска подземных вод, вычислительная техника и электроника, использование катализаторов.

Уже этот перечень показывает, как далеко продвинулась наука и технология независимой Индии, страны, всего сорок лет назад, по словам Неру, «вступившей в эру велосипеда».

Можно по-разному оценивать перемены, произошедшие в Индии за 40 лет. Можно говорить о сегодняшней Индии как стране, где, по выражению английского агентства Рейтер, «главным видом транспорта является буйволиная повозка». Но нельзя не видеть, как, опровергая бесчисленные пророчества, Индия успешно преодолела переход от колониальной зависимости к подлинной независимости, не только стала самой развитой из развивающихся стран, но вошла по объему промышленного производства в десятку ведущих держав мира.

Нельзя не видеть и растущей роли этой страны в азиатских и мировых делах в силу ее признанного лидерства в движении неприсоединения, ее миролюбивых традиций.

Советский Союз, выдвигая предложения о комплексном подходе к азиатско-тихоокеанской безопасности, опирается и на исторический, политический опыт самих азиатских народов, прежде всего Индии. Она была соавтором принципов «панча-шила» и одним из инициаторов конференции в Бандунге. В наши дни город Дели дал начало постоянно действующему форуму руководителей стран четырех континентов: Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании и Швеции, чьи усилия в пользу мира и разоружения стали заметным явлением современной международной политики.

Советско-индийское партнерство — крупный вклад на чашу весов мира. Документом исторического масштаба стала подписанная лидерами наших стран Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира. Декларация нового политического мышления, указывающая путь в XXI век.

Декларация прозвучала от имени более чем миллиарда людей. Это мощный набат, обращенный к человечеству. Это широкая универсальная программа действий во имя мира, с которой СССР и Индия обратились к народам планеты. Призыв СССР к ликвидации ядерного и другого оружия массового уничтожения к 2000 году нашел полное одобрение Индии.

Сердечно и радушно встречают на советской земле фестиваль Индии. И если музыку, танец, живопись, поэзию называют выражением души народной, но нигде и никогда душа Индии не раскрывалась столь щедро и богато. Фестиваль дарит уникальную возможность удовлетворить наш интерес к дружественной стране, жизни ее народа. А 21 ноября в Дели откроется наш фестиваль. Фестивали, посвященные 40-летию независимости Индии и 70-летию Великого Октября,— это продолжение и развитие традиций, яркое выражение духовных связей двух великих народов, объединенных единой волей к миру.

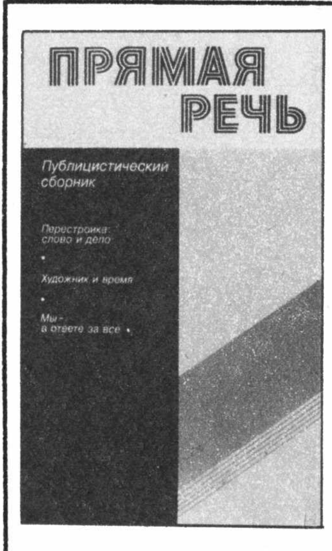
Индийцы говорят, что самая короткая дорога та, по которой люди идут навстречу друг другу. Такой дорогой шествуют наши народы.

С юбилеем тебя, Индия!

Счастья тебе, успехов и мира, Индия, давний друг моей страны!

Евгений РУМЯНЦЕВ

СРЕДИ КНИГ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

В переживаемое нами время слово гласность больше, чем имя существительное,— это девиз происходящего обновления. Девиз, принятый всеми без исключения, и противниками перестройки тоже. Бывало, тоже не молчали. Говорили! Но — как? И с кем? Негромко и только с тем, кто заслуживал доверия. На кухне за полночь, во время выгула собак, у костра в окружении стволов или идучи на «Динамо». ...Говорили о насущном, не молчали. А вот теперь — парадокс — говорят друг с другом меньше. Больше читают! Не потому ли исчезают номера газет из подшивок? Самые-самые!.. Почему? Да потому, что слово — воробей, а строки, отлитые линотипистом, пощупать можно. Их можно и повторить, и переписать, и подчеркнуть, и прокомментировать как данность дня. Известно, как уважаема и популярна авторская песня! А слово — каждое,— напечатанное в газете или журнале, тоже авторское. Вот почему к нему нынче интерес, доверие. Авторское слово требует мужества. Под ним твоя подпись! Как печать индивидуальности, как признание: «Не могу молчать».

«Прямая речь» — рубрика в газете «Советская культура».

«Прямая речь» — книга авторского слова, изданная «Правдой». Книга, каких, может быть, еще и не было,— не по случаю, не к юбилею, а как полуторка со снарядами на передний край всенародного обсуждения ситуации, сложившейся в стране! Как откровенное заступничество в пользу перестройки, демократизации жизни, социальной справедливости. И тот, кому не с кем поговорить о наболевшем, теперь может выбрать себе авторитетного собеседника — не минутное интервью с телеэкрана, а выслушать страстный, доказательный монолог по любому из актуальных на сегодня вопросов. Вот она, книга, выбирай! Собеседники большей частью известные, отлично владеющие прямой речью...

Василий Шукшин понимал правду как нравственность. От него от первого мы услышали правду о многом негативном в жизни. От него, и от Александра Твардовского, и от Федора Абрамова... Разговор теперь продолжили Ю. Афанасьев, Е. Евтушенко, К. Икрамов, Б. Олейник, В. Сериков, В. Толстых, Л. Шепетис, Р. Паулс, М. Ульянов, В. Яворивский... Историк, поэт, философ, строитель, писатель, актер, партийный работник... Разные голоса, разные мнения — личные, собственные, а главное, речь идет прямо от сердца.

О чем же поведали авторы? Что сокровенного высказали? Прочтите!

Тон задал Евгений Евтушенко: «Понятия «народ», «человечество» состоят для нас прежде всего из личностей... Личное мнение иногда дорого стоит. Но без личного справедливого мнения нет личности, а без личностей нет народа». И главное: «Личное мнение, заткнутое внутрь, саморазрушительно». Молчать самоубийственно. Молчат во время застоя — экономического, общественного, культурного... Вот почему так целительна гласность! Я так понял Е. Евтушенко.

По Владимиру Яворивскому, само время сегодня мощно высвечивает тех, «кто нашел в себе силы — нерастраченные, работой ума и совести сохраненные для того, чтобы первыми воспринять перемены, настроиться на этот яростный, во многом драматический период нашей социалистической истории». И автор задает вопрос себе и собеседникам: «...так ли мы живем на седьмом десятке лет советского летосчисления, так ли мы живем после стольких катаклизмов, потрясений, Победы в Великой Отечественной войне, правильных постановлений, преодолеваний трудностей, утешительных сводок ЦСУ, безоглядного, напрочь лишенного сомнений оптимизма?»

«Сколько стоит некомпетентность?» — спрашивает режиссер Марк Захаров.

Что ни речь, то острые вопросы. Нет, поэт сказал лучше: «А мы все ставим каверзный ответ и не находим нужного вопроса». Но это из другой книги. А эта по-своему и спрашивает, и отвечает, и, отвечая, вновь и вновь спрашивает. В стране хорошо знают работу и мысли зачинателя коллективного подряда, строителя и педагога Владислава Серикова. Он свидетельствует: «И собственный немалый опыт жизни, и опыт моих соратников... создал в моем представлении две категории «передовизма». Первые кандидаты, и мне они по душе, стремятся утвердить свое лидерство прежде всего в собственном окружении, среди товарищей по труду, в коллективе... Но есть, и таких немало, передовик другого сорта. Этот бьется, чтобы его заметили «наверху»... И тут в ход идут угодничество, подхалимство, показная активность...»

О нравственности говорят как о правде жизни. Она или есть, или отсутствует — и тогда беда. Социальные кастраты тянут высокие ноты во славу мифотворчества, а дело ни с места. Наше дело, общее. Наш общий интерес в повышении качества жизни. Историк Юрий Афанасьев призывает: «Горько думать, что с застоем связана лучшая, зрелая часть жизни моих ровесников. И ее уже не вернешь! Но ведь тем более ее нельзя забывать... Будем думать и вспоминать ради XXVIII и XXIX съездов нашей партии».

Страстная книга тем и полезна. Ее особенность в том, что авторы монологов вызвали «огонь на себя» — и получилась книга диалога! Получился разговор не тот, что у телевизора, не односторонний (экрану не ответишь), а двусторонний. Да, составитель дал слово читателям газетных полос. И они высказались здесь же, на страницах той же авторской книги, не менее откровенно и мужественно. Не убоявшись открыть собственные имена вкупе с адресами. Гласность так гласность. Инженер из Омска В. Куц отвечает оптимистам: «Как прозябал, так и прозябаю... Как идет перестройка? А никак! «Внизу» не только ничего не делают, но даже и не говорят всерьез о перестройке... В итоге — тот же стиль работы, те же методы, та же атмосфера...» Грустно... Но это не значит, что осознавшие серьезность поставленных партией, июньским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС задач поспешат отступиться. Не думаю. Голоса авторов и соавторов книги «Прямая речь» укрепляют в мысли, что праздник обязательно придет к тем, кто решился помочь Родине. Кто идет к 70-летию Великого Октября не с пустой душой, не с пустыми руками. Три послесловия читателей — это находка составителя!

Да, революционное время всегда еще и время митингов. Мы сегодня все на митингах утренних газет. И эта книга — тоже многолюдный, многоголосый митинг. Всем нынче дано выговориться. Для чего? Чтобы научиться говорить, мыслить вслух — и поспешить к делу. Дело спорится, когда человек выговорился, когда молчание не мешает сердцу и голове. Интеллигентная книга. Такая соборность голосов ко времени. Есть с кем сверить собственные мысли, личное мнение.

И еще. Философ В. Толстых напомнил: «Когда-то один умный идеалист (из тех, на кого В. И. Ленин был готов обменять десять глупых материалистов) сказал, что суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением». Так вот «Прямая речь» — неплохое осуществление публицистов газеты «Советская культура». Ибо гнев и боль публицистики сегодня любой детектив с клюквенной кровью кладет на лопатки... Думаю, ничье равнодушие, если оно еще в ком-то коснется, не выдержит испытания этой книгой. Испытания откровенностью.

Николай БЫКОВ

«ПРЯМАЯ РЕЧЬ». Публицистический сборник, Москва, издательство «Правда», 1987 г., 352 стр.

Евгений БОГДАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок
Олега ТУРКОВА

КНЯЗЬ И ЕВРАЖКА

Случалось ли вам встречать на улицах Москвы долговязую фигуру в рубахе навыпуск, подпоясанную ремешком, в белой полотняной фуражке, из-под околыша которой сразу начинается борода, обрамляющая молодое, даже юное, сухое и горбоносое лицо? Достопримечательностями лица являются также золотые очки и торчащая из усов трубка. Если в левой руке зажата ручка черного, с молдингами «дипломата», а в правой — тонкая, наборного дерева трость, то это не кто иной, как Юрий Юрьевич Кутасов по прозванию Князь. Такова его летняя экипировка. Зимняя состоит из боярской шапки, длиннополого пальто, подбитого гагачьим пухом. Зимой он носит тройку и белую сорочку с галстуком.

Князь работает гардеробщиком в одном из профессиональных творческих клубов. Деятели искусства, одетые по-современному, то есть как попало, невольно робеют, когда сдают на вешалку затерханные курточки и дубленки, а получая назад, норовят всучить чаевые. Князь берет, но берет с недовольной даже бы миной, бурчит в бороду:

— Бескорыстно вам благодарен.

Сколько я ни вдумывался в эту фразу, смысл ее для меня до сих пор темен.

За барьером Князь стоит в форменном халате. Но что это за халат! Воротник шалевого покроя, широченные обшлага, пуговицы отсутствуют — халат небрежно завязан поясом. Опершись на барьер, он попыхивает трубкой, распространяя аромат турецкого табака.

Однажды я стал свидетелем, как литератор О. надевал какую-то мятую шляпенку и джинсовый лапсердак. На лице Князя читалось непритворное осуждение. О. смущенно и оттого сердясь совал трешницу, окая более обыкновения:

— Этого, полагаю, довольно?

— Бескорыстно благодарю.

В другой раз обслуживал он Никиту Ш. И хотя тот был одет не богаче остальной братии, Князь суетился с таким подобострастием, что Ш. сделалось неловко. Выхватив кепку, Ш. чуть не бегом припустил к выходу. Князь же, провожая его затуманившимся взором, прогудел:

— Древнейшего рода болярин Ш.-младший...

Меньше двугривенного на чай давать было неприлично. Я был крайне стеснен в средствах и, чтобы избежать гардероба, приходил в одном лишь свитере. А осень стояла сырая, ветреная, дело кончилось пневмонией.

Так я попал в легочную клинику под Звенигород.

Сразу напрашивается фраза: каково же было мое изумление, когда... И так далее. Нет, Князь поступил через два-три дня, а первым знакомцем, которого я там встретил, был Евражка.

Фамилия этого маленького, круглого человечка была Сычов, звать не то Коля, не то Толя. Жил он в нашем доме, в коммунальной квартире, в девятиметровой комнате. Родитель его, зажиточный сибирский мужик, предусмотрительно бежал в двадцать девятом году в Москву и поселился в Свиблове. Здесь скоро освоился, обзавелся домом. Служил где-то истопником для видимости — золотишка, какое вывез, вполне хватало на безбедное существование.

Евражка народился в Свиблове. В детские годы отец нередко сажал его на колено и, роняя пьяные слезы, внушал: «Сынок! Не будь дураком, как тятька! Тятька твой с малых лет хребтину ломал, рвался, как мышь на вышку, а чем оборотилося, а? Запомни святое правило: ешь — потей, работай — мерзни! Живи, как евражка! Мужик сеет, евражка жнет!» И надо заметить, тятиным этим урокам малец следовал с прилежанием. Даже от домашних обязанностей умел всегда увильнуть, предоставляя их простодушным сестрам. Зато у стола был первым. Родитель с восхищением разводил руками: «Ну и трутень! И в кого ты экой? Право слово, евражка!»

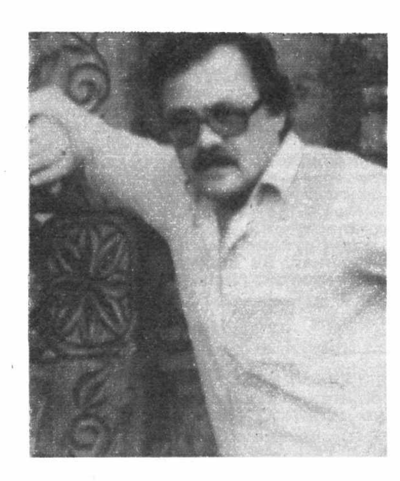
Евражкой в Сибири называют суслика. Удивительное дело, Коля (или Толя) Сычов и внешностью своей был совершенный грызун: щеки с нащочниками, головенка верткая, зубы мелкие, глаза востренькие, постоянно настороже. Понятно, что семейная эта кличка быстро выскользнула за порог дома и укрепилась на улице.

Когда Сычовых снесли и на том месте построили многоэтажный дом, семейству дали квартиру — по тем временам громадную, из трех комнат. Евражка с грехом пополам одолел шесть классов и учиться дальше не пожелал. Болтался так, несмотря на старания папаши приставить к какому-нибудь ремеслу. В войну да и после успешно коротал досуг на московских рынках, прислуживая дельцам, подворовывая и спекулируя самостоятельно. Ближе к нашим дням старик Сычов совсем сдал, обезножел, пристрастился к выпивке. После его смерти оставшиеся при матери сестры-вековухи, чтобы избавиться от Евражки, спешно провернули размен квартиры. Евражка получил комнату чуть ли не в тридцать метров. Несколько раз он менялся сам, получая все меньшую и меньшую площадь и в качестве возмещения некую мзду (в обменных объявлениях это называется «по договоренности»), и в конце концов очутился в девятиметровке. Население нашего дома, не знавшее Евражку под настоящим именем, считало его украинцем, и даже старший по подъезду, составляя, например, акт на лиц, уклоняющихся от субботников, в графе «фамилия» записал: «Евражко». О том, что фамилия его Сычов, сам Евражка вспоминал, пожалуй, лишь когда ложился в клинику под Звенигород.

К госпитализации готовился Евражка с лета. Перво-наперво устраивался на работу. Это было важное обстоятельство: за месяц лечения по больничному листу набегали кое-какие деньги. Да и отношение персонала к человеку работающему было иное, чем к неработающему. Устроившись, он начинал прикапливать средства на обновление гардероба. Благодаря разумной экономии приобретал рубашку, носки и тапочки. Зубная щетка и порошок, равно как и мыло, покупались уже сверх программы. Мылом можно было разжиться в самой больнице, а зубы можно было бы не чистить вообще, ограничившись полосканием.

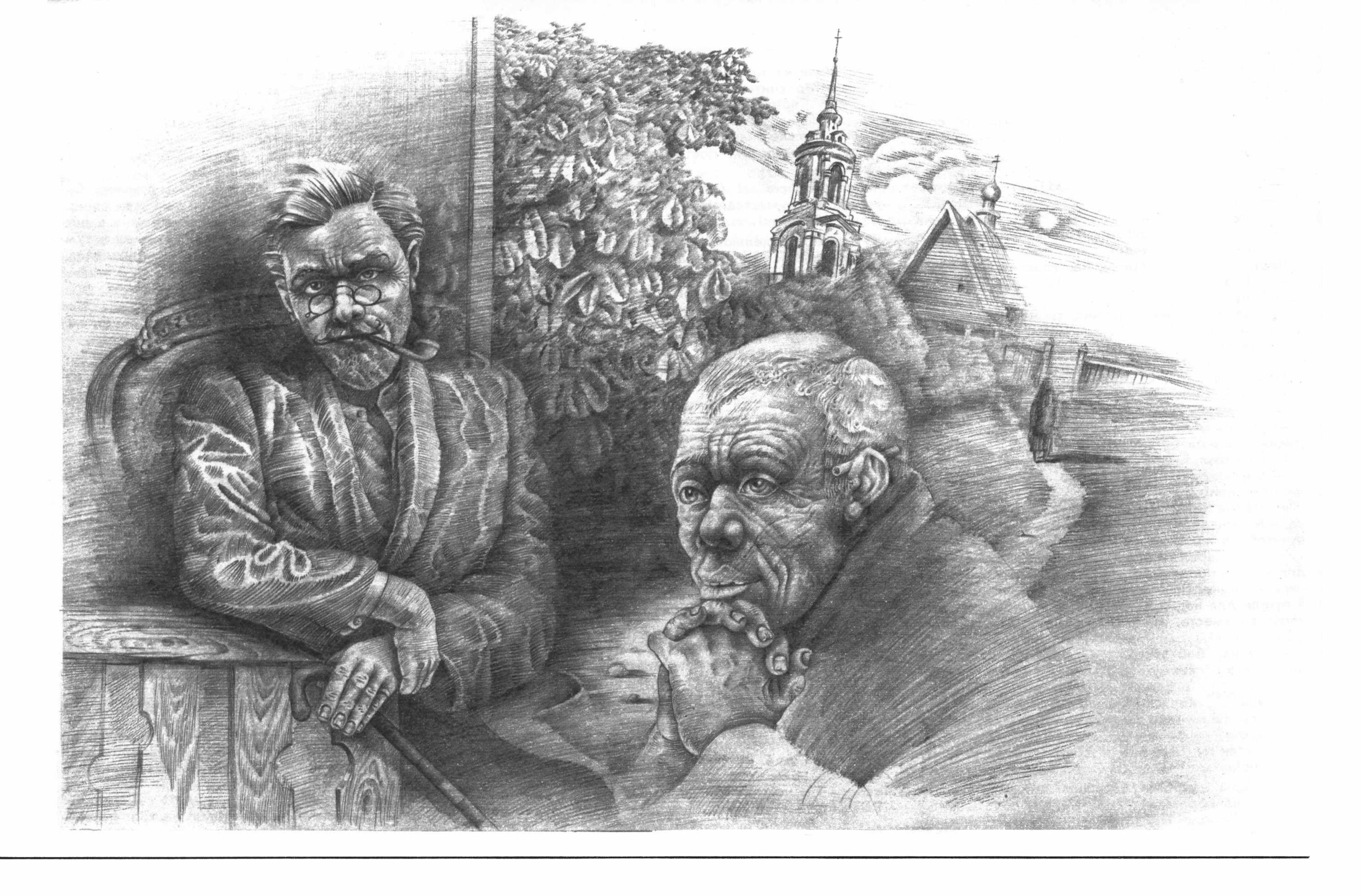
Не менее важно было лечь в больницу до холодов. В противном случае пришлось бы выходить на прогулки в куртке. Куртка сильно выносилась, засалилась, в отдельных местах лопнула. Вот почему надо было лечь в сентябре, самое позднее в октябре, чтобы на непогоду вытребовать халат. В пижаме ли, в халате ли Евражка ничем не выделялся среди больных, приобретая статус равноценного пациента.

С первых же дней он развивал кипучую деятельность. Обследовал поля подсобного хозяйства, что принадлежало соседствующему с клиникой санаторию, заводил полезные знакомства на пищеблоке. Что стоило, например, подольститься к повару? Да ровно ничего! Зато тех же костей, дымящихся паром, с жирными хрящами и клока-

ЕВГЕНИЙ БОГДАНОВ — прирожденный рассказчик, хорошо известный среди почитателей этого жанра; его художественное сознание отбирает из жизни такие социальные обстоятельства, которые соединяются именно в рассказ — некую часть живого мира, словесный всплеск его, разбуженный тем или иным явлением, тем или иным характером. Помню, с каким душевным волнением читал книгу Богданова «Расписание тревог», в особенности рассказ «Мужья да жены»,— точно, кратко, живописно, с мягким и тактичным состраданием к незаметным (или не замеченным нашей литературой?) судьбам. Вот и предлагаемый читателям «Огонька» рассказ «Князь и Евражка» (вошедший в новый сборник писателя «Песочные часы с боем») полон мягкой, усмешливой печали и сочувствия к людям, запутавшимся, барахтающимся из последних сил в водовороте жизни.

Вячеслав ШУГАЕВ

ми мяса, можно было грызть вволю. Перед заправкой супа повар выуживал их из котла, бросал в бак, где они и становились Евражкиным достоянием.

В этот приезд все с самого начала складывалось для него неудачно. В первый же день лечения схлопотал выговор. На электрофорезе он приметил под кушеткой пятнадцатикопеечную монету, кем-то выроненную, и, только сестра задернула ширму, юркнул под кушетку, забыв, что опутан электрическими проводами. Завкабинетом страшно возмутилась и прогнала вон. Более того, сообщила об инциденте лечащему врачу. Так Евражка попался на карандаш.

Палаты в отделении были многоместные и двухместные. Двухместные, в свою очередь, были спарены общим туалетом и умывальником. Я попал в такую вот двухместную и был очень доволен, тем более что вторая кровать пустовала. Евражка тоже попал в двухместную, в один блок со мною, в другую его половину, и, судя по всему, испытывал дискомфорт. Во-первых, в многоместной палате жилось сытней, всегда перепадало что-нибудь от соседей, не тот, так другой угощал домашним гостинцем. Во-вторых, в большой палате было веселей. Сложившись как личность в многолюдье московских рынков, Евражка не переносил одиночества. И, в-третьих, в большой палате всегда отыскивался человек, которому можно было услужить и получать «лаптевые», тогда как единственный сосед мог не принять услуг. Вообще единственный сосед мог оказаться человеком некоммуникабельным. Евражке не повезло, именно таким и оказался его сосед, угрюмый, нелюдимый мужик с лошадиной челюстью. Главной процедурой в лечении Нелюдимого, по-видимому, являлось усиленное питание. Каждый день он съедал невероятное количество самых разных продуктов, привозимых женой и дочерью. Замечательно, что чем больше он поглощал пищи, тем больше мрачнел и замыкался в себе. Евражку к трапезам не приваживал. Стоит ли говорить, как бедолага обрадовался, когда увидел меня через стеклянную дверь своей половины.

— Дядя Женя!— вскричал он с искренней радостью.— Наше вам! С кисточкой! Кху-ху!

Надо сказать, что хотя Евражке перевалило за пятьдесят, окружающих он называл «дядями»: дядя Петя, дядя Саша и т. д.

Я поздоровался за руку, но подчеркнуто сдержанно. Евражка, однако, этого не почувствовал, уселся на порожнюю койку, засыпал вопросами: каков диагноз, за кем из лечащих врачей закрепили. Затем стал вводить в обстановку: где что находится, что за человек кастелянша, чем кормят и тому подобное. Я поддерживал разговор вяло, но Евражка не отставал, дожидаясь, очевидно, когда я распакую вещи.

Ко мне он мог заходить свободно, в чужие палаты строго-настрого запрещалось инструкцией. В холле у телевизора шутки и заигрывания Евражки успеха не имели, пресекались раздражительными телезрителями. Соседи по столу сплошь были женщины. Евражка затосковал. Единственным другом его души стала грелка, выданная для прогревания исколотых шприцем ягодиц. Он ухаживал за ней ревностно, протирал ваткой со спиртом, остающейся после укола, полоскал, воду в нее наливал исключительно из титана — кипяченую. Однажды я подсмотрел, как он, шепча что-то ласковое, опускал в грелку кусочки сахара.

Как уже было сказано, Князь появился через два-три дня. Поселили его ко мне, и в палате, без того крошечной, стало тесно. Подоконник, тумбочка, стол, вешалка — все было загромождено багажом Князя. Казенную пижаму он отринул с негодованием. Действительно, казенные пижамы шьются отнюдь не в ателье-люкс. В представлении швейников, раз уж человек болен, то должен быть и уродлив: если не коротконог, то короткорук. Лично я с трудом подобрал штаны. И то кастелянша распорола манжеты и выпустила запас. Рукава куртки, в которую легко поместились бы два моих торса, пришлось носить закатанными: едва прикрывали локти.

Князь облачился в атласный длиннополый халат с люрексом. На улицу он выходил в шерстяном спортивном костюме и дутых синтетических сапогах. Голову венчала вязаная альпийка. Все было броское, дорогое. И обиходные вещи тоже были броские и дорогие, с аристократическим лоском. Чего стоил, к примеру, серебряный термос или мельхиоровая ложечка с капсулой для заварки. Туалетные принадлежности помещались, каждая в своей ячейке, в изящном несессере красной кожи.

Евражка при виде всей этой роскоши затрепетал, заглядывал в глаза Князю с собачьей преданностью. Вероятно, таким и представлялся ему идеал соседа.

— Эй, как тебя?— зычно произнес Князь.

— Евражка,— отозвался тот.

— Угощайся, Евражка из Сивцева Вражка.— И Князь широким жестом протянул яблоко.

Евражка тотчас всадил зубы в яблоко, став донельзя похожим на грызуна.

— Нуте-с,— заговорил Князь,— как тут у вас? Изложи.

Евражка принялся расхваливать клинику — несколько сбивчиво и косноязычно, но с большим чувством. В завершение обзора отважился пошутить:

— Главное дело, морг тут теплый. Можно в трусах лежать!

Князь взглянул на него с интересом. Сближение происходило стремительно, через короткое время они уже громыхали целлофановыми пакетами. Закусывали: в термосе у Князя было нечто более крепкое, чем кофе. Евражка ел вареные яйца вприкуску с сахаром. Князь же намазывал хлеб маслом, наносил слой икры и, прежде чем надкусить, восхищался совершенством изготовленного бутерброда:

— Как это, черт побери, интересно графически! Это черное на этом белом! Ты не находишь?

Евражка, поперхнувшись, сипел угодливо:

— Главное, кхм, что вкусно!

Князь угодил в больницу, переохладившись в бассейне Можайских бань.

— Не доверяйтесь водному простору!— назидательно сказал он.

— Как?— не понял Евражка.

— Не «как», а. Данте. Вторая песнь «Рая».— Цитата явно предназначалась для моих ушей. Я сделал вид, что сплю.

Обедать они ходили вместе. Завтраком и ужином Князь манкировал, кефир на ночь не пил, так как в нем случаются неприятные комочки. Дома кефир для него всегда процеживают, здесь же к этому нет условий. За обедом отказывался от винегрета:

— Что-о? Вот эту ботву нужно есть?! Чудовищно!

В тихий час они подолгу переговаривались, сонно перекатывая реплики от койки к койке.

— ...дядь Юр?

— ...что тебе?

— ...рассказали б чиво-нибудь!

— ...что именно?

— ...ну это...

— ...из области экстрасенсорных перцепций?

— Чиво?! нет, не надо!

Через некоторое время наступал черед Князя:

— ...Евражка?

— ...ну?

— ...зачем, скажи, Евражка, ты не женат?.. Есть у тебя женщины?

— ...а то как же!

— ...ну так женился бы!

Помолчав, Евражка отвечал:

— И так сойдет.

— ...неужели подходящей кандидатуры нет?

— Да уж мои кандидатуры. Та рябая, эта корявая. Глаза разбегаются.

Сон не шел, Князь садился в постели:

— Считаю, тебе необходимо жениться в высшей степени!

— Да на ком? На ком?— вскакивал и Евражка.— Мне надо, что б она была всё-для-дома, ханку чтоб не жрала, чтоб сердца билися в такт!

— Тут, Евражка, прежде всего надобно решить, для чего жениться! Ежели для плотских утех, женись на молоденькой; ежели для души, на вдове; а ежели для карьеры, на умной. А чтобы все три ипостаси вместе, этакого не бывает! Не-ет, и не обольщайся!

— Ну их, баб этих,— говорил Евражка.— Слушайте, что расскажу!..

Все рассказы Евражки начинались так: взяли мы пузырек, коляску* колбасы, сели..., а оканчивались каким-нибудь вздором. Князь плевался с досадой:

— Дурак ты, Евражка, и мозгов у тебя на одну пункцию!

Однажды утром Евражка поприветствовал Князя запанибрата:

— Эй, борода! Привет!

— Пшел вон, ноздря!— ответил Князь и к завтраку не пригласил.

До обеда Евражка бродил как в воду опущенный. Гуляя у корпуса, вскидывал глаза на наши окна; ему еще верилось, что Князь пожалеет его и приблизит к себе опять.

В тихий час на их половине стало непривычно тихо, я задремал. Разбудил меня голос Князя.

— ...вот все считают, что ты, Евражка, большой подлец,— гудел он.— Не думаю, не думаю, хотя возможно. Возможно, все же подлец. Даже наверняка...

— Дядя Юра, чиво вы? Чиво я такого сделал? Зачем обзываться-то?

— Осади! Я еще не кончил. Так вот, почему ты ведешь паразитический образ жизни?

— К-какой?— жалобно переспросил Евражка.

— Нигде более трех месяцев не работаешь!

— Я на «Каучуке» три года вкалывал! На фабрике Ногина почти что год, на...

— Ты должен поступить в литейный цех какого-нибудь завода!— повысил Князь голос.

— Еще чиво! Я себе не двоюродный!

— Во-первых, там стаж начисляется год за полтора. А тебе время думать о пенсии. Во-вторых, дают, пускай, порошковое, но бесплатное молоко.

— Обойдуся. Сами его хлебайте.

— Ты как это разговариваешь?

— А чиво ты?

— Не ты, а вы! Еще и дерзит, дворняжка.

— А ты-то кто?— окрысился Евражка.— Швейцар!

— Молчать!

— Пожалте номерок — ваша шляпа!

— Я потомственный дворянин Кутасов!

— Дворянин, как же! В семнадцатом всех дворян вывели. Политанью.

— Ну, Евражка, ну, сукин сын...

— Сам такой! Осколок империи!

— Я сейчас из тебя сделаю осколок!— проревел Князь.

— Ай!— заблажил Евражка.— Дядя Женя! Он дерется!!!

Пришлось разнимать.

За рульку окорока Нелюдимый согласился поменяться с Князем палатами, и Князь перешел ко мне, а Евражка снова оказался в компании Нелюдимого. Грелку к тому времени у него отняли, потребовалась другому, более нуждающемуся больному. Свою любовь Евражка перенес на радио. Розетка находилась у его изголовья, и репродуктор считался как бы его собственностью. Слушал Евражка все передачи подряд, слушал трепетно, как слушают лепет ребенка, когда тот только-только научается говорить. Внимая диктору, с восторгом повторял за ним окончанья фраз:

— ...колосовые!

— ...содружества!

— ...октября!

Стенка, разделяющая нас, была тонкая, рассохшиеся двери не закрывались, а репродуктор не умолкал с подъема и до полуночи. Я попросил Евражку выключать радио, хотя бы когда идет гулять или на процедуры. Евражка проявил неожиданное упрямство, желая досадить, наверно не столько мне, сколько недавнему благодетелю. Князь предложил воспользоваться его отлучкой и оторвать провода. Я сделал иначе: замкнул контакты. Вернувшись, Евражка долго, с нарастающей тревогой крутил регулятор громкости, щелкал ногтем по корпусу. Отчаявшись, позвал меня. Я высказал предположение, что перегорел динамик. Евражка не поверил. Взяв репродуктор на руки, как берут капризное, непослушное, но любимое существо, стал тихонько его покачивать, потом потряхивать, потом трясти. Тряс он его с такой силой страсти, с такой мукой в вытаращенных глазах, что мне стало не по себе. Ну а дальше получилось то, что трудно было ожидать: контакты встали на свои места, радио заговорило. Евражка просиял и нежно погладил его рукой.

Князь сошелся с преферансистами. После завтрака уходил в парк и до обеда не появлялся. Я почти не видел его. Жизнь пошла сносная, если бы не витийство Князя после отбоя. «А верно ли, что вы потомок графов Кутайсовых?»— спросил я как-то. Князь, как писали в старину, моргнул усом и — ничего более, как не слышал.

Фамилия заведующей отделением была Раевская. Это сразу расположило Князя. Тотчас он открыл ей тайну своего происхождения, а она пересказала мне. По словам Князя выходило, что он потомок известного русского артиллериста Александра Ивановича Кутайсова, павшего на батарее Раевского во время Бородинской битвы. В следующий раз, позабыв про эту версию, Князь сообщил ей, что является внуком известного генерала.

Истина открылась позже, когда Князя навестила мать. Князь засиделся в парке за преферансом, и мне пришлось развлекать ее разговорами. Это была простая деревенская женщина, не сумевшая ни омосквичиться, ни тем более замосковеть, хотя и прожила в Москве большую часть жизни. Приехала она в столицу из Кировской области, из беднейшей деревеньки Николюковки, про которую в округе пренебрежительно отзывались «Николюковка — ни перо, ни луковка». Приехала девушкой, строить университет, по комсомольскому призыву. Замуж вышла за земляка, тоже вятича, выходца из села Кильмези, предки каковового спокон веку занимались извозом.

Наконец появился Князь.

— Маменька,— сказал он с неудовольствием,— я же запретил вам приезжать сюда!

Пропустив засмущавшуюся мать вперед, он задержался в дверях и сказал, казалось, без всякой связи:

— Горький пел в хоре, Шаляпин был репортером. Отчего бы мне не быть гардеробщиком?

В построенном маменькой университете Князь окончил два курса естественного факультета. В настоящее время находился в бессрочном академическом отпуске.

Как сейчас помню, в пятницу четвертого ноября сестра-хозяйка дала мне ключ от душевой, дала тайно, день был не банный. Я помылся и предложил ключ сопалатникам.

Князь замахал руками:

— Вы с ума сошли! Вы знаете, какой нынче день?

Как всегда, на нем был халат, но под халатом топорщилась накрахмаленная манишка.

— Какой же?

— Сегодня праздник Казанской божьей матери!— торжественно объявил он.

Евражка, услыхав слово «праздник», с надеждой высунул мордочку из-за двери.

И получил амнистию.

— Вот что, брат Евражка,— сказал Князь.— Сбегай в лавку, принеси чего-нибудь горячительного.

— А лаптевые?

— Налью,— пообещал Князь.

Налитое Евражка решил приберечь к ужину и опять умчался в сельпо, чтобы разговеться там. Воротясь с успехом, закусил в столовой. Князь выпил и отобедал в палате. Оба пребывали в благостном настроении, как вдруг дверь с грохотом распахнулась:

— Который из вас Сычов? Выходи!

— Ну я. Чиво надо-то?

— Чиво-чиво! Айда давай!— Сестра сгребла его за шиворот и повела в палату.

Что же произошло? Тем утром мы должны были сдавать анализы. Евражка на радостях совершенно забыл о них. Сестра, не обнаружив в лотке баночку с его именем, полезла к нему в тумбочку и учуяла запах спиртного. Что последовало далее, пояснений не требует.

— Почему мы здесь, не догадываетесь, Сычов?— спросил у Евражки дежурный врач.

— Нет,— отвечал Евражка, преданно глядя ему в глаза.

— Мы здесь по поводу ваших анализов.

— Анализы у меня завсегда отличные! Со знаком качества!

— Видите ли, Сычов, в вашей моче нет ни миллиграмма мочи.

— А чиво же есть?

— Это вам лучше знать.

Евражка побледнел, метнулся к тумбочке. Так и есть, баночка с вечерним причастием исчезла...

— Вот она, не ищи!— злорадно сказала сестра.

— Это же для растирания!— завопил Евражка.— Вон и дядя Юра подтвердит!

Князь подтвердил, что это у Сычова для растирания.

— А почему ж от тебя разит?— брезгливо спросила другая сестра, старшая.— Ну-к, дыхни.

— Не буду!— нашелся Евражка.— У меня стрептококки! Можете заразиться!

— Ничего, привычные. Дыши давай!

— Да пил он, Нина Степановна!— воскликнула дежурная сестра.— По морде видать!

Такого в своем присутствии Князь перенести не смог.

— Вы что себе позволяете? Я вас спрашиваю! Что это за выражение: морда?

Я дернул его за фалды, Князь не отреагировал. Пылая гневом, рявкнул:

— Дура!

— Что-что-что-что?— Дежурная сестра потянулась носом к его лицу.

— Осади назад!

— Нина Степановна! Сергей Васильевич! И этот пил! Сифонит как из винной бочки!

— Не твое дело!

— Что ж вы, Юрий Юрьевич?— укоризненно сказал врач.— Такой интеллигентный человек и...

— Имею на то причину! Праздник у меня нынче!

— Но ведь вы ознакомлены с нашими правилами?

— Видали мы ваши правила!

— На выписку,— сказал врач дежурной сестре.— Обоих.

Белые халаты с достоинством удалились.

Для Евражки эксцесс этот означал, что больничный лист ему выпишут б е л ы й, оплате не подлежащий, и что пути сюда отныне ему заказаны.

Слух о печальном происшествии разнесся по отделению. В палату набились сочувствующие. Кто предлагал обратиться с прошением к главврачу, кто к Раевской, кто советовал замазать чем-нибудь пометку о нарушении режима и снять с больничного фотокопию. Все советы были нереальны и неприемлемы...

А через день, доев окорок, завершил лечение Нелюдимый.

Я остался один. Новый заезд ожидался после Октябрьской — на четыре дня я был предоставлен самому себе. Можно было всласть выспаться, привести в порядок мысли и записи. Но, странная вещь, одиночество не принесло мне желанной радости. Промаявшись часа два над кроссвордом, я оделся и спустился в больничный двор. Темнело; гудели над головой сосновые кроны; в белесом небе наклевывалась луна.

Пустынная аллея вывела меня к реке. Сверху, из рощи, река была не видна, но близкое, влажное ее дыхание ощущалось кожей. Берег опускался круто, внезапно. Для безопасности в глине были вырублены ступени.

Вода в реке уже по-осеннему затяжелела, замедлила ход,— луна стыла на ее зеркале неподвижно. У самого уреза светилась павшая, окоренная ива. Я сел на гладкий холодный ствол, закурил.

Мимо, переговариваясь, прошли мужчина и женщина. Фигуры их на фоне тусклой воды казались плоскими. Женщина вдруг сильно закашлялась. Мужчина подхватил ее; поддерживая за плечи, повторял, как заклинание:

— Люсенька! Люсенька! Люсенька!..

---

* Круг.

ОТ МЕНАНДРА ДО ГЕССЕ

В этой подборке вы встретите поэтов, принадлежащих разным эпохам и народам,— хронологическая дистанция немного не достигает двух с половиной тысячелетий. Стихи поэтов выражают свой общечеловеческий смысл через неповторимую характерность времени и места, и переводчик был озабочен тем, чтобы передать хотя бы отчасти их несходство.

Античность представлена Менандром — мастером так называемой Новой аттической комедии, который в эпоху кризиса прежних ценностей поставил на место гражданской ярости Аристофана поэзию «человеколюбия», снисходительной открытости всему человеческому. На исходе Средневековья возникло анонимное «Прощание с жизнью», где бравурная звонкость щегольских рифм так странно сочетается с меланхолической темой, а сосредоточение ума на смерти и бренности — все по аскетическим прописям — борется с неутоленной жадностью к земному. Это эпоха, сыны которой склонны были превращать в зрелище все, даже призыв к покаянию. Великий Гете показан в одном из своих бесчисленных обликов — как поэт мудрости опыта, мудрости одновременно прозрачной и непроницаемой. Ее вершина — пять октав, в которых воспеты исходные начала человеческого бытия: характер, случай, любовь, необходимость и надежда (заглавие отсылает к орфикам — адептам таинственной религиозно-философской доктрины в языческой Греции). Но совсем простые, лишенные нарочитых «глубин» призывы к мудрому приятию мира, каков он есть (в противоположность романтическому мятежу), к неутомимой деятельности, даже не чуждые цинизма советы хитро помалкивать,— тоже Гете. Одинокому и страдальческому гению Гельдерлина принадлежит написанная античным размером ода «Любовь», обращенная к утопическому видению грядущего мира возвращенной гармонии. Дальше идут поэты XX века — уже знакомый нашему читателю Герман Гессе, автор философского романа «Игра в бисер», откуда и взяты стихотворения; трагический австрийский лирик Тракль...

Сергей АВЕРИНЦЕВ

МЕНАНДР
ок. 343— ок. 291 до н. э.

Афоризмы и рассуждения из утраченных комедий

Ах, Парменон, вот счастье несравненное:
Уйти из жизни, наглядевшись досыта
На дивные стихии. Солнце, милое
Всему живому! Звезды, реки, неба свод,
Огонь! Живет ли человек столетие,
Иль малый срок, он эти знает радости;
А ничего святее не увидит он.

*

Кто мил бессмертным — умирает в юности.

*

Возьми какое ни на есть животное:
Насколько же оно людей счастливее,
Да и умом покрепче! Хоть осла возьми:
Уж он ли не страдалец? Да, однако же
Он сам себе не подбавляет тягостей,
Терпя лишь то, что суждено природою.
Но мы по доброй воле не колеблемся
Подбавить к неизбежным мукам — лишние:
Боимся чоха, а от слова грубого
Приходим в ярость; стоит нам увидеть сон —
Дрожим от страха; крика сов — пугаемся...
Пустые страхи, ложный стыд, тщеславие!
Не от природы это зло — от нас самих.

*

Ты, может, по особому условию
На свет родился, милый мой, заранее
Договорившись с кем-то из богов, что ты
Во всем счастливым будешь и удачливым?
Тогда сердиться вправе ты: схитрил бог.
Но если ты на общих основаниях
Явился в мир и общим дышишь воздухом,
Скажу тебе трагической сентенцией:
С терпеньем должно смертному нести беду.
Пойми, во-первых, истину начальную:
Ты — человек, а в мире нет создания,
Что больше муки терпит от причуд судьбы.
Оно понятно: так бедняга немощен,
А уж куда как дерзновенны замыслы!
Коль просчитался, разом счастье рушится.
Но ты, дитя, немного потерял зараз,
С тобою обошлась судьба умеренно;
Ну, так и ты в печали соблюдай предел.

*

Женитьба, если рассудить по совести,
Конечно — зло, но зло необходимое.

*

Кто может быть несчастнее родителя?
Родитель многодетный! Лишь один ответ.

*

Большое благо юноше — такой отец,
Что с молодыми молодым становится.

*

Прелестен тот, кто вправду человек во всем.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ
1749—1832

Поэзия житейской мудрости

Имей доверие, и будь спокоен:
Давно наш мир, как надобно, устроен.
Твой начат путь: дойти его сумей.
Твой жребий пал: противиться не смей.
Одна отрада — в дружбе неизменной
С самим собою и со всей вселенной.

*

Общему пиру мешать не моги!
Все у бога вместе — друзья и враги.

*

Трудами день наполни, человек!
Ведь ночь идет, и ты уснешь — навек.

*

Чтоб ловкий вор не отнял благостыню,
Скрывай твой клад, твой путь, твою святыню.

*

Кто молчит, не знает забот.
Нет лучше укрытья, чем свой же рот.

ГЕЛЬДЕРЛИН
1770—1843

ЛЮБОВЬ

Если верных друзей вы забываете,
Если ваших певцов гоните, добрые!
Бог простит вам, но бойтесь
Насмеяться над любящим.

Ибо молвите: где жизни осталось жить,
Если сковано все рабской заботой?
Беззаботны лишь бога
Над главою людской пути.

Пусть — но все же, когда зимней немотою
Цепенеет земля, из-под снегов порой
Травы глянут, иль птица
Одинокую песнь начнет,

Неприметно ручей дрогнет, проснется лес
На мгновенье, теплом тонко повеет нам
В час приветный с полудня;
Так, предвестье иных времен,

Долгожданных для нас, в тихом терпении
Возрастает любовь над одичалою,
Неприютною почвой,
Дочерь бога и весть о нем.

О, небесный побег, свято лелеемый
Одинокой моей песнью, и нектаром
Воспоенный небесным,
И чистейшим лучом согрет,

Разрастайся, как лес! Сбудься, живой душой
Преисполненный мир! Стань, о язык любви,
Всенародным наречьем,
И законы даруй земле!

ГЕОРГ ТРАКЛЬ
1887—1914

СОЛНЦЕ

Каждый день желтое солнце уходит за холм.
Прекрасен лес, темный зверь,
Человек — пастух иль охотник.

Пурпурно зыблется рыба в зеленых водах.
Под округленным небом
Молча рыбак в синем челне проплывает.

Медленно зреют гроздь и зерно.
Когда к вечеру клонится день,
Добро и зло созревают.

Когда наступит ночь,
Тихо подымет путник тяжкие веки.
Из темной пропасти хлынет солнце.

ГЕРМАН ГЕССЕ
1877—1962

КИТАЙСКИЙ МОТИВ

Лунный луч, струясь, как блеск опала,
Круглый мост чертит над зыбью дробной,
Все зубцы, что тень образовала,
Обведя по одному, подробно.

Это лишь виденья, лишь обманы,
Что из бездн пространства мирового
Выплывают, милы нам и странны,
И во тьме без края тонут снова.
Тутовое дерево, а рядом
Различаем праздного поэта,
Мерящего отрешенным взглядом
Дрожь теней и переливы света.

Он спешит в свое стихотворенье
Все вместить, задумчивый гуляка:
Блеск луны и облаков струенье,
Возникающих пред ним из мрака,—
Каждой вещи вкрадчивую нежность,
Всю отраду их и безнадежность.

И в строфе задержано мгновенье.

СЛУЖЕНИЕ

Когда-то, в дни первоначальной веры,
Своим владыкам поручал народ
Блюсти в кругу пастушеских забот
Высокий строй ненарушимой меры —

В ладу с иною мерой: той, что око
Угадывает, вникнув в ход светил,
Ведомых в веденье числа и срока
Разумным равновесьем скрытых сил.

Но древнее преемство благостыни
Пресеклось, меры позабыт закон,
И человек надолго отлучен
От мирового лада, от святыни.

Но мысль о них светила и в разлуке,
И нам поручено: завета смысл
В игру созвучий и в сцепленья числ
Замкнуть и передать в иные руки.

Как знать, быть может, свет на нас сойдет,
И повернется череда столетий,
И Солнцу в правоте воздать почет
Сумеют примирившиеся дети.

УСТУПКА

Для тех, которым все от века ясно,
Недоуменья наши — праздный бред.
Двухмерен мир,— твердят они в ответ,—
А мыслить иначе небезопасно.

Ведь если мы допустим на минуту,
Что за поверхностью зияют бездны,
Возможно ль будет доверять уюту
И будут ли укрытья нам полезны?

А потому для пресеченья трений
Откажемся от лишних измерений!

Коль скоро менторы судили честно,
И все, что ждет нас, наперед известно,
То третье измеренье неуместно.

Переводы С. С. Аверинцева.

МУСКАТ БЕЛЫЙ КРАСНОГО КАМНЯ

Начало см. стр. 12.

фе «Бригантина». Затем люди вернулись к рабочим местам, трудовая дисциплина не нарушалась.

— Павел Яковлевич сам выдвинул меня на эту должность,— глубоко вздыхаете вы, Сергей Юрьевич.— Я искренне уважал его, и никакие версии самоубийства не могут его опорочить.

Говорили мы долго, долго...

Я понимаю, что многое две стороны имеет. Говорите: нельзя вести отдел после 65, а я говорю: очень даже можно, Лукьяненко и Ремесло вели, в пшеницах и кончили дни, Павел Пантелеймонович после шестидесяти пяти вон какие сорта выдал. Талант — он как раз и есть исключение из правил, а параграфы — с ними разве к следователю. Вы считаете, плохой был организатор, а я думаю — блестящий, редкий, выдающийся, и шут знает, кто из нас прав.

Но вот Титов... Тут уж «или-или», как на том инфекционном фоне. Когда Павел Яковлевич просил вас спросить Москву, не оставит ли, он имел в виду только одного человека. Госагропром СССР, Титов Александр Павлович — ни к кому иному из «Магарача» дороги нет, но и, помимо Титова, никто не указ институту. Они вместе с Голодригой бывали на международных конгрессах, и надо было до последнего часа оставаться «старосветским помещиком», чтобы не ставить под сомнение слово коллеги, самому не звонить в Москву. Вы сказали Голодриге, вернувшись: Москва санкционирует его снятие. А это, Сергей Юрьевич, шилом в скафандр — воздух-то и потек.

— Нет! — заявит мне Титов перед своими сослуживцами.— Никакого указания о снятии Голодриги я не давал. Это и не моя компетенция. Отделы полностью подчинены директору. Это Дженеев один, лично. Зачем, не могу понять. Сам я уверен, что Павел Яковлевич должен был бы работать еще минимум десять лет.

Черт с ним, с виноградом, с нами-то что происходит? Снимать — так уж прямо, на свой ответ, зачем за Москву хвататься? Да не хвататься — лгать именем Москвы! Сергей Юрьевич, профессор Дженеев, ужасно произносить слово «ложь», зная, к чему оно повело, но ведь и утаишь — тоже будет ложь! Раз уж она в ходу, то будет эхом перескакивать из одного класса гимназии в другой, из отчета в отчет, и все нынешние сиропы-йогурты, все сухие соки, аттестации — все минется, а слово это останется.

С виноградом легче. Он просто подтверждает, что и в перестройку мы входим во всеоружии буйств и неудержимостей, какие понагоняли ядреных тромбов в бесшабашные времена. Приезжает Отчаянный из области, председателя за грудки: «Сколько раскорчевал?» Не можем без кипения крови воспринимать, что вон оно растет, а ты коренных переломов учинять ему не должен. И не хотим пока без гнева слышать, что ничто гнилым или порочным, антиидейным из земли не вырастает — ни ранний томат у тетки, ни сытый бычок у дядьки, ни мускат на ливадийских склонах...

О виноградниках — с Титовым: суховато, но и без расстройств. Соединенными усилиями Агропрома, Минфина, Госплана бормотуху удается вернуть в небытие: в 1984 году выпуск доходил до 313 миллионов декалитров, в восемьдесят седьмом опустится миллионам к пяти. Это общественная победа, если бы «зеленый змий» не осмеивал ее втихаря. Самогон высокообразованный, технологичный, в панельных домах, при цветных телевизорах — из килограмма сахара один литр водки, то есть за десять рублей не одна бутылка, а 20, целый ящик! За один год потребление сахара возросло на полный миллион тонн, его пришлось закупить за рубежом, отсчитать круглым числом по 200 рублей золотом за каждую тонну, а пошли эти миллионы не на компоты-конфитюры, ибо потребление сахара и так стояло у биологически обоснованной нормы, а точно и безусловно на «зеленого змия». Импортный сахар влил в оборот минимум 100 миллионов декалитров водки (с сивушными, понятно, маслами), а по спиртуозности это легко перекрывает недоданное в бормотухе. Вариант самогоноварения — переделка дешевого виноградного сока на так называемое вино: умельцы добавляют дрожжи, сахар,— и трехлитровки с соками, годами пылившиеся на складах, теперь ветром выдувает из торговой сети!

Если не признавать наличие этого многомиллионного по участникам заговора против общественных перемен, если не выйти на эту ухмылистую, с «Жигулями» и дачными домиками стенку, а упражняться и дальше в рубке лозы, то выруби ты самые северные кусты в Новочеркасске, в Мичуринске и Вильнюсе — заметного ущерба тот змий не понесет.

Что правда, то правда: целые регионы развращены «пьяными годами», без бормотухи виноградарство и занятием не считают. Одна тонна гроздей в свежем виде даст 280 рублей прибыли, сухим вином — 512, бормотухой — 1709. Раз крепить не велят — зови парней с бульдозером. Азартно корчует Азербайджан, что-то безумное творят в Молдавии... Конечно, хлопотное и требующее умения шампанское принесло бы и 3370 рублей с тонны, но это же сколько стараться надо! Зови ребят, смахнем в суматохе...

Помощь корчевке — демпинговые цены, продажа в Казанях-Рязанях по гривеннику кило. Почему отрасль, культурная и трудоемкая, выталкивается из экономики? За полцены сбывают только ворованное. Отрезветь бы в виноградных проблемах, спрятать за спину лом и присесть-отдышаться.

Тогда очевидней станет, что цитрусов нам бог уже не пошлет, отечественной южной культурой ныне и присно остается «витис винифера». Хулы на виноград неряженый северянин, кому Крым дороговат, а море в диковинку, нипочем возводить не будет, Варфоломеевские ночи в растениеводстве вообще запрещены, но оставшийся государственный виноградник менять, приспосабливать к новым нуждам, конечно же, надо... Вот расчеты «Магарача»: если при прежнем виноградарстве, с большой долей фальсифицированных вин, южнобережное виноградарство приносило 30—34 миллиона годовой прибыли, то при полном нуле «бормоты», при тридцати процентах столовых сортов, двадцати процентах на соки и безалкогольные напитки и при половине валового сбора гроздей на сухие и марочные вина прибыль может не уменьшиться, а достичь даже 36—38 миллионов.

И так далее по каждому региону...

* * *

Мы с виноградарем «Дружбы народов» Эммануилом Захаровичем Вальковичем («Ради памяти Павла Яковлевича я сделаю все!») толковали, не присвоить ли всесоюзному институту «Магарач» имя выдающегося советского селекционера П. Я. Голодриги, 36 лет проработавшего в его стенах. Сие зависит не от нас, кто спорит, но думать-то можем и мысль подать тоже.

Но в институте сейчас боятся Рыбинцева. Кто он таков в биологии — бог весть, но молодой, все, говорят, про перестройку знает и кадры взял в ежовые рукавицы. У него в кабинете аттестуют, только у Голодриги четырех — фу, и нету, вот коридоры и замолкают, когда легко проходит Рыбинцев. А опыт времени говорит, что худо бывает именно тем, кто своим страхом делает опасными изначально безвредные персоны.

Так вот. Пока в «Магараче» еще летает — ну конечно, не повсеместно! — ложь и пока тут кого-то боятся, мы свое предложение не выдвигаем. Не к спеху. Виноград — дело вечное, мастеру тоже поздно спешить. Подождем — послужим.

Надо ж увидеть небо в алмазах.

Май — июнь 1987.

ПАЛИТРА

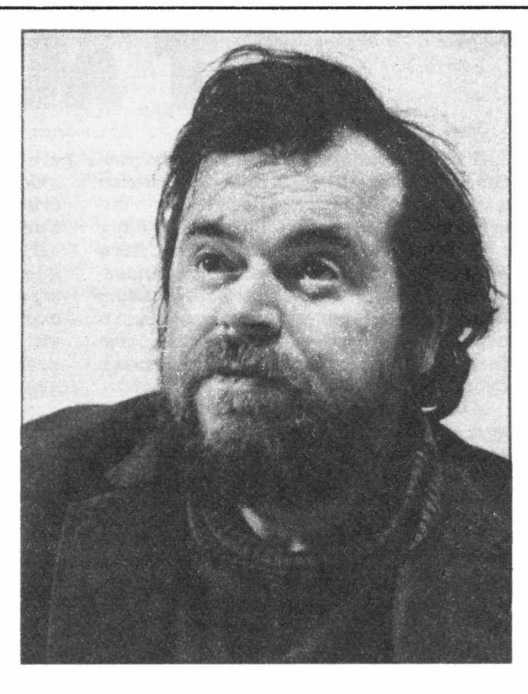

Фото Игоря ПАЛЬМИНА.

Уважаемая редакция!

9 декабря 1986 года наша страна потеряла удивительного художника Анатолия Тимофеевича Зверева. У нас творчество Зверева известно, к сожалению, лишь в узких кругах. Его картины находятся в частных собраниях музыкантов, актеров, писателей, ученых. А между тем его имя можно встретить в каталогах крупнейших галерей мира. Несколько лет назад его работы приобрела Третьяковская галерея.

Не пора ли Анатолия Зверева, этого истинно русского художника, открыть для широкого нашего зрителя? Как хотелось бы, чтобы ваш журнал дал возможность познакомиться с жизнью и творчеством этого прекрасного живописца.

Н. А. ШМЕЛЬКОВА,
кандидат географических наук.
Москва.

ОТКРЫВАЯ ХУДОЖНИКА

Игорь ДУДИНСКИЙ

Когда Людмила Берлинская победила в ответственном международном конкурсе, редакция «Огонька» поместила ее фотопортрет на обложке (№ 7, 1986 год). Пианистка дома, за роялем. На стене — картины. Знатокам современного искусства было приятно увидеть среди них холст с характерной размашистой подписью «АЗ». Великий Пикассо, принимая посетителей из Москвы, не упускал случая передать привет «лучшему русскому рисовальщику».

Его творческая биография началась в конце сороковых, в Сокольниках. Артист Камерного театра Александр Румнев, прогуливаясь по парку, обратил внимание на рабочих, которые благоустраивали детскую площадку — подправляли песочницы, грибки, скамейки. Когда дошли до фанерных щитов ограды, к ним присоединился бледный худощавый юноша в овчинном тулупе, слишком большом для него, и в разных сапогах — хромовом и кирзовом. Он принес ведра — с белилами и киноварью — и обычный кухонный веник. Подойдя к щиту, он окунул веник сначала в одно ведро, потом в другое и с небрежным артистизмом стал водить им по фанере. Через несколько минут все вокруг полыхало, лучилось, слепило. На площадке не осталось ни одного незаписанного пространства. Из каких-то неведомых мест прилетели причудливые, похожие на петухов птицы, поражавшие непривычной для тех лет дерзостью палитры.

Восхищенный открытием, Румнев попросил юношу рассказать о себе. История оказалась нехитрой. Перед войной его отец, тамбовский крестьянин из старинного рода иконописцев, почти лишился зрения. Требовалась операция. Всей семьей перебрались в Москву, обосновались в Сокольниках. Война застала в подмосковном пионерском лагере. Десятилетний мальчик шел пешком в город, захватив самое дорогое — свою первую, как он считал, «настоящую» картину. Вообще пишет он быстро и много, но только когда есть краски. Правда, деньги на них несложно раздобыть здесь же, в парке — обыграв кого-нибудь в шашки. Художественного образования нет. Поступил было в училище, но пришелся не ко двору. Никаких живописцев, кроме передвижников, не знает, но зато уж кого изучил, может определить по одному-единственному мазку. На спор? Не пойти ли посмотреть работы? Если понравится, заберете. Все равно никто не купит.

Восторженный Румнев привозил любоваться красными петухами своих друзей, ввел талантливого юношу в круг столичных знаменитостей, покупал краски, кормил, помогал пристраивать картины. Художник был благодарен, но жить на одном месте

А. Т. Зверев. 1931—1986.
НАТЮРМОРТ С ГРИБАМИ.
1980.

не мог. Его постоянно куда-то тянуло, он надолго исчезал, где-то бродяжил. Появляясь, кидался истово, жадно, неуемно писать, рождая за сеанс десятки работ. Вскоре его призвали на военную службу, во флот.

...В дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года в парке Горького работала живописная мастерская, где московские художники впервые могли видеть, как «творят» их западные коллеги. Один из американских корреспондентов, писавших о фестивале, оставил любопытное свидетельство:

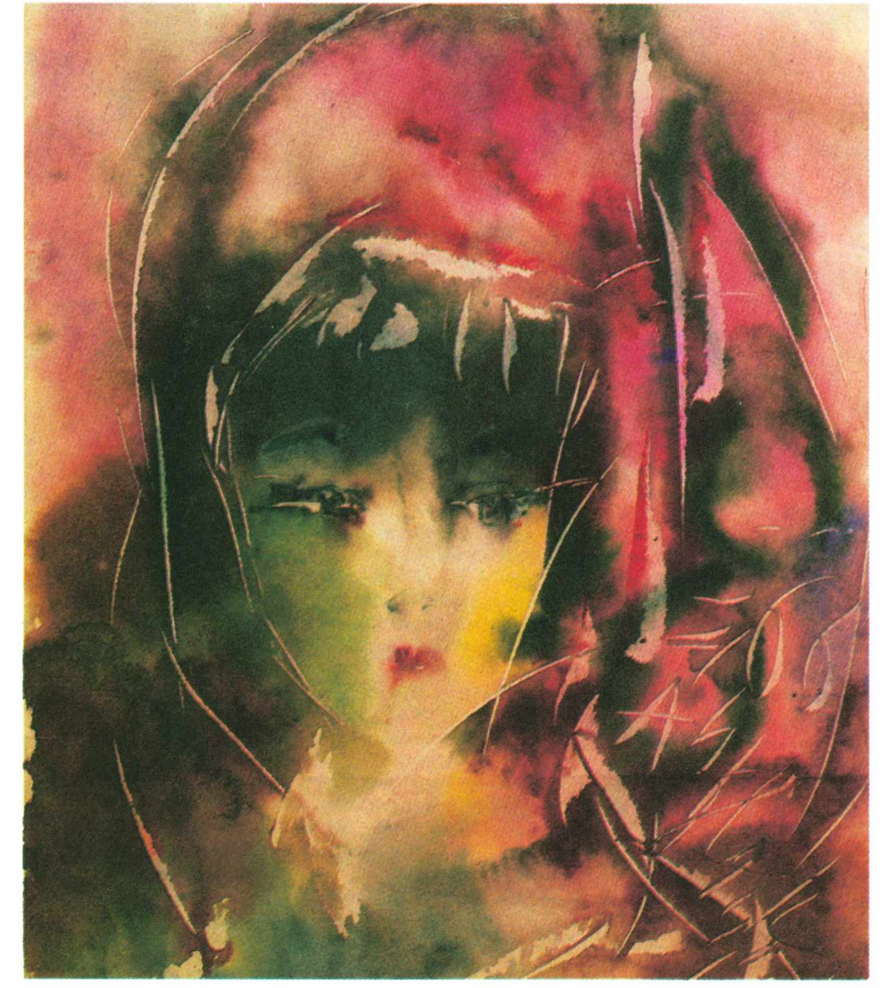
«Наши рассчитывали ошеломить русских потоком «агрессивных» абстракций. Сняли пенки с самых авангардных течений и всей этой эклектикой надеялись нокаутировать социалистический реализм. Живописный конвейер вертелся без перерыва. Не успев «прикончить» один холст, хватали следующий. Русские растерялись. Такие темпы оказались для них неожиданностью. Воспитанникам академистов ничего не оставалось, как доказывать правоту словами. Спорили энергично. Нас обвиняли в уходе от социальных проблем. Мы возражали: сначала научитесь свободно обращаться с материалом! Это продолжалось до тех пор, пока в студии не появился странноватый парень с двумя ведрами краски, которые он позаимствовал у зазевавшихся маляров, и с намотанной на палку тряпкой для мытья пола. Раскатав холст, насколько позволяло помещение, он выплеснул на него оба ведра, вскочил в середину сине-зеленой лужи и отчаянно заработал шваброй. Все не заняло и десяти секунд. Мы замерли от восхищения. У наших ног распростерся огромный женский портрет, исполненный виртуозно, изысканно, с тонким пониманием. Парень подмигнул кому-то из остолбеневших американцев, хлопнул его перепачканной ладонью ниже спины и сказал:

— Хватит живописью заниматься, давай рисовать научу!

Обладатель безукоризненной техники вовсе не был столь наивен, как казался на первый взгляд. Он быстро раскусил, что наши, в сущности, валяли дурака перед «русскими медведями», и мастерски сбил с них спесь».

Вдохновение накатывало на него внезапно, не оставляя времени на осмысливание, чем, как и что писать. К чему кисти, когда быстрее и удобнее сжать в кулаке несколько тюбиков (пусть это масло, гуашь и акварель вместе) и разом выдавить их содержимое на холст, бумагу, а то прямо на покрывающую стол клеенку и мгновенно, с помощью того, что есть под рукой — зубной щетки, ножа, ложки, бритвенного помазка,— или просто пальцами превратить случайный хаос красок в гармонию живописи — яркой, глубокой, насыщенной. И тогда... Вспыхнет стремительно разлетающимся фейерверком незатейливый подмосковный букет. Сквозь размытость, расплывчатость цветовых пятен проступят очертания до боли русских пейзажей. Оживут прекрасные лица друзей, знакомых, возлюбленных. Очаровательно загрустят добрые глаза бесчисленных собак, лошадей, птиц.

Ему нравились «заказные» сеансы. Каждый он превращал в маленький спектакль. Церемонно расслабившись, не спеша разглядывал приготовленное

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. 1966.

РАЗГОВОР ПОЭТА С РУСАЛКОЙ. 1983.

заказчиком: натянутый на подрамник холст, кисти... При себе никогда такой роскоши не имел. Шутил, балагурил. Наконец, усаживался, бросал беглый взгляд на модель и... несколькими элегантными, доведенными до автоматизма движениями завершал портрет. Затем начиналось главное. Насмешливо-изучающе оглядев присутствующих, произносил свое коронное:

— Улыбочка!—добавлял какой-нибудь случайный, ничего не меняющий штрих и старательно, с подчеркнутым удовольствием выводил инициалы, которые часто становились важным элементом композиции. Он мог превратить их и в обрамляющую лицо прическу, и в лошадиную голову, и в птичий клюв. Гонорар «из принципа» брал мизерный, чтоб хватило на пару дней более чем скромного существования. Крупных сумм панически боялся.

Им восхищался Фальк.

— Как умеет он, не видев ни одного экспрессиониста, свободно пользоваться их открытиями! — удивлялся Роберт Рафаилович.— И при этом оставаться реалистом, предметником! Всемирная отзывчивость русской души, оказывается, не только интуиция, но и иммунитет. О, ему не грозит ересь формализма, слишком он психолог. А экспрессионистская манера... Это всего лишь наиболее подходящая форма самовыражения его необузданной натуры.

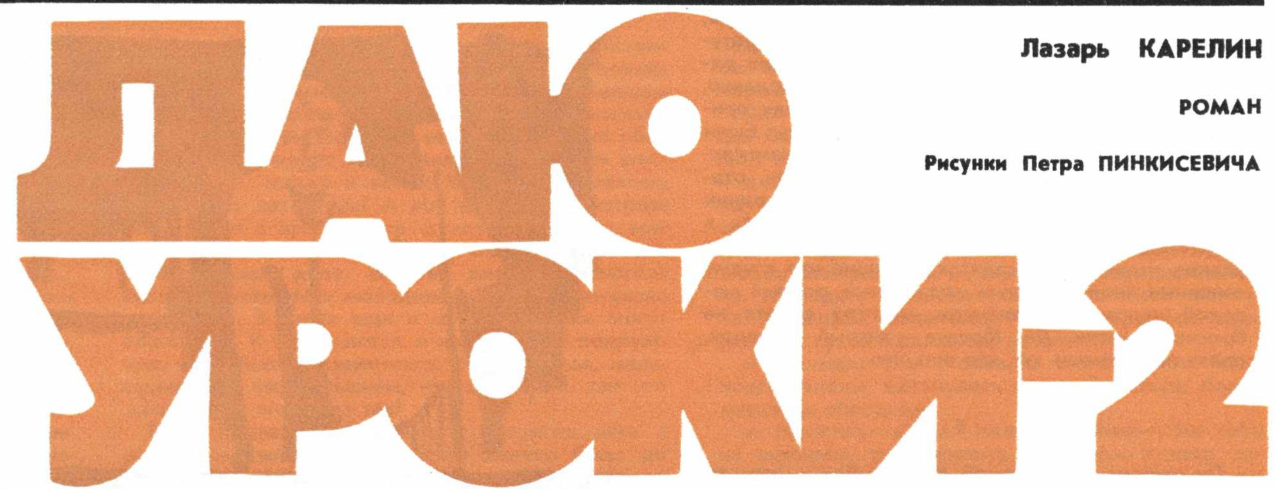
Солнцем судьбы Зверева была дружба с Ксенией Михайловной Асеевой. Оба по мере сил скрашивали одиночество друг друга. Добрейшая, слегка экзальтированная женщина, в прошлом героиня пронзительных асеевских строчек, повидавшая на своем веку немало ярчайших индивидуальностей, ближайший друг Маяковского, стала глубоким почитателем и страстным пропагандистом его искусства. Ему суждено было проводить Ксению Михайловну в последний путь. Память о трогательной нежности их отношений наполнила теплом оставшиеся годы художника.

...Как же все-таки случилось, что его наследие разминулось с нашими выставочными залами, музеями, галереями? Личной вины художника в том нет. Он не заботился о популярности, творя там, где находился. Здесь же оставлял созданное. Забирать с собой было некуда.

Есть очевидная закономерность в перемещении художественных ценностей. Все, чем мы пренебрегаем, неизбежно оказывается по ту сторону границы, как уникальный мраморный иконостас взорванного храма Христа Спасителя. Надо отдать все силы, чтобы такое не повторялось.

Анатолий Тимофеевич Зверев трудился во благо отечественной культуры. Его искусство — национальное достояние. Оно должно быть обнародовано.

Мечтается о первой большой выставке русского живописца. В достойном, подобающем его таланту месте.

Полковник Мальцев прилетел в Ашхабад из Москвы. Ему нужна помощь Ростислава Знаменского, чтобы отыскать «гонца» — перевозчика наркотиков: после смерти Ашира Атаева один лишь Ростислав может опознать его, случайного своего попутчика. Знаменский соглашается помочь и вместе с полковником улетает в Москву. Ростислава устраивают работать переводчиком в Госкино, прикомандировав к нему старшего лейтенанта Петра Брагина — самбиста, боксера, мотогонщика. Полковник Мальцев надеется, что перевозчик наркотиков, выдававший себя за сценариста Петра Сушкова, должен в конце концов встретиться Знаменскому на каком-нибудь закрытом просмотре иностранного фильма.

ДАЮ УРОКИ-2

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки Петра ПИНКИСЕВИЧА

7

Обсуждение фильма продолжалось и в холле возле просмотрового зальчика, в этом вместилище ожиданий, что на сей раз уготовила той или другой киногруппе Судьба. В этот холл, даже не холл, а некую площадку, куда сбегались комитетские коридоры и куда выходили двери служебных кабинетов вершителей судеб — главного редактора, начальника главка,— приходили кинематографисты за ответом, принят ли их сценарий, понравился ли их фильм. Сгрудившись, нервно курили у окна, выходившего на красные стены казаковского дома, униженного надстройкой, а если дальше глянуть, то и до красных стен Кремля можно было достигнуть взглядом,— и ждали приговора. На эту площадку выходили и створы лифта, который выпускал, как на сцену, все новых и новых участников ожидания, который забирал и уносил вниз получивших свой приговор. Иногда это были счастливые люди, чаще — глубоко поверженные. Лифт спускал их на первый этаж всего лишь, но они считали себя провалившимися чуть ли не в преисподнюю. Удача и провал — вот что тут царило. Но то было из недавнего прошлого этого царства. Ныне тут царила растерянность. Все было вроде бы как и прежде, но и не так. Это место уже не было судилищем последней инстанции, возникла новая инстанция, которая могла и переиначить здешний приговор, плохое назвать хорошим, и наоборот. Судьи здесь были все те же, но в их непогрешимости усомнились. И судьи здесь впали в едва приметную растерянность. Все было тем же самым: и стены, по-учрежденчески в никакой окрашенные цвет, и утлая мебель вдоль стен, а уж пейзаж за окном с низким мраморным подоконником и подавно был все тот же; но нет, и стены, и мебель, и даже пейзаж, казалось — все здесь впало в едва приметную растерянность. Даже створки лифта раздвигались с какой-то запинкой, не срабатывало некое реле, не возникала твердая уверенность, там ли, на том ли этаже остановился лифт.

Да, растерянность, неуверенность в этом холле и, наверное, и во всем этом доме именно что материализовались. И, наверное, потому и потянуло в неурочный час кое-кого из здесь работающих, ну, что ли, дух перевести, посмотреть этот пакостный фильм, отринуть себя в бездумное, да, да, именно так, разжаться. Но надо же, фильм пакостный заставлял думать. Он был не столь примитивен, как нынче говорят, употребляя отвратительное словцо,— неоднозначен. Фильм-то был о ханжестве, о вкоренившемся в учителей ханжестве, которое было посрамлено учениками, раздевшими, именно так, своих учителей. Порното порно, аморальный фильм, но с моралью.

Об этом и толковали мужчины, сгрудившись у окна и утлого столика, жадно затягиваясь сигаретами. Выходило, такой фильм просто необходимо было посмотреть, этот фильм был не безделицей.

— Умеют же гады!— сказал студент из Оксфорда и облизнул свои алчущие губы.— Ведь плюнули же ханжам в лицо. Это уже обобщение, это серьезно.

— Предлагаешь выпустить на наши экраны?— гневно глянула на него проходившая мимо строго-нарядная и строго-красивая дама, пребывающая в очаровательном безразмерном возрасте, в поре тщательного макияжа. Она уже отрешилась от этого безобразного фильма, будто сбегала и умылась, снова кое-что подправив умелым гримком в своем завлекательном лике.

— Я бы выпустил, моя бы власть,— сказал оксфордский студент.

— Твоя, твоя власть! Выпускай! О, вы навыпускаетесь! Предвижу!— Дама исчезла за дверью приемной начальника главка, в глубине которой Знаменский успел углядеть еще более прекрасную даму за столиком, которая как раз ретушировалась, заглядывая в зеркальце, стирая следы от увиденного, вновь обретая очаровательность, невозмутимость и неприступность.

К нему и к Пете — а они стояли у окна, Петя курил, Знаменский изучал Москву в окне, самую сердцевинную, что ни дом, окликавшую память,— подошел, еще издали их приветствуя вскинутыми над головой в пожатии руками, еще издали отчетливо веселый, кругло-радостный мужчина. Было ему много лет, был он тучен, исчерпывающе лыс, если не считать седых прядей за ушами... Но был весел, светился веселостью, отличные сохранил зубы и охотно демонстрировал их. И был он умен, умные глаза, зоркие. Они и смеялись, и разглядывали.

— А какая мораль?— спросил он, пожимая руку Знаменскому как человеку, с которым достаточно хорошо знаком, чтобы ему не нужно было представляться. Петру Брагину он представился, когда протягивал руку: — Сергей Сергеевич Павлов.— И выждал, когда Петя ответно представится. А Петя как-то растерялся, что было ему несвойственно, не откликнулся улыбкой на улыбку, буркнул лишь:

— Петя.

— А какая мораль, дорогие мои Ростислав Юрьевич и Петя?— повторил вопрос Сергей Сергеевич Павлов, смеющийся, немолодой, но жизнелюбивый, умно и прямо взглядывающий.— Не можете сформулировать? Тогда я скажу. У этого фильмика мораль в том, что морали нет. Ах, каких там девочек нам показали! И как любознательно их снял оператор. Все не жаль! Нет, к чертям с моралью! Голосую за грех и до последнего вздоха! Вы согласны со мной, друзья? Или уже успели натянуть ханжеские робы? Когда смотрели фильм, забылись, а теперь спохватились? Впрочем, это не похоже на Ростислава Знаменского. Не из стада ханжащих. А вам, молодой человек, просто должно быть неведомо это состояние. Вы-то родились в незакомплексованное время.

— Что за время такое?—спросил Петя, все еще не выбравшись из хмурости.— Вы кто, извиняюсь?

— С Ростиславом Юрьевичем давние знакомцы. А вы кто, извиняюсь?

— Водитель.

— Не совсем все же водитель, а? Мастер спорта по самбо, угадал? Телохранитель, так точнее?

Устанавливая, кем на самом деле является этот молодой человек, Сергей Сергеевич Павлов на Петю не смотрел, довольно и одного беглого взгляда, чтобы раскусить этого паренька. Сергей Сергеевич Павлов смотрел на Знаменского, как в родное, всматриваясь в его лицо, будто после долгой разлуки друга дорогого встретил.

Но ответным взглядом узнавания Знаменский наделить его никак не мог, не узнавал этого круглого и веселого, уже шагнувшего в старость, ну никак не узнавал.

— Каир...— подсказал ему круглый.

Дрогнуло что-то в глазах Знаменского и исчезло. Нет, не узнал.

— Амман...— подсказал ему круглый.— Хельсинки...

Нет, ни в Аммане Знаменский его не вспомнил, ни в Хельсинки.

— Неужели так изменился?— Сергей Сергеевич нарочно оскалил зубы, эту свою визитную карточку молодых еще сил, не улыбнулся, а именно продемонстрировал зубы, подгоняя память Знаменского.

Нет, не вспоминался такой человек, хотя и Каир, и Амман, и Хельсинки встали в глазах, что-то фирменное свое показав, как если бы набор открыток рекламных, как колоду карт, раскинули перед Знаменским.

— Не стану вам подсоблять, сами вспомните, обязательно вспомните... В подходящий момент...

Знаменский сморгнул с облегчением, избавляясь от тягостной этой работы памяти, когда тебя заставляют узнавать, а ты не можешь, ну, не можешь. Он сморгнул, глянул, а круглого уже рядом не было. И в толпе курящих у столика, когда глянул туда, его не было. Вообще в холле его не было. Испарился.

— Куда подевался?— спросил Петю Знаменский, изумившись проворству круглого человека, за миг проскочившего холл, исчезнувшего.

— Сам не пойму,— сказал Петя.— Я только к зажигалке наклонился. Гляжу, а его нет. Узнали вы его, Ростислав Юрьевич?

— Что-то не припоминается. Странно... Куда испарился?..

Застыли у Знаменского глаза, память, так и не сработавшая, когда надо было узнать человека, который настаивал, чтобы его узнали, называя города, где встречались, память сейчас предложила неведомо зачем вспомнить край асфальтовой дороги, легшей в барханах, эти барханы, куда ступил, отойдя на несколько шагов от встречающих их, вертолет в Небит-Даге, верблюдов вдали, в мареве пустыни, громадные шары колючки, которые катил ветер по барханной ряби. И встал в глазах загадочный человек в черном халате, в узорчатой черно-белой тюбетейке, возникший ниоткуда. Тот человек тоже был круглым, подкатился, как шар из колючек. Спросил, установил что-то нужное для себя и сгинул. Он-то и «засветил» тогда Самохина и Знаменского, как после догадался Ашир. А этот?.. Что нужно было этому, настаивавшему, что Знаменский его знает? И так же ведь сгинул, хотя не было тут, в этом холле, знойного марева пустыни. Разве что дымок от сигарет был этим маревом?

— Странный человек,— сказал Знаменский, тряхнув головой, выгоняя из глаз того, в черном халате.

— Не без этого,— согласился Брагин.— А я его где-то встречал,— задумался он.— Где-то, где-то промелькнул, прокатился. Нет, не могу вспомнить! Тренировать надо память! Полковник бы не забыл. О, наш Владимир Иванович если глянет — сфотографирует. Особый дар у человека. Мне еще учиться и учиться. Вы-то его вспомнили, Ростислав Юрьевич?

— Нет. Круглый, не помню. Другого круглого вспомнил...

— Это хорошо вы сказали — круглый. Но он вам ориентиры давал. Каир?..

— Нет.

— Амман?.. Хельсинки?..

— Нет. Ну, что привязался?! Нет, говорю, нет! Я забывчивостью на лица не страдаю. Нет!

— А он вас помнит. И я где-то его видел. Да... Покатили?

— Сам доберусь. Пятница. Рвану на дачу.

— Провожу вас.

— Зачем это? Отдыхай.

— А круглый-то, он зря, что ли, меня телохранителем назвал? Провожу. Где, ну где я его мог встретить?..

Они вошли в лифт, который как раз раздвинул свои створки, не без запинки, но все же раздвинул. Кинулись в лифт, поспели, и лифт не без запинок-рывков повлек их вниз. Лифт жил одной заботой с этим домом, оттого и запинаться начал.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 31, 32.

В Гнездниковском, в тихом переулке, старомосковском, не ведавшем, какой век на дворе, чванливо была припаркована, наездом на тротуар, вишневая машина Знаменского. Стоявшие рядом «Волги» не смотрелись, «Жигули» и подавно. К вечеру шло время, те, кто остался или приехал на просмотр фильма и чьи машины были припаркованы в переулке, а не перед комитетским фасадом, не без удивления смотрели, отъезжая, как переводчик, всего лишь переводчик каких-то там сомнительных картинок, садился в блистательный вишневый «мерседес», садился на заднее сиденье, как садятся знающие что к чему сановные лица, а за руль сел видный, рослый молодой человек со значком мастера спорта на броской куртке. Да, Москва — хитрый городок, сразу не поймешь тут, кто есть кто.

8

Он ехал на дачу. Домой. К себе. Дом — это где ждет тебя жена? Именно так. И еще во сто крат так, если ждет еще и мать. Там, на даче, которая принадлежала тестю и теще, был выделен флигелек для его матери. Домик в три комнатки, где когда-то жил садовник при даче, но садовник умер, нового не взяли, громадный участок обслуживала некая бригада садоводческая, наезжавшая, когда было необходимо, а вообще-то работавшая от министерства и для нужд его детских садов, санаториев и всяких разных должностных дач. Эта дача, куда он ехал, перестала с недавних пор быть казенной, тесть откупил ее у государства, заплатив, разумеется, номинал. Но и номинал был выражен в крупной сумме. Дача была только на словах дача, это было на самом-то деле настоящее поместье, с таким садом и участком, что по периметру оного можно было зимой, не выходя за ограду, лыжную разминку делать. Пару кругов — и взмок.

Да, он ехал домой. К жене, к родной матери, к занятому и крупному, по-настоящему крупному человеку, который был его тестем, с которым всегда было интересно потолковать о том о сем, который умел в свои почти семьдесят лет быть по-молодому моторным, озорным даже — еще не унялся, куда там! Он ехал и к теще, с которой в общем-то дружил, хотя она была барыней, именно так, барыней, и любила подчеркивать свою барственность, даже напридумала себе некое от купцов первой гильдии происхождение, хотя муж-то ее утверждал, посмеиваясь, что «женился на обыкновеннейшей посадской Нюшке». И фотографии еще уцелели, где Анна Николаевна Нюшкой и выглядывала пугливо из-за спин своих старших братьев и сестер. Семья была большой, явно бедной, именно из посада, но все на фотографиях родичи Анны Николаевны, как и она сама, имели одно общеродственное тавро: были они жадноглазые. Вперялись, буравили глазами. Такие жизнь сумеют завоевать. Анна Николаевна и завоевала. Что там ее министр, вот она была министром. И не только в доме. Все замы и помы Ивана Павловича чтили и, что важнее, всерьез боялись Анну Николаевну. Она себя сумела поставить. Ее слово было законом.

Маленькая, сухонькая Ксения Казимировна импонировала Анне Николаевне, потому что действительно была дворянских, барских, шляхетских кровей. Женщины ладили. Только Ксения Казимировна и смела возражать грозной командирше большого дома, а командирша эта вроде бы даже любила, когда наперсточек этот выказывал свой норов шляхетский, не держался на пальце, укатывался, надо было и раз, и другой поклониться, чтобы вернуть его.

Так вот и жили. Знаменский понимал, сразу понял, что взят в дом за свою стать, за способности и, да, да, за эту вот шляхетскую, от знати идущую кровь. Для внуков был взят. Он понимал это. Но когда женился, отмахнулся от этой догадки. Ну и что? Да, из бедной семьи, даже ополовиненной, без отца семьи, и нет ни покровителей, ни связей настоящих, а все же именно он элита, на нем-то именно и остановили выбор. Он женился даже вроде бы по любви. Лена была хороша собой, броско хороша. Но вглядеться в нее, когда решалась их совместная жизнь, было просто невозможно. Была она сама, но и отец министр, была она, но и эта вот дача-усадьба с теннисным кортом, с бильярдной, с катером на близкой реке. Была она, но были и ее друзья, самые-самые первые мальчики и девочки на Москве. Как тут вглядеться? В кого он влюбился? В человека, в юную женщину? Или во все, что с ней рядом шло, в чем она жила, с чем она была нерасторжима? Приданых, говорят, у нас ныне нет? Есть, есть невесты с приданым. Да еще с каким! Как было понять, какая она, вглядеться, вслушаться в нее, угадать ее надежность, когда она была всегда в празднике, в сказке исполнения любых желаний, когда из-за нее шло яростное соперничество? Выгодная партия, наивыгоднейшая. Он оказался счастливым избранником.

Он ехал домой. С Леной, когда вернулся из Ашхабада, легко все сладилось. Она была умна. Вот что умна была, это точно. И она умела что-то там свое просчитывать чуть ли не быстрее хваленых компьютеров наипоследнейшего поколения. Ее парень провалился, но, кажется, вот и начал выкарабкиваться. Заслужил, под удар ножа угодил, вступив в бой за правое дело. Молодец. Верно сориентировался. И снова в Москве, вызван, пристроен к делу и кем-то, не без влияния, опекаем. Отлично. А что проторчал почему-то слишком долго в этом Ашхабаде, что завелась у него там какая-то бабеночка, так мужики же все такие, их даже на неделю в командировку рискованно отпускать. Но, кстати, велик ли риск? И что это за риск по нынешним раскрепощеннейшим временам? Риск на риск. Ты—там, я — здесь. А, сочтемся славою!

Все эти мыслишки короткие и мгновенно прокрученные не были произнесены, умна была Лена, умела и помолчать. Но мыслишки эти легко прочитывались. Именно так: сочтемся славою, свободою, вседозволенностью. Семья? Пока нет детей, и вообще о чем разговор. Словом, разбежались, но и опять сбежались. Муж все же нужен. Такой картинный, такой для всех товарок желаннейший и такой, как оказалось, не окончательно утонувший, напротив, набравший, окунувшийся в некую тайну,— такой муж нужен, престижен. Ну, вильнула у него карьера. А у кого сейчас она не виляет? Мужья всегда были нужны женщинам, даже из самого верхнего ряда женщинам. Любовь, если даже с любви начиналось, быстро проходила, мужья не могли быть вечными любовниками, но они были нужны, всегда были нужны. Или чтобы семью тянуть, как вот отец ее тянул, или чтобы прикрыть для сторонних глаз от всего на свете. Муж как прикрытие. Пока так. А там, глядишь, и потянет. Не сегодня, не сейчас, но вот-вот уже пора и бэби заводить. Бэби тоже необходим женщине, чтобы не подумали, что она не способна быть матерью. Такой вот расклад.

Он ехал домой по сырой осенней дороге, престижнейшей в Подмосковье, по которой утрами проносились громадные, похожие на гигантских борзых машины, имеющие впереди себя и позади себя почти точно такие же машины сопровождения. И не угадаешь, кто где сидит. Проезжала Власть. Вечерами, уже не так спеша, чуть притомленная, Власть возвращалась. Где жить, в каком дачном кусте — это тоже было не столь маловажным делом. Дача тестя была в кусте, в регионе, точнее сказать, где обитала Власть.

Ныне как-то все меняться начало: соседи исчезали, новые не спешили занимать старые гнезда, обживать престижные стены. Но все же и сегодня шуршали, шуршали по этому вылизанному шоссе, где красивые тут и там стояли голубятни гаишников, где таились на обочинах теледозорные экраны, шуршали и шуршали сановно громадные машины, жизнь продолжалась, укоренившееся здесь еще коренилось. Так было всегда. Так будет всегда. Ну, пересядут пусть хоть на велосипеды. Но кто-то же должен управлять страной. А управле-

ние — это власть. А власть должна быть загадочна.

«Власть должна быть загадочна»— это было любимое присловье тестя, фраза — спутник всех его бесед с зятем, а Иван Павлович в последнее время часто затевал такие беседы, что-то все втолковывая, но, похоже, не столько зятю, сколько самому себе.

Он ехал на дачу, где наверняка не застанет жену, у которой уйма всяческих должков дружбы, разных встреч, вернисажей, обедов, ужинов, и где наверняка Иван Павлович пригласит его на партию в бильярд, чтобы не столько шары гонять, сколько говорить, говорить, высвобождая себя из недоумения.

А пока, крутя баранку, продираясь через осенний дождь, когда машину надо вести осторожно, но для него осторожным было сто двадцать на спидометре, толкал беседу-монолог Петя Брагин:

— Не пойму мужиков, которые сбегаются на эти фильмы-голье. Ну, посмотрели... А дальше что? А женщины? Этим зачем, если старые, зачем, если молодые? Молодая всегда может свой фильм на дому устроить. Мало, что ли, охотников? Какой-никакой, а мужик найдется. Настоящий, а не на экране. Я, правду сказать, женщин не понимаю. Имел. Доверялись. Но не понимаю. А вы, Ростислав Юрьевич? Что за народ эти женщины, вам понятно? Мне так думается, что женщины все-таки совсем другие люди. Лучше нас, мужиков? Ну, не думаю, ну, пускай. Но другие. Их не разгадать. Вот был у нас случай в районе города Фараха. Ликвидировали банду насильников. В буквальном смысле. Мы на них с неба свалились, взяли горяченьких. Спрашиваем у женщин, отпоили их, спрашиваем, кто да кто над вами надругался. Морды им насильников демонстрируем. Молчат. Там совсем девочки были. Жалость такая! Поверите, у наших парней у кое-кого слезы на щеках. Поверить невозможно, столько повидали, а тут слезы. Я сам понял, что плачу. Но жара, слезы сразу выкипают. В глазах еще. Ну, спрашиваем этих детей: кто да кто вас обидел? Молчат. Лица от нас закрывают. Почти голые, истерзанные, а лица закрывают. У них особый стыд, у женщин. Я так понял, что если она укажет на насильника, значит, признает, что это было. А так то ли было, то ли нет... Любого почти жаль, насильника не жаль. Который совсем девочек... Не жаль. Вы бы как поступили, Ростислав Юрьевич? Еще был случай. Под городом Гиришком. Да... Был случай... Не стану вспоминать, дорога трудная, глаза слепнут от этих воспоминаний... Эх, Ростислав Юрьевич, вот вы многое повидали. Ну, согласен, повидали. Мир объездили, согласен. Мы, «афганцы», всего ничего увидели, если по карте посмотреть, но что увидели, до конца дней хватит. Я вас со своими парнями познакомлю. Мы иногда сходимся. Думаете, пьем? Или на гитаре там? Нет. Сидим молчим. Больше молчим. Так, кто одно слово, кто другое. Главное, что рядом посидели, плечо к плечу. А дома вспомнишь, кажется, обо всем переговорили. Спаялись мы там...— Петр Брагин надолго замолчал.

Приехали. Встала в глазах умыто-зеленая высокая кровля, раскатились перед машиной створы железных ворот, машина, шурша по мягкому песку, который черным стал от дождя, проникла в мир клумб, дорожек, осанистых дерев, березовой особняком рощицы, теннисного корта вдали, ярко освещенных окон большого, довоенной постройки, но подновленного особняка. Над этим миром, казалось, сам дождь робел, здесь только чуть накрапывало.

— Поужинаешь с нами?— спросил Знаменский.

— Нет, на электричку и домой. Может, Ирюха позвонит. Вот, к примеру, Ирочка моя. То звонит каждый день, то нет ее по неделям. Никакой логики. А попробуй упрекни ее. Сам же, оказываетя, виноват.

— Женись.

— Похоже, мелкие у меня для нее звездочки на погонах. Вот такая она. Ты беспросветный, говорит. Это про погоны. Будет просвет, стану майором, обрету шанс.

— Что, карьеристочка слегка?

— Не пойму. Может, подталкивает меня, внушает цель. Я вас с ней познакомлю, тут вы опытнее. До понедельничка?

— Да, переведем дух. А то оставайся. Поужинаем, партию сгоняем.

— Без меня. Вон ваш партнер идет. Солидный дядя, ничего не скажешь. Министр, одним словом. Я смываюсь, Ростислав Юрьевич.—Брагин перекинул Знаменскому ключи и побежал к воротам. Курточка на его спине надулась, он стал похож на диковинную громадную птицу, мчащуюся для разбега по земле. Дорожек, присыпанных песочком, для него не существовало. Он взлетал и перелетал, минуя клумбы, ставил рекорды по прыжкам в длину и высоту.

9

Знаменский пошел навстречу тестю, действительно осанистому мужчине в спортивном парадном костюме олимпийца, который не был смешон на нем, на старом-то, потому что этот рослый, сильный человек стариком не казался. Даже обозначившийся живот не старил его. Ну, чуть растренирован, только и всего. Кем же он казался, на сколько лет тянул? А вот именно министром или кем-то в этом ранге и казался. И лет ему было столько, сколько нужно, чтобы делать свое ответственное дело, сочетая разум с опытом. Высокая должность молодила его и не выпускала в старость. В таких еще и юные девушки могут влюбиться. И влюбляются, и нахваливают подружкам, если бывает взаимность. Не чета, мол, мальчишкам. А что залысины, что сед ярко, так это даже ему к лицу. Вот так!

Тесть проявил заботливость, встретил зятя с раскрытым зонтом, хотя всего ничего было до дверей веранды. Но зонт был раскрыт не от дождя, а для дружбы. Старик ждал молодого. Накипело. Поговорить хотелось. А с кем еще и поговорить, как не с мужем дочери. Иван Павлович сразу и заговорил, вздымая зонт — рослыми они оба были,—заглядывая в глаза, участливо, по-родственному:

— Заждался тебя. Один в доме. Дамочки наши светскуют, разумеется. Ты-то что так поздно? Смотрю, работодатели твои тебя гоняют и гоняют. Толк-то есть какой? Не отвечай, да я и не спросил. У меня своих тайн хватает. К чертям бы все эти тайны! В чем дело? Хотите воевать, помирать приспичило? Нет, не хотите? Знамо дело, жить лучше, чем сгорать в двух-трех миллионах градусов. Так тогда не шебуршите, не нагнетайте. Просто и ясно. Пхай-пхай!

Они вошли в дом. Сперва на застекленную веранду, где разбежались веселенькие плетеные креслица, где стоял большой круглый стол, всегда, если лето или вот еще и осень не слишком холодная, заставленный тарелками с какой-то закуской, загроможденный бутылками и графинами разных там соков, но и с непременной все же бутылочкой коньяка, которая ныне, времена такие, не вышагивала из ряда, а, напротив, пряталась за спинами безградусных товарок.

— По случаю пятницы, уик-энда этого вашего, возьмем? Чуть-чуть?

Иван Павлович плеснул зятю и себе действительно чуть-чуть этой жирно-золотистой влаги, но в большие фужеры, в какие и следовало наливать коньяк.

Угрели в ладонях свои фужеры, поглядывая друг на друга, что-то прочитывая друг в друге, взаимным проникаясь сочувствием. Выпили, вернее, пригубили угретую влагу.

— Эх, Ростик, Ростик, в загадочное мы с тобой время живем! Пирамидку сгоняем?

— Сгоняем.

Вошли в дом, минуя комнату за комнатой, где разная уживалась мебель: тяжеловатая от сталинской поры, легковатая от хрущевской, замысловато-заграничнo-богатая от недавней, брежневской. Нельзя сказать, что эти деятели утверждали моду на мебель, но они утверждали моду на эпоху, а у каждой эпохи свои стулья и шкафы, диваны или там чванливые горки с хрусталем. В этом доме, к примеру, была комната, заставленная от пола до потолка подарками, знаками внимания к хозяину,— вазами чуть ли не в рост человека, индийскими кувшинами-великанами, фигурками зверей-символов со всего света, этими слонами, кенгуру, медведями, мустангами, пингвинами, матрешками. Тут красовались один к одному точные модели паровозов, электровозов, самолетов, от крошечных и до «Ил-62», тут были отбойные молотки, шахтерские лампы, целый набор касок, включая и блистательно-медную брандмайорскую. На стенах гримасничали совершенно нелепые тут африканские маски, морды, устрашающие, возможно, но только не здесь, где им было как-то не по себе, в хрустально-модельном этом обрамлении.

Когда проходили подарочную комнату, хрусталь стал позванивать, слишком уж тесно был тут уставлен. Позванивали бокалы, рюмки, фужеры, кубки, они просились у хозяина на волю, застоялись. Иван Павлович, проходя, на этот звон досадливо отмахивался. Вдруг встал, оглядел все, что тут было, медленно поворачивая голову, спросил удрученно:

— Зачем это мне все? И как это все теперь прикажешь называть? Подарки? Брал как подарки, как знаки внимания. День рождения, юбилей. А теперь такие подношения начинают взятками именовать. Но разве на Руси все обычаи перевелись? От века же были подарки. От века! Согласен, смотря кто подносит, смотря с какой целью. Нет, взятки я не брал! Вот тут я чист! Но подарок... Как повернуть человека с подарком?.. Не пойму я чего-то... Раздать, как думаешь? Пионерам? А зачем это им?

Они спустились по крутым ступеням в подвал, где была просторная комната, вмещавшая большой клубный бильярд. В комнате хватило места и для бара у стены, для настоящей кофеварки на полированной стойке, для высоких вращающихся сидений. Тут по стенам были развешаны цветные фотографии лошадей. Смолоду хозяин любил лошадей. Вон он верхом на норовистом коне. Молодой, в залихватской жокейской шапочке. Худющим тогда был. Не для верховой езды рост, но сухой был, много не весил.

«Пирамида» уже стояла на столе. И кии были подготовлены, вытянулись вдоль бортиков, белея меловым ободьем.

— Начинай,— сказал Иван Павлович.— Это тебе не шахматы, тут первому трудней.— У него загорелись глаза перед игрой, угадывался в нем азарт, старость еще не запеленала.— Да, первый удар в «пирамиду» о многом говорит, выдает ударяющего. Характер его, намерения его. Говорят, Николаю Второму, отличному бильярдисту, нельзя было подыгрывать, он ненавидел это, но и нельзя было его обыгрывать. Он и это не прощал. Вот тут и крутись. Говорят, находились умельцы. Лесть бывает грубая, а бывает тонкая. Так и с подарком. Решено, приглашу пионеров, пусть утаскивают все в школьный музей.

— И рюмки с бокалами?— спросил Знаменский, прицеливаясь для удара. Ударил. Развалил всю «пирамиду», да так, что не меньше трех шаров выкатилось на подставку.

— Без интереса начал, только чтобы уважить старика,— сказал Иван Павлович.— А сам мыслями где-то далеко. Не до игры с тестем в «пирамидку». Так, так. Рюмки и бокалы жена сдаст в комиссионку. Кому-то еще сгодятся. Как пили, так и будут пить. Раньше пили одни, теперь будут пить другие. Кооператоры, скажем. Деньги-то теперь к ним потекут. Что ж, я эту «десяточку» завалю. Не возражаешь? И с выходом на «туза». А как же мне быть, если мне подставляют? Не царь Николай. Вот, в игре был гордый, а в деле попустительствовал. Или уже не мог, сник, махнул на все рукой? Царь — это тоже работа, наступает и для царей убийственное время некомпетентности. Как, впрочем, и для министров. И тут дело не в возрасте, не только в возрасте. Я, к примеру... Ладно, отставим личные примеры. А шарик к бортику, к бортику, плотненько. Ну, что будешь делать?

Тычком, небрежно, не думая об игре—далеко, и верно, сейчас были его мысли,— Знаменский погнал от борта шар. Тот сумасшедше проскочил через все сукно, дурашливо как-то задел шар, стоявший под острейшим, неудобным углом к лузе, и шар этот, лениво, неправдоподобно вильнув, словно мастерская подкрутка дана, вкатился в лузу.

— Дурак шар!— вознегодовал Иван Павлович, выхватывая шар из лузы, страдальчески искривившись, глянув на номер.— Пятнадцатый! Так и думал! Везун ты, Ростик! Что за удар? Ты не нацелился даже.

— Тычок. Тут интуиция все решает.— Знаменский все же был доволен, что состоялся такой удар, что взял главный шар со стола.

— Интуиция... Что ты про нее знаешь? Теннис в руке, в глазомере, натренировал корт — вот и вся твоя интуиция. Ну, лупи старика дальше. Такая полоса, что и шары против меня, от тычков стал зависеть. А что, полоса.— Похоже было, Ивана Павловича всерьез огорчил успех зятя, всего лишь небрежно ткнувшего кием, а вот добывшего главный шар «пирамиды».

Но дальше игра у Знаменского не пошла. Без азарта не сделается игра, а мысли были далеко, они за завесу этого дождя отлетали и дальше, дальше. Им что, мыслям, они могут перенести нас за миг единый в самую-рассамую даль, в прошлое, из дождя в зной, скажем, от зелени пронзительной бильярдного сукна к жухлой желтизне пустыни, к красной россыпи гранатовых деревьев, к крошечному саду-огороду Дим Дымыча, к крыльцу его дома, вросшего в землю, а на крыльце Светлана. Он там был сейчас, он часто там бывал, сморгнет лишь — и там. Это не было возвращением к радости, это чаще рождало совсем иное чувство, как бы вопрос к себе: ну почему я здесь, почему я не там? Но счастья и там не было. Был мертв Ашир, а без него не было там счастья. Отгородилась, ушла Светлана. Какое уж тут счастье. Но тянуло туда. В том мире жила, пребывала тишина. Он устал, ему была нужна та тишина, тот зной безмерный, будто из древности, из Древнего Рима, те цокающие звуки из травы каких-то цикад или еще каких-то живых су-

ществ, которые жили еще во времена Древнего Рима, еще раньше, еще при Александре Македонском, который, утверждают любители легенд, чуть ли не ступал по земле туркмен, в древнем Аннау вроде бы был, заложил там первые стены, ныне пребывающие в зоне раскопок ученых мужей.

Он устал, едва начав, на этой работе по прослеживанию «версии» полковника Мальцева, на этой постыдной работе, где приходилось иметь дело с людьми, вступающими в бесстыдство, повизгивая и похохатывая, как баба лезет в холодную реку, заголяясь и приседая.

— Риск-то велик?— спросил Иван Павлович. Зоркий был человек, умел читать чужие мысли. Как же, министр! Ну, пусть на исходе, но все же, все же, чтобы стать министром, надо столько всего пройти, столько понять, таких людей, волкодавов и лукавцев, обойти-проехать.

— Вы-то как, Иван Павлович?

— А что, вот привез из Швеции целый чемодан семян и луковиц, буду редчайшие цветочки у себя на участке разводить. Глядишь, поторговывать букетами стану. Ну, к свадьбам там. Ни у кого нет, а у бывшего министра в саду есть. Вплоть до орхидей голландских. А что? Пожалел меня?— Иван Павлович положил кий на сукно, расхотелось ему играть. Захотелось ему снова выпить. Он подошел к бару, где во множестве было нарядных бутылок от виски, но пустых, уже прозрачных, пораздвинул эти бутылки, посуду эту заморскую, и извлек из недр упрятанную там бутылку коньяка. И там же в недрах таились фужерчики. Чуть-чуть плеснул в них, протянул фужер зятю.

— От Анны Николаевны тайник придумали?— спросил Знаменский.

— Нет, не от жены. Вдруг кто войдет. Перепуганный какой-то стал. Пора, пора на цветочки. Пригубили?

Они пригубили, потом одинаково и смешно вскинули головы, как это птицы делают, что-либо проглотив, познавая, что же это они такое проглотили и что засим воспоследует.

— Множество примет, признаков, сигналов говорит мне, что пора, пора,— сказал Иван Павлович, кивком подтвердив, что проглотил то, что нужно ему было, что пособляет коньяк, разжимает душу.— Вот, гляди, стоят в углу телефоны. Селекторный, прямой, «кремлевка». И ни гугу! А раньше ведь заливались бы во все три голоса. Роздыха бы не было. Изозлился бы, хватаясь за трубки. Но это была жизнь, эта злоба моя была на поверку радостью. А теперь...

— Уважают ваш покой, рабочий день позади, а завтра суббота,— сказал Знаменский.

— У нашего брата нет выходных. Тишина не наш удел. Тишина нас пугает. Есть дело, нет дела, но нас не смеют забывать. Таково правило игры во власть. Наркомания своего рода. Мы не можем уже без этого. Дозу шума и гама нам подавай. Ты вроде теперь в курсе наркоманных-то дел. Что с ними, с наркоманами, происходит, когда дозы вовремя не получат? Какие симптомы?

— Ломка начинается у них. Чуть ли не позвоночник скрючивает. Адская боль.

— Именно! Ну, позвоночник у меня не скрючивается, чего нет, того нет, но болит душа. Ломит в душе! Подхалим бы хоть какой звякнул! Замолчали! Все! Да ты знаешь, как это бывает. Испил и ты. Но ты хоть сам был виноват, а я за собой никакой вины не знаю. Жил, как все. А кто иначе-то из нас, мне подобных, жил? Ну, кто? Не могу вспомнить. И вспоминать не стоит. Белых ворон в нашей стае не встречал. Белых ворон, сам знаешь, заклевывают. Значит, притаивались, ждали своего часа? Что ж, ну что ж, стало быть, я оплошал, простоватым против них оказался. Оплошал — плати! Чу, начальство прибыло. Беги, встречай тещу.

Но побежал по лесенке наверх не зять, а сам хозяин дома, чуть поспешнее, чем того требовало событие: ну, прикатила жена из города,— и как-то так побежал, заспешил, что было ему несвойственно, суетливо как-то, таким Знаменский своего тестя еще не видел. Сутуловатый, оказывается, отяжелевший, взбегать по ступеням ему было трудно.

Поднялся в гостиную, в эту еще и подарочную, и Знаменский. Все тут сейчас ходуном ходило, хрусталь звенел, будто радуясь или жалуясь. Две рослые женщины, а с матерью и Лена прикатила — встретились где-то в городе,— расхаживая по комнате, разоблачаясь, высвобождаясь от плащей, кофт, курток, переобуваясь, такой кавардак сразу учинили в чинной комнате-музее, что хрусталь стенал, не радовался и не жаловался, а возмущался. И все маски и каски насторожились. Что-то еще будет? И все паровозики и самолетики, их бы воля, сорвались бы и улетели, умчались.

Анна Николаевна была грозна, Лена чем-то подавлена. Женщины встретили своих мужчин сердитыми взглядами, готовыми усмотреть, желающими усмотреть что-то такое, что дало бы повод для вспышки, для ссоры, для упреков. На ком-то же надо было женщинам сорвать свое скверное расположение духа. Тут как раз подходят мужья и зятья. И кротость, предупредительность, а Иван Павлович являл сейчас кротость и предупредительность, редко в подобных случаях выручают мужчин. Но все же ему не досталось, избежал грозы. Зато досталось зятю, который не успел или не захотел наиграть эту самую кротость и предупредительность, стоял на лестничной площадке истуканом да лишь поглядывал на гневливых женщин. Ему было так и заявлено.

— Ростик, ну что ты стоишь как истукан?!— вскричала теща.

— Мама, он теперь все время такой!— вскричала жена.

— Пора объясниться, милейший мой зять!— Гнев разгорался в голосе Анны Николаевны.— Что это за работа у тебя?! Уже не от одной приятельницы я слышала, что тебя в таких местах видели, куда порядочные люди не ходят!

— Но приятельницы-то ваши ходят, если они меня там видели,— миролюбиво заметил Знаменский, припомнив свою улыбку, хотя не улыбалось как-то в последнее время, разучивался чуть что защищаться улыбкой.

— Необязательно быть, чтобы знать!— Голос тещи совпал по тональности с вопящим хрусталем, с этой массовкой в шкафах и горках, с этим гласом толпы, сгрудившейся поглазеть на ссору.

— И мне все уши прожужжали,— сказала Лена.— Пригласил бы. Ты знаешь, я не ханжа. Даже не очень ревнива, ты знаешь...

Лена была хороша сейчас, крупная, яркая, ей шел гнев, а она гневалась, очень родственно сейчас похожая на мать, даже одинаково они гневались, размашисто как-то, не умея пребывать на месте, расхаживали, метались, крупные, сильные, отшвыривая с пути утлые стулья, расшвыривая свои одежды.

Иван Павлович молча и покорно собирал, наклоняясь, вещи дам, покряхтывал и помалкивал. Зятя выручать он не решался, довольный хоть тем, что его-то самого гроза обходит стороной. Напрасно так посчитал. Жена вдруг подшагнула к нему, всмотрелась пристально, заставляя распрямиться, спросила почти шепотом, но оставаясь в тональности звенящего хрусталя:

— А ты-то хоть знаешь, что на Москве о тебе судачат? Мол, со дня на день будет по «Времени» о тебе сообщение, ну, это, про пенсию по состоянию здоровья... А мне кажется, ты вполне здоров и жизнеспособен. Если, конечно, ты руки не опустил. Не узнаю тебя, Иван! Ты ли это передо мной?

Напрасно Анна Николаевна усомнилась в своем Иване, будто бы это не он перед ней.

— Молчать!— рявкнул Иван Павлович. Даже не рявкнул, скорее всего лишь слегка возвысил голос. Это хрусталь рявкнул и замер. Как замерла и Анна Николаевна. Как замерла и Лена. Да и Знаменский почувствовал некий трепет, услышав это властное, запретительное, испепеляющее словцо: «Молчать!» Министр только так мог, человек, привыкший повелевать, не боящийся высказать свой гнев и часто высказывающий его словом или жестом, после чего возможны были самые неумолимые последствия. И жест последовал. Отсекающий все разговоры, устраняющий с пути. Анна Николаевна и отпрянула от мужа. Но странно, она и испугалась, и обрадовалась. Плюхнулась на диван, изготовилась к слезам, а губы улыбались. И теперь она с надеждой глядела на мужа. Пойми их, женщин.

Иван Павлович гневными шагами пересек гостиную, исчез за дверью кабинета, не забыв так хлопнуть тяжелой дверью, что хрусталь аж охнул, хотя в звоне хрустальном никак не ожидался этот бабий звук.

Плюхнулась на диван и Лена. Слезы выступили у нее на глазах, минуя тушь и грим, легко заскользив по наведенному румянцу. Она сразу подурнела, набрякли щеки. Забыла и о ногах, об умелом их сведении, скосолапила ступни. Две бабы, старая и молодая, но одинаковые в своей потерянности, родственно одинаковые, бабкам и прабабкам следуя в каждом движении, сидели, всхлипывали, и утирали тыльной стороной руки глаза и носы.

Приотворилась дверь кабинета, Иван Павлович позвал:

— Ростик, тебя к телефону!— Голос Ивана Павловича не таил изумления: — По «кремлевке» кто-то!

Встрепенулись женщины. «Кремлевка» — это был пароль для них, признак ранга, голос успеха.

Продолжение следует.

18 июня издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Первые читательские отклики пошли буквально на следующий день, не иссякают они и сейчас. Письма разные, но едва ли не большинство — недоуменные, негодующие. Во многих не только высказывается отрицательное отношение к конкретному этому акту, но и ставится вопрос шире: «Вот уже семь десятилетий у нас Советская власть, а преступники не переводятся. Когда же наконец будет настоящая строгость, непримиримость к ним! Или мы и правнукам нашим оставим в наследство всякую уголовную нечисть?— пишет из Черкасс П. Доценко. И продолжает:— Вот и опять амнистия! Ну разве это не беспринципность, не близорукость, не безответственность по отношению к большинству народа — честным людям, желающим жить в безопасности!»

— С вашего позволения возьму на себя роль представителя читателей и буду строить свои вопросы прямо на цитатах из писем. Итак, «столицу и другие крупные города наводнят уголовники» — это опасение москвича Н. Батурина. О. Авдеенко из Одессы считает так: «Конечно, «урки» будут довольны — избежали заслуженного наказания. Но о нас-то почему не подумали? Ведь мы теперь не сможем спокойно ходить по улицам...»

— «Милицейские» фильмы часто завершаются таким кадром: за преступником захлопывается железная дверь тюремной камеры. Все облегченно вздыхают... Кажется, что проблема решена. Нет, жизнь не кино. Ведь ворота исправительно-трудовых колоний не только закрываются, но и открываются: ежедневно без всякой амнистии из них выходят тысячи людей, отбывших срок. Куда выходят? К нам с вами. Не в Австралию же мы ссылаем своих преступников, как делали когда-то англичане. Вся огромная масса заключенных к нам же и возвращается — этот вроде бы очевидный факт удивительным образом ускользает от общественного сознания. Каким выходит человек из колонии — вот что важнее всего. Стал он лучше или одичал, озверел вконец? Вряд ли кто осмелится утверждать, что второго не бывает.

Так вот, амнистия — это во многих случаях куда более эффективный способ исправления, воспитания, нежели отбытие срока «от звонка до звонка».

Может, банально прозвучит, но юристы знают по реальным судьбам реальных людей, что доверие, особенно подобное, экстраординарное,— мощнейший, шоковый импульс к перевороту в душе, к тому, чтобы увидеть себя другими глазами. Мне доверяют — значит, мне **можно** доверять, я еще не конченый...

Сейчас вышел документальный фильм Герца Франка «Высший суд» — о двадцатипятилетнем парне, совершившем убийство и приговоренном к расстрелу. Я слышал рассказ режиссера об эпизоде, который в фильм не вошел. После следственного эксперимента, на котором герой точно повторял свои действия в тот роковой день, он оказался в машине со следственной группой. День был жутко трудный, эксперимент затянулся, все измотанные, голодные. Следователь и женщина-эксперт говорили о чем-то постороннем, житейском. Эксперт достала из сумки термос и несколько бутербродов. И как-то естественно, не задумываясь, протянула один бутерброд ему! Убийце... Потом обвиняемый признался Франку, что ни наручники, ни взгляды, ни слова — именно этот несчастный бутерброд перевернул все. Вот тут-то парень и понял, **что** он сделал.

— Боюсь, Александр Максимович, что придут новые письма: мол, призываете проявлять человеколюбие к убийцам, а они прослезятся, прожуют эти самые бутерброды — и опять убивать...

— Я привел не рождественскую сказочку. Но важно тут вот что. В этой невыдуманной истории, с одной стороны, убийца, с другой — пустяковый человеческий жест — и то прозрение! Нынешняя же амнистия предполагает куда меньшие ножницы: прощение — это вам не жест, а среди освобождаемых преступников ни убийц, ни бандитов не будет. Исключение составят лишь случаи убийства в состоянии сильного душевного волнения или при превышении пределов необхо-

ВРЕМЯ МИЛОВАТЬ

КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» ВСТРЕТИЛСЯ С ЗАВЕДУЮЩИМ СЕКТОРОМ ТЕОРИИ И СОЦИОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА АН СССР, ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРОМ АЛЕКСАНДРОМ МАКСИМОВИЧЕМ ЯКОВЛЕВЫМ.

димой обороны. Освобождению (оно пройдет в течение полугода со дня издания Указа) не подлежат также лица, осужденные за контрабанду, массовые беспорядки, некоторые воинские преступления, изнасилование или грабеж при отягчающих обстоятельствах, хищение в особо крупных размерах, квартирную кражу, взятку при отягчающих обстоятельствах и за ряд других опасных преступлений. Причем на тех, кому однажды в прошлом уже оказано такое доверие, амнистия не распространяется. Как видите, она в этот раз весьма избирательна. Кроме того, и милиция очень серьезно подготовилась к работе по предупреждению правонарушений.

— И все же многие считают институт амнистии вообще актом принципиально вредным. Ведь получается, что амнистия нарушает принцип неотвратимости наказания, то есть нарушает саму справедливость.

— Да, так сказать, юридическую справедливость амнистия нарушает. Но такое нарушение — благо.

— И это говорит юрист?

— А юрист должен признавать существование интересов более высоких, нежели интересы юстиции, признавать над юридической справедливостью справедливость еще более высокого порядка. Милосердие, высшую гуманность.

Конечно, без хорошо налаженного механизма юстиции нельзя, будет хаос и анархия. Но если в обществе действует только этот механизм, строго, логично, справедливо «отвешивающий» наказания,— это уже не человеческое общество. В таком обществе люди разучатся прощать. Вся жизнь в нем станет механически справедливой — без любви, без прощения, без благородных порывов — в общем, без всех этих наших чисто человеческих «странностей».

Недаром амнистию вершит не юридическое ведомство, а высший орган государственной власти. Институт прощения не подменяет и не оттесняет уголовную юстицию, а на более высоком уровне ее дополняет.

— Хочу привести мнение, которому в чем в чем, а в актуальности не откажешь. «Если мы действительно хотим избавить общество от недостатков, мы обязаны быть непримиримыми к их носителям,— пишет семья Козельских из Ташкента.— Ведь сейчас в обществе происходит, по существу, социальная революция. А раз революция, то и законы нужны революционные — беспощадные!»
И еще по поводу беспощадности. Недавно в печати было высказано предложение отменить смертную казнь. Так вот, в нашей почте почти не оказалось писем в поддержку этого предложения, читатели чуть ли не единодушно требуют сохранить высшую меру! А некоторые предлагают даже расширить сферу ее применения.

— Очень многие искренне полагают: чем строже наказание, тем меньше преступность. Иллюзия! Да если б можно было резко ужесточить закон и зажить с нового года без преступлений...

В 1962 году введен расстрел за хищения государственного или общественного имущества в особо крупных размерах. И что же? Число таких деяний не только не уменьшилось, а возросло. И сами «особо крупные размеры» стали еще крупнее: раз уж рисковать жизнью!..

А знаете, что будет, если принять позицию сторонников ужесточения законодательства и, скажем, раздавать направо и налево расстрел да 15 лет? Тот, кто совершил хулиганский поступок, не остановится перед убийством: семь бед — один ответ.

Чрезмерно суровое наказание провоцирует продолжить нарушение закона, оно подталкивает к более жестокому преступлению. Когда в шестидесятых годах под давлением общественности ввели смертную казнь за изнасилование, заботились, конечно, не о преступнике, а о жертве. Но реально во многих случаях это приводит ко второму преступлению — убийству.

Требование ужесточить законы, мне кажется, отчасти объясняется незнанием истинного положения дел. Незнанием того, что у нас и так весьма суровый уголовный кодекс.

Смертная казнь в большинстве развитых стран отменена вовсе, а уж смертная казнь за экономические преступления — чисто наше «завоевание». Я убежден, что при всей отвратительности и тяжести, например, растраты нельзя уравновешивать человеческую жизнь с любой, даже огромной суммой денег. Такая операция словно назначает жизни цену. Повышает ли это в общественном сознании уважение к человеческой жизни?

Вообще смертная казнь как бы узаконивает убийство, как бы допускает, пропускает убийство в нашу мораль. «Ага, значит, в исключительном случае можно»,— закрадывается в чье-то сознание мысль, и начинается самостоятельное определение исключительного случая.

Человеческая жизнь священна, и никто — даже государство — не должен иметь права ее отнимать.

О возможных и встречающихся судебных ошибках уже и не говорю. Как и о том, что никто не может дать стопроцентную гарантию на неисчерпаемость злодейства в данном злодее, гарантию на неисправимость.

У нас сейчас и сроки лишения свободы чрезвычайно долгие. А вот целесообразно ли это? То есть сообразно ли именно с главными целями, которых мы хотим добиться?

По крайней мере в 30 процентах случаев длительный срок оказывается напрасным: треть впервые отбывших наказание снова совершают преступление. И не только потому, что в колонии человек оказывается в «концентрированно ненормальной» среде. Научные исследования показали: если первые пять-шесть, максимум семь лет срока человек еще рвется к другой жизни, еще сохраняет надежду, возможно, чувствует, что у него пока есть будущее, то после этого рубежа заключенного охватывает безразличие, начинается деградация, как бы мы ни старались.

Кроме того, после долгих лет жизни, регламентированной во всех мелочах, где все за тебя решают, где каждый твой шаг заранее определен, где нет места выбору,— у человека атрофируется способность принимать решения и распоряжаться собой. То есть атрофируется, в сущности, способность жить. Особенно если колония случилась в юности, когда это умение формируется. В результате человеку неимоверно трудно адаптироваться к жизни на свободе, жизни, как говорят психологи, повышенной неопределенности.

Ревнителям введения более строгих кар я бы посоветовал дождаться опубликования статистики наказаний, числа лишенных свободы. Тогда, я думаю, будет меньше призывов к ужесточению закона.

Ученые сейчас предлагают следующим образом изменить уголовное законодательство. Во-первых, шире применять иные меры наказания вместо лишения свободы; во-вторых, уменьшить максимальный срок заключения, а для несовершеннолетних ограничить его семью годами; в-третьих, направлять в колонии-поселения, где есть определенный простор для принятия хоть каких-то бытовых и хозяйственных решений, для пусть и небольшого, но все же выбора при общении,— не только за неосторожные преступления, но и за умышленные нетяжкие.

Жизнь становится насыщеннее событиями, динамичнее, комфортнее. Эта банальная констатация в приложении к уголовному кодексу имеет важное следствие. Когда есть что терять, терять не хочешь. Чем дальше, тем дороже стоит для человека каждый день свободы, и это подтверждают оценки психологов.

Понимаете, цена дня на воле — и, следовательно, дня в неволе — сегодня уже не та, что вчера. Так, значит, закон должен учитывать эти изменения. Но, увы, сроки обвиняемым даже месяцами почти никогда не отмеривают, не то что днями. Только «кругло», только целыми числами, в лучшем случае полугодиями. Почему так легко разбрасываемся длинными сроками, почему не видим, не чувствуем разницы — сидеть человеку двенадцать месяцев или девять? Кстати, иноземные приговоры назначают и месяц, и два месяца, и один день.

— Но и у нас все-таки бывают «некруглые» сроки: 38 дней или, скажем, 17 месяцев...

— Ну да, в тех случаях, когда обвиняемый уже отсидел в предварительном заключении именно столько, а доказательства по делу слишком хилы... Я считаю, что в законе надо оговорить право суда исчислять срок лишения свободы и в днях.

Возвращаясь к письму семьи Козельских... Да, идет социальная революция. Но разве для переломных моментов классическая формулировка Маркса неверна? «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него». То есть сначала нам необходимо изменить условия жизни, порождающие злодеяния, ибо «в борьбе с преступлением неизмеримо большее значение, чем применение отдельных наказаний, имеет изменение общественных и политических учреждений»,— Ленин. И не этим ли самым мы сейчас заняты?

Ох, не в репрессиях счастье... По большому счету ведь дело обстоит так: когда украли сто рублей — это проблема для юриста, но когда систематически воруют по миллиону — это уже проблема для экономиста.

Можно, конечно, наказывать каждого третьего или пятого хозяйственника (нарушений у них пруд пруди), но что изменится? А взять систему торговли, которая заведомо порождает, продуцирует преступность! Пока мы не взглянем пристально в корень бед, пока не увидим там, именно там, нужные решения, нам придется устраивать бесконечные смены директоров торгов.

Преувеличение роли насилия, приказа, ограничения — это одновременно пренебрежение к конструктивным изменениям. За что мы, по-моему, уже поплатились сполна. Делая ставку на наказание, мы невольно — или вольно — уводим внимание и усилия общества от перестройки самой жизни.

Ставить знак равенства между словами «революционный» и «беспощадный» сегодня уже нельзя.

Да и почему только сегодня? Еще в девятнадцатом году в условиях тяжкой борьбы молодой Советской республики за существование были приняты «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». В статье 25 этих «Начал» говорилось: «в соответствии с задачей ограждения порядка общественного строя от нарушений, с одной стороны, **с необходимостью наибольшего сокращения личных страданий преступника** (выделено авт.) с другой стороны, наказание должно разнообразиться в зависимости от особенностей каждого отдельного случая и от личности преступника».

— Когда умер Сталин, страна тоже переживала перелом. Тот перелом тоже сопровождался амнистией. Но она заслужила недобрую память.

— Нельзя сравнивать! К 1953 году тюрьмы и лагеря переполнились. Порядки, там царившие: диктат уголовников над морем невиновных людей, совместное пребывание несовершеннолетних со взрослыми рецидивистами, ужасные условия в камерах и бараках — все это терпеть дальше было невозможно. Но отфильтровать сидевших безвинно или из-за пустякового проступка оказалось нереально: обвинительное заключение, приговор, юридическая квалификация преступления — они часто не содержали истины, не давали возможности судить о действительном характере совершенного (если совершенного!) деяния. В этой страшной, чудовищной неразберихе не понять было, кто прав, кто виноват...

Результат массовой амнистии 1953 года — амнистии без ограничений — вспышка преступности. Однако все закономерно: «узаконенное» беззаконие стимулировало беззаконие, так сказать, самодеятельное.

— Вы сказали об ужасных условиях в тюрьмах и лагерях тех лет. Но разве сейчас с этим все благополучно?

— Условия теперь другие, получше. Но не везде. Страшно, что многие считают, будто условия в местах отбытия заключения **должны** быть плохими, под стать самому преступлению. Позиция тут простая: ты **мерзавец** — ну что ж, погоди, я тебе мерзость еще похлестче... Встречаются, наверное, в вашей почте такие письма — мол, нечего в тюрьме санаторий разводить?

— Есть...

— Преступник лишен свободы — его наказание в этом. Закон не приговаривал его ни к антисанитарии, ни к унизительной скученности, ни к холоду, ни к оскорбительному, жестокому обращению... Предполагать, что, занимаясь мучительством, мы достигнем исправления осужденного, по крайней мере наивно. Гуманность — такая вещь, которая в принципе не может быть избирательной: если ее нет на **одном** полюсе общества — по отношению к преступникам, то не дождешься ее и на **другом**, законопослушном, — по отношению ко всем нам.

Опять пример из суровых времен 1919 года. Те же «Руководящие начала...» в статье 10 говорили: «Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время **лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий**» (выделено авт.)

Но даже если вообще отбросить самый естественный, элементарный гуманизм, необходимый любому обществу, и руководствоваться одним лишь прагматизмом, придется признать: чтобы преступник вернулся на волю не с убитой душой, другими словами, чтобы вышел не опасным для нас, совместимым с окружающими, он должен мочь, уметь, иметь возможность уважать себя. А значит, как это ни дико прозвучит для кого-то, мы должны уважать его. Да, заключенного. Да, уголовника.

Есть тут один вопрос, который считается экономическим, но на самом деле является политическим. К затратам на строительство, обустройство, эксплуатацию мест лишения свободы принято относиться чуть ли не как к расходам на соцкультбыт. Видно, рассуждают методом исключения: не производство, не жилье, не оборона, не сельское хозяйство... Выходит, что колония отдельной графы не заслуживает. А если так, если выбирать надо между реконструкцией ИТК и, скажем, строительством ДК — хватит ли духу решить задачку в пользу каких-то уголовников? Вряд ли. Но давайте четче сформулируем условия задачи! Не «уголовников», а завтрашних полноправных граждан, не «каких-то», а наших с вами. Соседей, коллег, знакомых.

Мой пример с ДК условен, но отношение к подобным расходам как к неуместной роскоши, но вульгарная философия «экономии» — все это имеет место... А если учесть, что даже дома культуры строятся по «остаточному» принципу финансирования, то легко представить себе, сколько «остается» для колоний и тюрем.

На улучшение жизни заключенных стоит тратить деньги. С любой точки зрения.

— Деньги деньгами, а я вот лет пять назад получила письмо из колонии от незнакомого человека. Он жаловался на воспитателей, которые с первого дня его невзлюбили, всячески притесняли и ему же вменяли злостные нарушения режима. В результате человек лишился права на условно-досрочное освобождение...

— Извините, перебью: что вы с письмом сделали?

— Переслала для принятия мер по инстанциям, а автору написала, чтобы сообщил, как изменилось его положение. Ответов не получила ни от него, ни от инстанций. Но в повторную переписку решила не вступать: была далеко не уверена, что и так не навредила человеку.

— Да, прессе тогда нелегко было вмешаться... Но выход вижу один — гласность. Мы сейчас читаем в газетах то о злонамеренном следователе, то о недобросовестном судье. На этом фоне складывается впечатление, что в колониях работают сплошь душевные, золотые люди! О них-то мы нигде ничего не читаем. Все вроде бы уже усвоили: не должно быть зон, закрытых для критики. Простите за горький каламбур, но определенные зоны у нас для критики пока закрыты. А чего, собственно, скрывать в ИТК? Какие такие там секреты? По-моему, сегодня пресса не может ограничиваться репортажами из зала суда и судебными очерками. Надо идти дальше.

— Читатель Н. Голиков из Ленинграда прислал такое письмо: «Царь объявлял амнистию с единственной и не очень благородной целью — купить любовь народа, чтобы тем лучше, надежнее держать его в повиновении. Руководителям социалистического государства не к лицу такой способ завоевания любви народа».

— Ничего себе способ завоевания любви, если вот в этих пачках писем едва отыщешь голос в поддержку амнистии. Вряд ли стоит объяснять, что настоящую любовь народа можно завоевать лишь реальной, фактической заботой обо всех гражданах.

Но, знаете, в этом читательском мнении открывается **второй**, неожиданный смысл. Ведь царь действительно покупал **любовь** народа, объявляя прощение, шел **навстречу**, на уступку народу. Значит, было что-то, какие-то очень сильные свойства, струны общественного сознания, с которыми приходилось считаться и на которых можно играть. Эти «струны» — жалость, милосердие к преступникам.

Охотно соглашусь: милосердие в те времена, конечно же, являлось одним из проявлений религиозности народа. Больше того: порабощенный, задавленный люд естественно отождествлял себя с узниками и потому им сочувствовал. Да и человек, укравший кусок хлеба, не мог не вызывать жалости. Все это так... Но мне кажется, что милосердие — не просто результат действия этих объективных предпосылок, милосердие — это само вещество, из которого вылеплен народный, национальный характер.

Слово «милосердие» как-то затерлось теперь, обветшало, еще немного — и в словарях возле него появится помета «устар.». Разве не убедительна статья Даниила Гранина, напечатанная в «Литературной газете», которая так и называется — «О милосердии»?

Почему же оно уходит от нас? Беру на себя смелость утверждать, что одна из причин — благоприобретенная вера в могущество наказания, строгостей, жесткости. Слишком долго и чересчур пристально сосредоточивались мы на одном — надо бороться, искоренять, выправлять... Это все работа необходимая, но ведь если только полоть сорняки да не сеять, ничего не вырастет. Мы часто боролись во имя борьбы, словно и тут важна не победа, а участие, искали врагов там, где их не было.

Неважно, что кулаков уже не осталось, — мы все боролись, раскулачивали. Неважно, что экономика от борьбы за идеологическую чистоту вся скукожилась и экономикой быть перестала, — мы боролись. Неважно, что и невиновные, невиноватые отвечали «по всей строгости» — ведь лучше с запасом, чтоб наверняка, — и мы боролись. Неважно, что мораль переквалифицировалась в бдительность и учила подозревать, брать на заметку, не верить, доводить до сведения, доносить, отрекаться от близких, — мы боролись...

Конечно, тут сделали свое дело годы сталинизма. «Лес рубят — щепки летят». Знаете, кто твердил все время эту фразу? Лаврентий Берия. Правосудие — нет, тут уместнее сказать по-другому, — юстиция взяла курс на ужесточение законов. Молодежи тогдашние нововведения практически неизвестны: и внесудебное преследование — когда не суд, а «особое совещание», безымянная «чрезвычайная тройка» НКВД, без участия самого обвиняемого, без прокурора и адвоката, заочно выносили приговоры, в том числе и самые страшные; и закон 1932 года о хищениях, по которому граждане начиная с 12-летнего возраста, например, подбирающие колоски на колхозном поле, объявлялись «врагами народа» и могли получить срок, а срок по этой статье бывал «не менее десяти лет», максимум же не оговаривался вовсе; и лишение свободы за опоздание на работу (закон 1940 года) или за невыработку минимума трудодней... Статья пятьдесят восьмая УК так распоряжалась судьбой родственников «изменника Родины»: «Остальные (то есть те, кто и ведать не ведал о деятельности «врага народа».— **А. Я.**) совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, — подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет». Это закон 1934 года рождения.

Генеральный прокурор СССР Вышинский, вульгарно трактуя положение диалектического материализма о невозможности достижения абсолютной истины, провозгласил достаточным для правосудия установление истины относительной, а решающим доказательством вины — признание обвиняемого. А раз можно не утруждать себя кропотливым исследованием всех обстоятельств дела, щепетильным разбором доводов защиты — было бы «признание», — значит, признания, этой самой «относительной истины», надо добиваться любыми средствами...

— Александр Максимович, есть несколько анонимных писем — как бы это сформулировать? — о «порядке». Яснее всего позицию авторов выражает вот эта цитата: «...Мы распустили людей, развели демократию, беспорядок. Дисциплина расшаталась, молодежь погрязла в рок-музыке. При Сталине, может, и были какие недостатки, но зато был порядок!»

— Да, знакомый разговор: дескать, Сталина на вас не хватает! Но, увы, пока мы сами эти взгляды поддерживаем. Каким образом? Умалчиванием. Пока конкретные факты о том времени не будут преданы широкой гласности, до тех пор и будет процветать подобного сорта ностальгия, а противники демократизации сохранят возможность «аргументированно» рекламировать былой страшный «порядок».

В действительности «порядок» в те годы — миф: заблуждение или умышленная ложь. Преступность была шире и страшнее, чем сейчас. Вся обстановка являлась весьма криминогенной: лагеря стали массовым рассадником преступности, общественное правосознание было сильно подорвано несправедливыми наказаниями.

Не понимаю, о каком вообще порядке можно говорить, если с начала тридцатых годов начались массовые репрессии? Можно, конечно, назвать это порядком, но тогда порядком надо считать любое систематическое, отрегулированное беззаконие. Примеров в истории, увы, достаточно.

Сентенция насчет «распустили людей, развели демократию» вовсе не безобидна. Дело даже не в том, что отождествление демократии с беспорядком — простая клевета. Ведь демократия не вседозволенность, не анархия, смысл ее в том, чтобы установить и гарантировать границы самостоятельного поведения человека, чтобы он строил свою жизнь столь свободно, сколь это совместимо с такой же свободой других членов общества. Демократия, стало быть, защищает мои права, мою свободу от посягательств других граждан и от самой власти.

Главное же, повторю, не в этом. Куда опаснее то, что формула «демократия есть беспорядок» таит в себе альтернативу, подразумевает обратное тождество: диктат, произвол власти, отсутствие прав граждан есть порядок.

Нет, бояться надо не демократии, а тех, кто пугает нас демократией.

Форм такого запугивания не счесть. Вот сейчас в среде работников юстиции раздаются голо-

са: надо вырвать из рук преступников средство, которым они часто пользуются, чтобы парализовать следствие,— возможность обвинить следователя в так называемых «недозволенных методах». Мол, стоит ли рассматривать такие претензии — ведь правонарушитель всегда заинтересован следователя скомпрометировать. С другой стороны, идет дискуссия о том, допускать ли адвоката на предварительное следствие, и тут выдвигается «железный» довод против: да ведь адвокат посидит на допросе, а потом все расскажет находящимся на воле сообщникам, станет посредником между задержанным и его покуда не пойманными подельщиками...

Вот видите: тут презумпция невиновности произвольно распространяется лишь на следователя, у подследственного эта презумпция отнимается, а адвокаты вообще автоматически подпадают под «презумпцию виновности». Да, бывает, отдельные адвокаты вступают в сговор с преступниками, тут не поспоришь. Но ведь, случается, в сговор с преступниками вступают и отдельные следователи, и судьи, и партийные работники! Нельзя же на этом основании отстранять всех от участия в государственной жизни. Кстати говоря, присутствие адвоката на предварительном следствии, кроме главной своей функции — защиты прав задержанного,— будет защищать от оговора и самого следователя.

Мне кажется, полной, истинной демократии мы пока не то чтобы страшимся, но опасаемся. Норовим расставить всякие ограничительные заборчики. Любим требовать (да и спрашивать!) разрешения даже на то, что не запрещено. И эта приверженность к «полудемократии» затрагивает все социальные сферы. Например, молодой Закон об индивидуальной трудовой деятельности, на мой взгляд, весьма противоречив. Есть перечень запрещенных видов деятельности, но даже на деятельность незапрещенную (выходит, разрешенную?) надо получать разрешение в исполкоме. Как там у Жванецкого? «Объясни, почему гуляешь,— и гуляй...» Здесь право трактуется как привилегия. Считаю, что в данном случае закон отстает от реальных общественных условий, а значит, тормозит переустройство социально-экономической сферы.

Нужна процедура не разрешительная, а регистрационная — разница тут принципиальная. Одной инициативной группе недавно не разрешили организовать кооператив по производству модной обуви, которая, как известно, остродефицитна. Сказали: у нас на обувной фабрике рабочих не хватает, лучше туда идите... Яркий пример администрирования, попытка решить проблему чисто «пресекательными» мерами, как в недобрые старые времена. В результате рабочих на фабрике не прибавится (раньше-то туда не шли — почему же сейчас бросятся?), кооператива не будет и обуви тоже. В чьих же это интересах?

«Полудемократия» покуда не искоренена и в уголовном законе. В 1966 году в УК РСФСР появилась статья 190^{1}, карающая за распространение в устной или другой форме ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Тут имеются в виду действия **без цели подрыва или ослабления Советской власти.** Одно дело 70-я статья, предусматривающая действия, направленные именно на подрыв или ослабление строя, то есть действительно тяжкое государственное преступление. А 190-я «прим» может подразумевать и «слишком» острую критику, и безответственные или просто глупые разговоры... Убежден: статья эта морально устарела. Сейчас с газетных страниц, с высоких трибун, с телеэкранов слышатся и острые, и спорные, и очень разные, а иногда, может, и неправильные мнения. Нормальная жизнь...

Сто девяностая «прим» может дать в руки социальным ретроградам неправедное оружие.

Не так давно «Правда» рассказала, как рабочего И. Кубрика, разоблачавшего жуликов в руководстве мехколонны, местный суд осудил за «распространение заведомо ложных, клеветнических измышлений, позорящих администрацию». Да ведь эта формулировка почти дословно воспроизводит текст статьи 190 «прим»!

Знаете анекдот о человеке, который никак не может отрешиться от вчерашнего дня? «Алло!— звонит он приятелю.— Ты читал сегодняшнюю передовицу в «Правде»? Нет? Ну, я тебе при встрече расскажу: это не телефонный разговор...»

— Не далеко ли, Александр Максимович, мы ушли от темы?

— Нисколько. У нас ведь разговор о гуманности и жестокости, о страхе и спокойствии, о смене моральных приоритетов общества, так? Конец восьмидесятых — время по-новому взглянуть на непримиримость и терпимость.

А амнистия — только частный случай.

Беседу вела Алла АЛОВА.

О «ВЕСЕЛОМ» ИСКУССТВЕ

В цирке принято смеяться. И даже до слез. А мы, люди цирковые, давненько смеемся сквозь слезы. Что же касается прессы — ей и вовсе не до смеха: похоже, она ближе к сердцу принимает цирковые беды и больше заинтересована в улучшении состояния циркового искусства, нежели Союзгосцирк. Вот и приходится — в который раз! — посылать сигнал бедствия.

Цирк, самый демократичный вид зрелищных искусств, все чаще и чаще уходит от конкретных проблем нашей действительности и в этом — нравственном — смысле безнадежно отстает от театра и эстрады. Самое бесстрашное в физическом отношении (а в прошлом и самое смелое — в социальном) искусство цирка порастеряло свои позиции. Не стало у нас клоунов-сатириков, не стало действенной политической сатиры, не стало разговорного жанра.

Не потому ли, что руководящее безразличие не стимулирует творческого поиска? Не потому ли, что актуальность, понятая как сиюминутность, приводит к социальной бесплодности? Не потому ли, что дежурная помпезность, уснащенная фанфарами, бутафорскими знаменами, барабанным боем и барабанными ямбо-хореями, вытесняет искренность?

Цирк ждет не столько организационной перестройки, сколько творческой. А здесь, как и в других сферах жизни, кроется опасность мимикрии под перестройку.

Великая штука — честь мундира, но есть вещи более ценные. Например, честь творческого коллектива, честь творческого лидера. Наивно полагать, что регалии и руководящая должность сами по себе обеспечивают права лидерства. Чтобы не быть голословным, автор заметок вынужден совершить вместе с читателем экскурс в недалекое прошлое, всего на два года назад.

...На зрителей, пришедших насладиться зрелищем мужества и мастерства, силой и ловкостью, через звукоусилители обрушилось вот такое откровение:

Ну, а это что за чудо?
Семь красавиц на волне!
И оттуда, и оттуда
По воде идут в лаптях
На высоких скоростях!

Вам смешно? Нам — нет. За подобную белиберду впору штрафовать. Но сценарист был директором, то есть директор был соавтором и режиссером, поэтому он себя не штрафовал, а, совсем наоборот, получал авторские.

Сложное впечатление от неудавшегося первого отделения было сглажено весьма удавшимся вторым, и автора-режиссера-директора поздравили с победой. И мало кто заметил — да и те стыдливо смолчали, что второе отделение спектакля Московского цирка «Салют, фестиваль!» выпуска 1985 года, авторами которого являются Л. Костюк и Ю. Цейтлин, оказывается, уже шло, и не менее успешно, в этом же цирке в 1980 году в программе «Звезды Олимпийской арены» (режиссер Ю. Архипцев), и авторами, как ни странно, были Ю. Архипцев, Е. Милаев и А. Внуков, которые тоже на законных основаниях получали положенные авторские.

Не верите? И мне не хотелось бы верить, а посему постараюсь доказать путем сравнения. В 80-м году по воде выписывал кренделя хоровод елочек (с пловчихами под водой), а в 85-м по воде аки по суху шествовал хоровод девушек, зато с пловчихами под водой. В 80-м в бассейне показывала высокий класс группа синхронного плавания, а в 85-м, наоборот, группа синхронного плавания показывала высокий класс в бассейне. В 80-м на пятачке в центре бассейна работала с обручами И. Дешко под олимпийский шлягер в исполнении С. Ротару; а в 85-м на пятачке в центре бассейна работала с обручами, во-первых, М. Кордобан, во-вторых — под фестивальный шлягер, а в-третьих — в исполнении Н. Чепраги! Вам этого мало? Можно продолжить: в 80-м в воде резвились сивучи под присмотром В. Тимченко, а в 85-м — те же ластоногие резвились в той же воде под присмотром того же В. Тимченко. В 80-м над водой развертывалась «Космическая фантазия Интеркосмос» под руководством К. Тятте и А. Перадзе, а в 85-м — над водой исполнялась та же космическая фантазия с тем же названием и в том же составе.

Принципиальное отличие меж двумя разновозрастными близнецами: если в 1980 году в бассейн нечаянно, но ежедневно падала солидная дама из зрительного зала, то в 1985 году в бассейн столь же неосмотрительно ежедневно падал мужчина спортивного телосложения и тоже из зрительного зала. Клоуны были совершенно другие. Песенка была другая. И вообще старшего близнеца звали «Цирк на воде», а младшего почему-то «Фейерверк на воде»!

Так начинал самостоятельную творческую деятельность в Московском цирке на Ленинских горах новый директор Леонид Костюк. Назначенный директором в 1984 году, он автоматически сам себя стал считать и худруком (такая вот демократия!). Диплом ГИТИСа давал директору неоспоримое право на постановку спектаклей. Насколько объективно диплом отражал творческую состоятельность его обладателя, судить не берусь.

На первой же постановке между директором-режиссером и ведущими сопостановщиками выросла стена отчуждения. Дальше — больше.

Расстается с цирком бывший главный художник (автор заметок). Возможно, автору поставят в упрек личную обиду — отсюда-де и весь пафос! Пожалуй, будут правы. Но лишь отчасти, потому что автор по доброй воле и вполне сознательно приходит к такому решению из-за принципиального неприятия возникших в цирке отношений. Но обида, что ни говори, имеет место. Не столько за себя, сколько за цирк. И если хотите, обида эта переживается автором как личная (за спиной автора 25 лет работы в цирковом искусстве).

Потом уходит художник-постановщик Марина Ратнер, а это художник яркий, самобытный, острый. Уходит, успешно проработав в Союзгосцирке 20 лет. Постановочный цирк некоторое время обходится без художников вообще, а пришедший было в цирк Олег Турков не выдерживает и тоже уходит. Все три члена Союза художников ушли вежливо, не доводя разногласий до конфликта.

Следующим, но уже после скоротечного конфликта, уходит «по собственному», но вынужденному желанию Владимир Шибаев — главный художник по свету, крупнейший специалист в этом деле. А он блестяще проработал в Московском цирке со дня его основания. И вот далеко не маловажная деталь: увольнение В. Шибаева по странному совпадению последовало сразу же после его критического выступления в адрес администрации цирка на профсоюзном собрании. И это тоже интересная информация к размышлению.

Но еще остался главный балетмейстер. Однако это самое *еще* уже весьма проблематично. Точнее было бы сказать: пока что в цирке есть главный балетмейстер Ромас Рибаковас. Увы, и здесь имеет место конфликт. Р. Рибаковас давно приобрел опыт сорежиссуры, а его постановки в цирке, в КДС, в спорткомплексе «Олимпийский», на Московском фестивале и на Играх доброй воли говорят сами за себя, и достаточно красноречиво... «Мне не нужен сорежиссер!» — заявил режиссер-директор. В изложенной ситуации существует единственное и простое, как репа, решение — уволить! Но как уволить неугодного специалиста высшей категории? И директор догадывается использовать саму перестройку. Поэтому на большом совещании, целиком посвященном перестройке, директор *постановочного* цирка лаконично требует себе права эту должность вообще сократить (любознательных адресуем к протоколу совместного заседания режиссерской коллегии и президиума худсовета Союзгосцирка).

Сегодня Л. Костюк собирается вычеркнуть из штатного расписания одного главного специалиста. А кого — завтра?

Известно: ломать — не строить. Но право разрушать созданное другими (какое-то, согласитесь, сомнительное право!) надо бы еще предварительно заслужить, доказав собственную способность созидать. И созидать лучше.

А пока приходится констатировать, что вседозволенность есть родная сестра вышестоящего попустительства. Или равнодушия.

Если подойти к вопросу не поверхностно, то не так уж трудно рассмотреть в частном случае не единичное, а типическое. Если хотите — симптом. А скорее всего — тенденцию. Поэтому тревога за творческую судьбу Московского цирка совсем не преждевременна.

Марина **ЗАЙЦЕВА**

ОТ РЕДАКЦИИ.

Вот такое письмо пришло в журнал. Письмо грустное, полное заботы о цирке, эмоциональное и убедительное. Одно нас смущало — а правильным ли будет его публиковать, если автор уволился из цирка. Есть тут оттенок — вот работал человек, ушел, а теперь сводит счеты. Мы встретились с автором, заслуженным художником РСФСР Мариной Зайцевой.

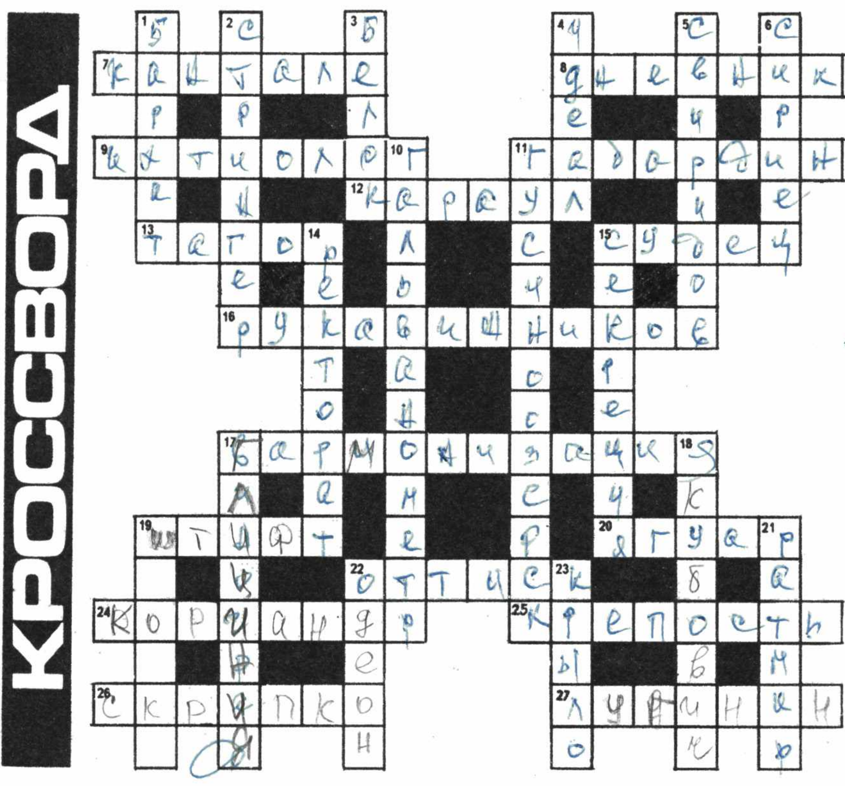
— Скажите, пожалуйста, как вы ушли из цирка, почему вас уволили?

— Меня не увольняли, я ушла сама. Я поняла, что работать невозможно. Нужно уходить. И написала свое письмо для того, чтобы все-таки как-то помочь цирку, ибо я его люблю. У меня есть работа, работаю по договорам. Это не месть, не сведение счетов. Нет, это боль, моя личная боль. Я читала критические выступления в журнале о цирке и решила написать о том, что наболело.

Звучит убедительно. Да и психологически понятно. Человека волнуют не личные отношения, а дело.

Мы, прежде чем публиковать письмо, решили его проверить. Были в цирке, наш корреспондент говорил с сотрудниками Союзгосцирка, с деятелями циркового искусства, и все они подтверждали правоту автора письма. Марина Зайцева ушла из цирка, но ведь в самом цирке ничего не изменилось. Человек хочет привлечь общественное внимание, хочет помочь любимому искусству. Это вполне понятный благородный порыв, говорящий о неравнодушии. Вот поэтому мы и решили это письмо опубликовать.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Карело-финский музыкальный инструмент. 8. Систематические научные, личные записи. 9. Специалист, изучающий рыб. 11. Ткань с мелкими рубчиками для пальто и костюмов. 12. Воинское подразделение, несущее охрану. 13. Индийский писатель-гуманист и общественный деятель. 15. Советский военачальник, маршал авиации. 16. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 17. Сочинение музыкального сопровождения определенной мелодии, аккомпанемент. 19. Стержень для неподвижного соединения деталей. 20. Хищник, обитающий в тропических лесах Америки. 22. Отпечаток текста, графического изображения. 24. Южное эфирномасличное травянистое растение. 25. Глава в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 26. Советский военачальник, маршал авиации. 27. Русский физико-химик, участник освободительного движения 1860-х годов.

По вертикали: 1. Ткань с мягким густым ворсом. 2. Продольное ребро жесткости корпуса судна, самолета. 3. Высокомолекулярное органическое вещество. 4. Высшая цель стремлений, образец. 5. Композитор, Герой Социалистического Труда. 6. Представитель основного населения арабского государства. 10. Электроизмерительный прибор. 11. Шахтерский город в Бурятии. 14. Административный орган вуза. 15. Выделение желез, необходимое для жизнедеятельности организма. 17. Южная декоративная лиана. 18. Декабрист. 19. Клинообразная прокладка в пазах соприкасающихся деталей. 21. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 22. Античное круглое здание для выступления певцов. 23. Несущая плоскость самолета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 4. Архитектура. 7. Злобин. 9. Фигаро. 10. Заборский. 11. Стартер. 14. Никитин. 17. Бега. 18. «Выстрел». 19. «Рожь». 20. Арабеск. 22. Яхтсмен. 25. Миниатюра. 27. Рыбное. 28. Амиров. 29. Телевидение.

По вертикали: 1. Круиз. 2. Зегерс. 3. Эрбий. 5. Молот. 6. Саади. 8. Наставление. 9. Физкультура. 11. Сцена. 12. Агава. 13. Русак. 14. Нория. 15. Терем. 16. Нежин. 21. Регби. 23. «Егерь». 24. Латвия. 25. Мопед. 26. Ампир.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Егора ГОРОХОВА

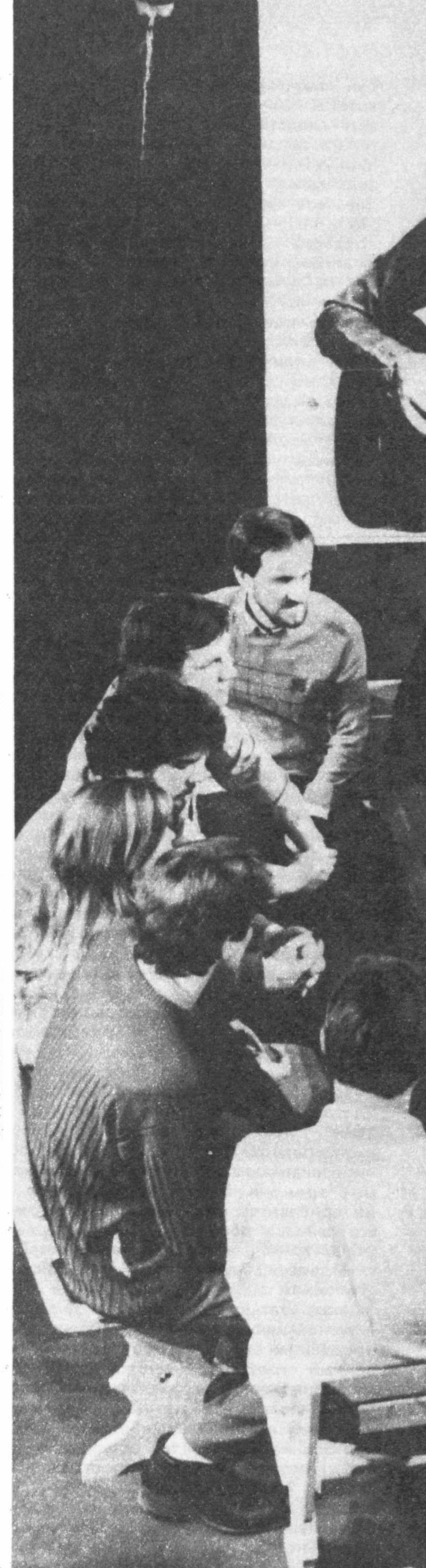

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ЛЮБОВЬ, ПОЭЗИЯ, ПОДМОСТКИ

Любительский театр из города Иванова, который мы сегодня представляем читателям, по-своему уникален. Это театр поэзии.

Композиции Регины Гринберг, бессменного руководителя коллектива, строятся как театральные пьесы, она умеет извлечь драматургию из стихов. А поэзия между тем ни в чем не ущемлена, стих объемен, скульптурен.

Цель театра — не только приобщить зрителей к поэзии, но и сказать полным голосом о ее созидающей роли. Этой задаче отвечают и недавняя работа театра — триптих по стихам В. Высоцкого, и спектакль «Настал черед», посвященный человеческой судьбе, и спектакль-оратория «Мозаика».

Можно смело сказать, что любители из Иванова достигли профессионального уровня. Но в том-то и штука, что профессионалами они быть не хотят. Инженеры, врачи, научные работники, аспиранты, студенты, они преданы своей основной профессии. Но и без театра жизни своей не мыслят.

Недавно молодежному народному музыкально-поэтическому театру исполнилось тридцать. И в конец юбилейного сезона ему было присвоено имя Владимира Высоцкого.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

Природа щедро поделила свои секреты среди всех живущих на Земле. Но чтобы открыть эти тайны, нужно хорошо узнать их обладателей...

Беседу Леонида Плешакова с Василием Песковым читайте в номере под заголовком «Поможем братьям меньшим».

